

Сергей Усков

ЧЕРТА
ОТВЕТСТВЕННОГО
ВОЗРАСТА

Сергей Усков

Черта ответственного возраста

«Accent Graphics communications»

Усков С.

Черта ответственного возраста / С. Усков — «Accent Graphics communications»,

Сборник содержит 18 рассказов, избранные главы из 4 романов, в которых автор затрагивает самые разные темы. Он приглашает читателя поразмыслить о предопределенности судьбы, о том, как важно уметь ценить редкие моменты нежности, о счастье жить и чувствовать, о непредсказуемости жизни и человеческой души. Каждый из рассказов закончен, сюжетно выстроен. В текстах имеется завязка, развитие событий, кульминация и логичный, оригинальный финал. Тексты изобилуют яркими, эмоционально насыщенными образами. Автор сумел вдохнуть жизнь в своих героев, гармонично сочетая в них комплекс самых разных черт, как положительных, так и отрицательных. Именно это сделало их по-настоящему живыми и настоящими. Рассказы представляют собой яркие зарисовки на жизненные реалии. Автор будто бы выступает наблюдателем, внимательно следит за разворачивающимися вокруг него событиями, размышляет, делает выводы, а затем мастерски переносит увиденное и прочувствованное на лист бумаги. Каждый читатель найдет в этих рассказах то, что ему нужно на данный момент: теплоту, веру в любовь, уверенность в мудрость жизни, улыбку младенца или красоту обнаженной женщины. На страницах своей книги автор словно приглашает к размышлению о важнейших жизненных ценностях, внутренней гармонии, многомерности человеческого естества, смирении и фантазии, гордости и скромности, и других моментах, которые неизменно волнуют человеческую душу. Автору порой удается формулировать ответы на незадаанные вопросы так четко, точно и вместе с тем эмоционально и щемяще, что после прочтения его произведения и в мыслях, и в душе начинается работа. И это именно то, чего стоит ждать от хорошей книги.

© УСКОВ С.

© Accent Graphics communications

Содержание

Первая учительница	6
Две истории о большом и малом	9
1. Черта ответственного возраста	9
2. Божественное дитя	22
Черная метка	28
Чудовище, съедающее заживо	41
Девушка из цветочного магазина	43
Эпилог	61
Прозрение слепых	64
Легенда о состоявшейся жизни	72
1. Особенный поселенец	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сергей Усков

Черта ответственного возраста

(Рассказы, репортажи, главы из романов)

Первая учительница

Когда у меня заструилось серебро в волосах, мысли потекли несколько по-иному. Я вдруг ясно понял, что когда-нибудь стану дряхлым дедушкой, но представить этого не мог. Не хочу быть дряхлым, больным и немощным...

Где-то я читал, что только тот, кто делает всё правильно с самого начала, с первых осознанных шагов, не страшится старости – для них эта пора как бесконечная золотая осень. Каждый хоть раз ощутил прелесть тех дивных дней с умеренным теплом, безветрием, тишиной, мудрой безглагольностью – лишь отовсюду струится позолота... Может быть, проблеск серебра в редющей шевелюре – предвестник той позолоты? И пора сделать своеобразную уборку в своем внутреннем мире?

Совершенно случайно обнаружил, что не помню первой учительницы. Той, что научила читать, писать и считать. Между тем, явственно помню чудесный эпизод с продолжением на всю жизнь...

Это было во втором классе. Я и друг мой Серёга, побросав дома портфели с тетрадками, где алели колы и двойки по всяким там чистописанием и правописанием, собрались в подъезде девятиэтажного дома, по тем временам самой высокой этажности. Мы задумали выполнить чрезвычайно захватывающий трюк: учебный полет в неведомое. Мы уже пробовали, но в этот раз решили пойти дальше.

Для этого надо было пробраться в шахту пассажирского лифта. В основании шахты устроена площадка для обслуживания, где можно в полный рост стоять и смотреть, как вверх-вниз над тобой бежит кабина лифта. Дно кабины заканчивалось неким скелетом для обслуживания шахты: такая маленькая клетушка, огражденная символической цепью.

Мы вдвоем втискивались в площадку и ждали, когда кто-нибудь воспользуется лифтом. Пассажир, безучастный и равнодушный – в кабине, мы, преисполненные предвкушением чудесного, формально под ним, но на самом деле – мы взлетали в неизъяснимо захватывающие высоты.

В тот день для остроты ощущения, решили не стоять на площадке, а повиснуть под ней на вытянутых руках, ухватившись кистями рук за нижнюю перекладину. Серёга уже провел первое летное испытание, теперь была моя очередь...

Итак, мы приготовились. Я протер мелом руки, мысленно представил, как взлечу с кабиной, и – приятные мурашки ползли по телу... Ждем пождем в полумраке жильцов, запропастившихся на беду.

Наконец, хлопнула входная дверь. Клиент тихими шажками прошел в кабину. Захлопнулись двери, я крепче сжал ладони на перекладине. И... и дверь вдруг снова открылась, потом закрылась, открылась-закрылась...

Озадаченный Серёга выскочил из шахты, я пулей за ним. Из полуподвального помещения мы вынырнули точно черти из преисподней: чумазые, возбужденные, злые.

На площадке первого этажа стояла девочка. И такая необычная, такая красивая, что у меня захолонуло сердце, остановилось дыхание. Её светлые волнистые волосы ниспадали на хрупкие плечи. Огромные фиолетовые глаза на белоснежном личике смотрели чуть насмеш-

ливо, чуть отстранено, совсем по-взрослому, с каким-то неведомым мне знанием и опытом иной, высшей жизни. В ней не было ни капли кукольного.

– Вы кто? – без тени испуга спросила девочка.

– Мы эскпеме...эскпемери...эскперимонтеры, – напустив на себя важности, ответил Сёрега. Его заводило намерение сбить спесь с девчонки.

– Экспериментаторы, – легко проговорила девочка, звонко рассмеялась.

Я никогда не слышал столь мелодичного голоса. Если и слышал, то в фильме-сказке. Я словно пожирал её глазами. Припомнил, девочка из параллельного класса, недавно появилась в нашей школе.

– И над чем вы экспериментируете?

– Над собой! Ты чего тут делаешь?

– Я всего лишь хочу подняться на лифте на свой этаж. На лифт не хочет. Он не ощущает моего веса. Обычно я хожу с портфелем. Как раз это и добавляет вес.

– Ты дура или как?

– Правильно говорит! – Я вступился за девочку, чем поразил Серёгу, ведь он был за главного. – В лифте есть защитное устройство на вес. Чтобы не гоняли пустой лифт, оно не запускает его, и не даёт включиться при перегрузе. Давай, я буду вместо портфеля. Дополни твой вес.

Я шагнул в кабину. Девочка, мило улыбаясь, вслед. Серёга, недовольно сопя, протопал за нами. Лифт легко набрал высоту и, взбрыкнув, остановился.

– А всё-таки, каким образом вы экспериментируете?

– Мы также катаемся на лифте. Но снизу, без ограждений, цепляемся за дно. И летим параллельно пассажиру, – без обиняков признался я, чем тут же заслужил тычок друга.

Девочка вдруг встрепенулась от испуга, внимательно посмотрела на нас, что-то сверила по наручным часам, сказала:

– Хотите побывать у меня в гостях? Я покажу что-то очень интересное.

– Конечно, хотим, – ответил я за себя и за Серёгу, несмотря на его тычки. Теперь я стал главным.

В прихожей нас встретил большой белый кот. Грациозно выгибая спину, он потерял ноги маленькой хозяйки, затем крадучись подошел к нам. Принюхался – и фыркнул. Девочка рассмеялась, весело сказала нам, чтобы вымыли руки и чумазые рожицы.

Милая хозяйюшка, органично входя в роль, заварила чай, достала торт «Птичье молоко», по тем временам дефицитный. Мы втроем сели за стол. Ни мало не смущаясь Серёга стал наворачивать один кусок торта за другим. Я лишь надкусил предложенное угощение. Мне нужно было другое. После чая прошли в комнату, и я поразился убранству.

На полу – толстый и мягкий ковер ручной работы с необычным орнаментом, на стенах – картины в отливающих золотом багетах. Массивный книжный шкаф, заполненный старинными книгами в толстых переплетах. Коллекция фарфоровых статуэток. Огромное, как мне показалось, пианино, поблескивающее гладью тщательно отполированного лака густого вишневого цвета.

– Ты как восточная принцесса живешь! – сказал я, не сдерживая восторг.

– Может быть. Мой папа ученый и работает в секретном институте. А мама учитель сольфеджио в музыкальной школе... Учит нотной грамоте, – пояснила юная красавица.

– Ни фиги себе, – с присвистом произнес Серёга, растянувшись на ковре, – Зачем нужно сольфеджио? Чтобы купить такой ковер? (По тем советским временам интеллигентная прослойка общества жила в материальном плане очень хорошо)

– Чтобы научиться прекрасному. Вместо музыкальной грамоты может быть что-нибудь другое. Увлечение, интерес, делать прекрасное своими руками. Я ещё изучаю французский язык, историю этой страны. Но больше всего люблю музыку.

– Как можно любить, что нельзя потрогать руками. Любить, чего нет... Пока не зазвучит. Сказала бы – нравится.

– Для меня она есть. Это невидимое прекрасное имеет разные формы. Музыка – одна из форм и звучит под его влиянием. Давайте я вам сыграю. Что хотите услышать?

– Мурку! – Серега со смехом обозначил тему и запел: – Мурка, ты мой котенок. Мурка, ты мой муруночек...

– Сыграй что-нибудь из Чайковского, – поспешил сказать я. В зимние каникулы мы с мамой ходили на балет «Щелкунчик»

– Хорошо! – Девочка улыбнулась, положила руки на клавиши.

Она, легкая изящная воздушная, словно в мгновение наполнилась как раз тем прекрасным и невидимым, что было в мире, что добавило ей тот самый материальный вес, который не смог уловить бездушный механизм лифта. Я видел не тщедушную девочку – царственную фею с длинными шелковыми волосами, с гордо выгнутой спиной, сияющими глазами на утонченном божественном личике...

Её длинные пальчики искусно бегали по клавишам, извлекая звуки и соединяя их в музыку. Внимая одухотворенной девочке, я решил для себя точно и окончательно – она неземное существо, она – лучший учитель прекрасного, которое в каждом её движении, в каждом взгляде, в каждой линии и черточке тела, лишённого земной тяжести.

Когда девочка закончила играть, я был оглушен внезапной пустотой. Я и она, словно приходили в себя, возвращались в этот мир. Вдобавок Серега резанул по ушам:

– А песня про Мурку лучше!

Девочка поморщилась, вздохнула, сказала, точно спохватившись:

– Так, мальчики, мне уже поры собираться в музыкальную школу. Мои дни расписаны по минутам, чтобы ни одной минутки не пропали даром.

– А где то интересное, что хотела показать? – буркнул Серёга.

– Ты не заметил? – спросил я. Он помотал головой. – Тогда и объяснять незачем.

– Давай дружить, – сказал я девочке.

– Давай! – не замедлила ответить она. – Только чур, ты должен научиться делать прекрасное и быть необычным, чтобы было интересно с тобой, чтобы каждый день был запоминающимся!

– Хорошо! Буду учиться и этому. Пока.

– Пока. Можешь завтра мне позвонить в это же время.

Мы вышли на лестничную клетку. Серёга, зевая и почёсывая за ухом, сказал:

– Ну чо, прокатимся на лифте по разу?

– Знаешь что, Серёга, жалко времени! Пойду-ка учить уроки.

PS: Девочка недолго жила в нашем доме: её папу перевели на более ответственную работу, и дороги наши как будто разошлись. Однако, когда я стал уже взрослым, вдруг встретил девушку с точно таким же именем и такой же неземной одухотворенности, и однажды услышал от неё: «Ты такой необычный и, порой, умеешь так искусно делать прекрасным и запоминающимся почти каждый день!» Я хлопнул себя по лбу, мгновенно вспомнив хрупкую и светлую девочку из параллельного класса... Выходит, справился с её задачей?! Чудеса, да и только!

Две истории о большом и малом

*Ничто не доставляет человеку такой радости, как чистая
совесть.
Джигуджизада*

1. Черта ответственного возраста

Я давненько предполагал, что для душевного здоровья, и здоровья вообще, самое опасное время года – конец ноября и первая половина декабря. По крайней мере, это справедливо для пожилого возраста. А также для так называемого ответственного возраста, по определению Г.И. Гурджиева (Джигуджизада среди суфиев) – беспрецедентного вестника древнейшей эзотерической школы, о чём будет сказано чуть ниже.

Вскоре в этом временном казусе выпало доподлинно убедиться. И, как всегда бывает, на собственной шкуре. Не совсем, правда, на себе, но ощущая близких и родных неким драгоценным и совершенно необходимым продолжением себя, можно справедливо сказать, что попал ты, братец, в чрезвычайно непростую переделку.

Дело в том что, оставив родительский дом, мы периодически возвращались в него. И каждый с определенной целью.

Я наведывался по строго определенному графику, чтобы быть уверенным, что престарелая мать ни в чем не нуждается: из крана течет вода, не засорена канализация, радиаторы отопления исправно передают тепло квартире, горят все лампочки в светильниках и не надо бежать в аптеку за каким-нибудь лекарством.

Сестра использовала квартиру как дополнительную кладовку для редко используемых вещей и домашних заготовок из овощей и ягод садового участка, и поэтому забегала на минутку: взять-положить вещицу или банку с соленьями-вареньями, успевая на ходу обмолвиться о себе и поинтересоваться, как бы между прочим, о здоровье матери.

Младший брат, в отличие от сестры, бывал подольше, но в основном рассказывая восьмидесятитрехлетней матери о своем непростом житие в стольном граде, что в часе езды от нашего городка, превращающегося в спальный район индустриального мегаполиса. Дескать, приходится платить бешеные деньги за съём квартиры, на содержание семьи, за садик ребятишкам... короче, деньги там всему голова. Чтобы достойно жить вынужден брать кредиты: один кредит на покупку нужного, второй – для погашения первого кредита.

Мать недоумевала, жалела, переживала. Мне рассказывала, как бедствует младший. Однажды прямо огорошила:

– Вчера приходил Андрюша и сказал: матушка, я теперь бомжа!

– Опа! – воскликнул я, вспомнив про фото, выложенные младшим в одной из социальных сетей: не далее как неделю назад он прилетел из Таиланда, где в течение четырнадцати дней и ночей всей семьёй наслаждались пляжным отдыхом.

– Был прописан у тещи, – путаясь, пояснила мать. – Она решила поменять квартиру: свою продать и купить себе поменьше, оставшиеся деньги отдать Андрюшкиной жене. А в новую квартиру никого прописывать не хочет.

– Кто и что ему мешает квартиру занять? – сказал я, усаживаясь в кресло.

– Купить жильё по ипотеке не проблема! Они по два-три раза в году летают по зарубежным курортам. Эти деньги вполне могли бы стать первым взносом.

– И я ему об этом же сколько раз говорила. Поговорил бы ты еще раз.

– Сказать можно, да услышит ли?

– Я всю ночь не спала. Чует моё сердце недоброе. Может, не лады у него в семье? Обо всём передумую. Места себе не нахожу.

Пообещав поговорить с младшим, вдруг заподозрил неладное. Во-первых, пропала искренность в его словах, и в разговоре он прятал, отводил глаза от моего пристального взгляда. Во-вторых, зачастил к матери. В свою очередь визиты лишь усиливали беспокойство человека, достигшего весьма преклонного возраста. Однажды она снова меня огорошила.

– Никита, (то есть я) не будешь ли обижаться? На днях оформила завещание на квартиру Андрюше и еще какую-то бумагу подписала. Мы на машине ездили к нотариусу.

– Завещание или дарственную? – спросил я, не теряя спокойствия.

– Сама не знаю. Запуталась с ним. Возьми синюю папку, прочитай: что за бумагу мы состряпали.

Я открыл шкафчик серванта, где обычно хранились документы. Никакой синей папки там нет.

– Тебе случаем не приснилось? – Пошутил я. – Пусто!

Мать всплеснула руками и, сильно побледнев, вымолвила:

– Неужели утащил?.. Ах, негодный, что же он задумал?

– Для этого надо знать, что за бумагу оформили. Если завещание, то лично тебя ничего страшного не грозит. Если же дарственную, то может и продать квартиру.

– А как же я? Мне куда деваться?

– Сперва, видимо, следует наведаться с тобою к нотариусу и прояснить, какую же вы сделку сотворили.

Пока я собирался, выкраивая время для поездки к нотариусу, случилось еще одно невероятное событие. Мать чуть было не стала жертвой телефонных мошенников. События разворачивались так. Вечером вдруг раздался звонок и суровый мужской голос сообщил, отчеканивая каждое слово, что сын Андрюша сидит в КПЗ (в камере предварительного заключения – прим. автора). Он совершил наезд на пешехода. Есть подозрение, что находился в нетрезвом состоянии. Парень глубоко раскаивается в содеянном, поэтому если соберете к полудню следующего дня семьдесят пять тысяч и перечислите на указанный номер, то происшествие замнем. Далее трубка была передана Андрюше, и тот жалобным голосом подтвердил и просил перечислить деньги, иначе хана ему: ведь стоит только получить судимость и потом долго не отмыться.

У матери потемнело в глазах. Она на мгновение потеряла сознание и рухнула, ударившись правым боком о чугунный радиатор отопления. Когда очнулась, попробовала встать, но не хватало силы в руках. Тогда ползком добралась до дивана и, оперившись о спинку его, кое-как смогла наконец подняться. Некоторое время приходила в себя. В записке как раз имелась затребованная сумма.

Следует отметить: мать была ветераном войны; трудовой стаж равнялся пятидесяти с лишком лет – пенсия не хилая, что в совокупности с доплатами федерального, областного и местного уровня составляла вполне значительную сумму.

На утро, ни свет ни заря, бедная старушка пошатываясь добралась до банка. Сунула в окошко охапку денег и клочок бумаги с наспех записанным номером банковской карты. Однако, мошенники явно не учли, что сильные эмоции в старческом возрасте, напротив, могут выбить последние искры умственных способностей. Номер был записан неправильно, кассовая машина отказывалась принимать перевод денег. Так и не сумев перевести деньги, сердечная бабулечка поковыляла домой, что-то бормоча в беспамятстве. Дома разыскала номер мобильного телефона младшего и, не мешкая, связалась.

Андрюша ответил сразу. Обрушился с досадой на бедную легковурную мать. Ни в какие переделки он не попадал, никого не давил колесами. Потому что и автомобиля у него теперь нет. Нет! Так как пришлось авто продать для погашения просроченных платежей по кредиту.

Однако, через некоторое время узнаю, что Андрюша купил-таки простенький автомобиль, чтобы оставаться мобильным в наше суетное время перемен, где чаще приходится либо догонять, успевать, либо удирать, уматывать подобра-поздорову. И купил за семьдесят пять тысяч. Странное, конечно, совпадение, но чего только ныне не бывает!

Разбираться особо было некогда – выпало мне, как назло, сделать авральную работу. На десять дней я стал узником обязательств и планов. И когда освободился, первым делом поехал проведать мать. Что я увидел, повергло в шок.

Седая старушка с благообразными и тонкими чертами лица была словно не в себе. Взгляд ввалившихся глаз блуждал как будто в беспамятстве. На левой щеке свежая гематома, уходящая под ворот платья. Обнаженные руки в коростах запекшейся крови. Давно немые и нечесанные волосы свалились в сальные космы. Вокруг в беспорядке валялись вещи – невообразимый кавардак поражал не менее страшного вида матери. Журнальный столик заляпан остатками пищи, также как и телефон. Точно руки и посуда перестали надлежащим образом мыться. Отвратительный запах гниения смердел ужасной разверзшейся клоакой.

– Что случилось? – задал я вопрос скорее себе.

Мать несколько осмысленно посмотрела в мою сторону.

– Учусь передвигаться ползком и перекатыванием. Ноги совсем перестали ходить.

– За какие-то десять дней такие кошмарные изменения?! Приходили сестра, Андрюша?

– Нет, никто не проходил. Не дозвониться до них. У обоих отвечает какая-то одна и та же женщина.

– Это автоответчик. Надо было сказать на автоответчик: приходите срочно.

– Это что, я буду разговаривать с этой противной механической женщиной?! Не совсем ещё сдурела поди.

– Мы все потихоньку становимся механическими. Зомби, помешавшиеся на потребительстве. Мне на мобильный почему не звонила?

– Умыкала листочек с номером. Ведь не было раньше нужды звонить, ты всегда сам приходил.

– А как же ходила в магазин за продуктами? – продолжал допытываться.

– Да как! Один раз ходила. О поручни лестниц в подъезде держалась и спускалась вниз, потом по стеночке дошла до двери. Только ступила на крыльцо, сразу упала. Ладно сугробы есть, зима-то ранняя нынче. Прямо в сугроб кувыркнулась. Кто-то проходил мимо, помог подняться. Посидела на скамеечке, кое-как поднялась, пошла дальше... Ох, и рассказывать не хочется. Не счесть, сколько раз падала. Все бока и внутренности отбила. Каждый раз помогали прохожие: один доведет до одного дома. Посижу чуток на скамеечке. Встану, пройду, чуть какая неровность – валюсь в ту сторону, куда качнулась. Как-то всё же дошла до магазина. Набрала целую сумку продуктов, и чувствую, тяжеловато. Но не выкладывать же обратно! Потацилась, вернее меня потащили вместе с сумкой. У подъезда дома остановилась, думаю, как подняться на третий этаж. Слава Богу, соседский паренек из школы шел. Взял мою сумку и до дверей квартиры донес, я чуть погодя следом поперлась, как обезьяна за поручни цепляясь, где нет поручней – на четвереньках. В квартиру забралась и есть не хочется: в голове стучит, ноги ноют, точно их наизнанку выворачивает. Сунулась в сервант – и таблеток никаких нет; есть только от давления и сонных таблеток три коробки. Я как раз недели три назад купила, чтобы сон наладить... Ох, мне бы только, чтобы ноженьки мои начали ходить, и не мотало меня из стороны в сторону! – воскликнула с глубочайшей надеждой матери после минутного молчания проронила: – Неужели смерть моя пришла?

Последняя фраза сказана таким тоном, что меня до костей пробрал озноб, и дальнейшее развитие событий много раз повторяло это незнакомое прежде ощущение, словно я глазами матери заглядывал в запредельную сферу бытия.

- Я вызову врача на дом. Завтра с утра позвоню в поликлинику.
- Придет ли врач? Кому мы, старичье, нужны?!
- Нужны. Еще как нужны! – воскликнул я.

С утра сделал вызов врача, который сначала, не хотели принимать, но, узнав возраст обращающегося за медицинской помощью, адресовали к специалисту, функционально близкого к геронтологу (эта категория врачей помогает смягчить старческие немощи – прим. автора). А ближе к обеду вызванный доктор звонила уже мне, и звонила в полной растерянности. Вид старушки, невнятно бубнящей себе под нос, с многочисленными синяками и ссадинами, неспособной стоять на ногах требовал немедленных действий. Врач сказала, что сама вызывает машину «Скорой помощи» и отправляет пациента в приемный покой городской больницы с предполагаемым инсультом.

Я вздохнул с облегчением: 24 часа в сутки престарелый человек будет присмотром профессионалов; недуг будет выявлен, и лечение принесет положительный результат. Однако, с утра до вечера бедную матушку продержали в приемном покое для уточнения диагноза. Взяли ряд анализов, сняли электрокардиограмму, провели комплексную диагностику на томографе и установили – острых заболеваний нет, инсульта не было, риска внезапной смерти нет. Мне сообщили из приемного покоя, что оснований для госпитализации нет, с минуту на минуту подойдет невропатолог, осмотрит, выдаст рекомендации, и следует забрать мать обратно.

Я, огорченный, сел в автомобиль, ледяными руками повернул ключ зажигания. Через десять минут припарковался у ворот больницы в специально отведенном месте. Было около восьми часов, и кругом обступала такая темень, что, казалось, наступил конец света, по крайней мере, для нас. Резко похолодало, и мерзкий колючий ветер срывал одежду, развеивал последнее тепло. Быстро добежав до корпуса лечебного заведения, с опаской вступил в шлюз приема больных, залитый мертвенно-бледным светом, растекающимся по грязно-голубым стенам. В палате со стеклянными дверями увидел мать, сидящей на кушетке с застывшим в муке ожидания лицом.

Она рассеяно взглянула в мою сторону, и мне показалось, не узнала. Рядом сидели ещё несколько полураздетых больных и немощных женского пола, так что я не осмелился зайти. Расположился в коридоре в ожидании осмотра невропатолога. Через тридцать пять минут врач появился. Очень молодой, спокойный, вежливый. Еще десять минут длился осмотр и столько же оформление рекомендаций.

Итак, мне выдали справку о проведенном обследовании с бланками анализов, разводя руками: относительно здорова, а мы кладем больных с острыми заболеваниями. Смотри в глаза хладнокровного врача, понимал, что у него в запасе полно вариантов ответа. Например, это не по нашему профилю, нужна консультация специалиста, который сейчас за тридевять земель; увы, пациент скорее мертв, чем жив...

Я подошел к матери и помог ей подняться.

- Поехали домой, мама.
- Как домой?! Я никуда не поеду. Ты что-то путаешь.

Врач-невропатолог сказал обнадеживающим тоном, что выписал ряд лекарств, которые при длительном применении могут помочь. Мать, словно не слыша, твердила:

- Никуда не поеду. Какая же я здоровая, если ходить не могу?!!

– Мама, пошли, старческую дряхлость здесь не лечат. Вызовем терапевта, купим таблетки, что невропатолог прописал, авось и полегчает. Главное у тебя нет инсульта. Сердце исправно. В твоём случае по-другому будем восстанавливать силы.

Уговорами и посулами вывел мать из больницы. На щеках её были слезы, а в глазах отчаяние. Ноги подкашивались. Она крепко уцепилась за мою руку, то и дело валясь с ног. Тот путь до машины, на который я потратил две минуты, мы кое-как преодолели на порядок дольше. В промерзшем автомобиле с заиндевевшими стеклами довез её до дома, довёл до квартиры.

– Все, – сказала мать. – Иди домой. Дальше я сама.

– Давай же помогу: раздеться, приготовить что-нибудь поесть.

– Нет. Пока возили по кабинетам на каталке я вся обмочилась. Они везут, а я в сапоги себе фуреню. Мне надо помыться, переодеться. Иди давай, я сама как-нибудь. Иди-иди.

С тяжёлым сердцем поехал домой. Приехав, сразу справился по телефону о самочувствии. Мать довольно бодро ответила, что получше. Несколько успокоившись, занялся своими делами.

Рано утром внезапно проснулся и сел на кровать, взбудораженный предчувствием грядущей беды. Словно кто-то за ухо поднял и тащил в морозную пустошь черной улицы. Шестой час утра, мать, верно, спит – тревожить её телефонным звонком не решился. По обыкновению, сделал короткую физзарядку, умылся, облился холодной водой, сварил кофе и сел за компьютерный стол. В течение полутора часов работал: составлял смету по фактическому расходу материалов. Трудился я в строительной компании, возводящей жилые дома. По старым временам должность называлась прораб или строительный мастер. В подчинении у меня бригада из тридцати человек. Все – трудовые мигранты из Центральной Азии, и практически все не могли говорить по-русски. За исключением одного, Ахмеда, который был и толковым бригадиром и переводчиком-передатчиком указаний по работе. У меня сразу установилась доверительная интуитивная связь с бригадой, которые ни шиша не знали по-русски, и отличались чрезвычайным трудолюбием и абсолютной не требовательностью к условиям работы. В основном это были таджики – народ, относящийся к персидской группе. Прямые потомки когда-то великой Персии, средоточия знаний и могущества. Именно здесь долго хранилось знание о сути всего и вся, переходящее из одной цивилизации в другую, именно это знание вошло бесценными кристаллами во многие религии: христианство, ислам, буддизм.

Я смотрел на смуглых потомков великой Персии, ставших всего-навсего дешевой рабочей силой. И тягостная мысль подъедала ощущение собственного достоинства: не случится ли нам, россиянам, в скором времени стать колонией дешевой рабочей силы и несметной кладовой природных ископаемых богатств для евро-американского сообщества, уже подчинившего себе полмира. Те захватнические войны, что вели те же персы, римские императоры, Наполеон, вожди Третьего Рейха, ныне хитроумием (отличавшего, кстати, Одиссея – прототипа супергероев) идут по новым технологиям...

Около 8 утра набрал номер телефона матери. В ответ тягостное молчание. Проверил правильность набора номера – гробовая тишина. Тогда спешно оделся, торопливо спустился по лестнице подъезда, вскочил в автомобиль, с полтыка завел мотор и помчался по сонным улицам навстречу подкрадывшейся смерти. Словно выпрямившейся пружинной в мгновение оказался у дверей квартиры.

На звонок дверь не открылась. Имеющимся ключом стал открывать её, но механизм замка заклинило! И раньше случалось, что не с первого раза проворачивался засов. Кляня себя и ругая, что вовремя не заменил проклятый замок, уже подумывал о способе взлома. Вот будет шума в подъезде! Уж точно, не устраненные недостатки притягиваются и разрастаются в

новую беду. Но все-таки замок поддался и дверь распахнулась. Я вбежал в квартиру и застыл, пораженный увиденным.

Телевизор мерцал бликами сюрреалистичных картин. Из его динамиков изливалась неуместная развеселая мелодия. На полу, распластавшись, лежала мать, одетая в тонкий ситцевый халат, с накинутой шалью, чуть прикрывавшей спину. Босые ноги мертвенно-бледные. Вокруг в беспорядке валялись вещи, но расположение их таково, что вырисовывалась картина происшедшего. Потеряв равновесие, восьмидесятитрехлетняя мать упала навзничь и, возможно, потеряла сознание. Когда пришла в себя, попробовала встать. Но сил не было даже доползти до дивана, где приготовила постель для сна. Длинными вязальными спицами двигала телефон к себе – и также неудачно. Стянула с кресла накидку, шаль, маленькую подушечку. Всем этим как-то укрывшись, затихла, так и не сумев подняться. Сквозивший холодный воздух из приоткрытой форточки и неплотно закрытой балконной двери лишал последних сил. Сон, смеживший веки, превращался в вечный. Палас был мокрый, что еще быстрее выстуживало затихшее тело.

О чем она думала и думает в умирающем слабеющем сознании. Я присел на корточки и положил руку на плечо, позвал её словно из небытия.

– Мама, ты слышишь меня?

Она чуть пошевелилась и с трудом открыла невидящие глаза. Жива!

– А это ты? Я лежу, лежу, а музыка играет, играет. И песни такие хорошие, что умирать даже не хочется... как холодно было. Посмотри, на месте ли мои ноги.

Я тронул ноги – ледяные, как ветер на улице.

– Сейчас я тебе перенесу на койку, – Просунул руки под спину и ноги, поднатужился: взять вес порядка семидесяти килограммов с нижней точки представлялось сложной задачей. Ведь тяжелее мешка с цементом не перемещал. Как-то сумел задействовать все свои мышцы и в два приема оторвал безвольное тело от пола. Выпрямил спину и на полусогнутых руках перенес на приготовленную постель. Укрыл маму теплым пуховым одеялом, поправил подушку, уселся рядом.

– Хорошо, – прошептала она, едва приоткрыв спекшиеся синие губы. – Тепло как! Как ты догадался прийти?

– Что ж тут удивительного? Не отвечала на звонки, вот и приехал, – ответил, ужасаясь от мысли: не спохватись, к вечеру обнаружил бы труп.

Мать мгновенно уснула, а я какое-то время сидел неподвижно, напряженно соображая, что делать дальше. Сегодня суббота, впереди два дня выходных.

Эти дни без вариантов побуду рядом. Но как быть в понедельник? Мне на работу, взять отпуск невозможно.

Я в беспокойстве вышел на кухню и позвонил сестре и младшему брату – они словно вымерли, словно их и не было вовсе. Вне зоны доступности сотовой связи – бездушно твердил оператор. Заглянул в холодильник: пустой. Одна проблема нанизывается на другую. Тогда позвонил домой и кратко обрисовал ситуации. «Что ж, приезжай за мной, а дальше посмотрим, как быть» – сказала жена.

Я пулей помчался домой, по пути заехал в аптеку, выкупил лекарства, назначенные невропатологом, купил охлажденную курицу, творог, хлеб, молоко. Жена стояла у подъезда – ей также как и мне пришлось отменить все намеченные дела. Без лишних слов она села в автомобиль. И вот мы уже вдвоем разместились у койки. Жена некоторое время приходила в себя от увиденного беспорядка в квартире, от потрясающего запустения. Из-под одеяла выглядывало одно осунувшееся лицо матери, казалось безучастной ко всему, пребывающей в спасительном сне.

Я разрезал на четыре части курицу, две из которых поставил варить на медленном огне, остальное положил в морозильник. Жена занялась уборкой квартиры, потом подключился и я.

Через час квартиру основательно прибрали, почистили, помыли. Курица отварилась. В густой бульон бросил пару картофелин, разрезанных на крупные куски – вскоре сытное и легкоусвояемое блюдо было готово, но мать не пробуждалась.

Мы расположились на стульях возле кровати. Каждый из нас напряженно думал, что же делать дальше. Сидели молча, поглядывая то на друг друга, то на утишенную глубоким сном родного человека. Что бы ни говорили про нематериальность мыслей и чувств, однако от нашего отчаянного думанья мать вздрогнула и открыла глаза.

– Вы кто? – спросила она, глядя в упор.

– Я твой сын Никита, а рядом моя жена Светлана, – отвечивал я, ежась от колющего взгляда.

– Ааа, Никита, мой первый сыночек! Ты разве женат?

– Женат, и очень давно. У нас есть взрослый сын Вячеслав.

– И он женат?

– Нет, он не женат. Он учится в институте.

– Мой внук Слава. Я только что его видела. Цветут яблони в нашем саду. Слава в зеленой рубашке идет по дорожке сада под руку с такой красивой девушкой, что сердцу радостно за них. И она в зеленом платье, с густыми и длинными волосами похожими на лён, который в послевоенное время трепали на речке.

– Сейчас начало зимы. Ты в последние дни тяжело заболела.

– Я не заболела. Меня бросили одну мыкаться со своей старостью. Этой ночью моя душенька побывала в новом доме, куда мне скоро переселяться... Иду я и рассматривая кругом. Изба наша деревенская. Отец наш гнедую лошадь запрягает. Лошадь с норовом: брыкается, копытами стучит. Хочется ей воли, но и отца не смеет послушаться. Любили отца лошади... Во двор зашла и чувствую, кто-то вслед идет. Оглядываюсь, а это Нюрка, сестра старшая. Пальцем манит меня и молчит. У меня вдруг ноги онемели, и ни шагу не могу ступить, прямо кулем валюсь. Вижу, что Шурка знает, как направить ноги. Никак не могу подойти: валюсь и валюсь. Все бока избил. И какая-то музыка играет и песни все такие хорошие, что ровно заслушалась их и невмочь подойти ближе и зайти в избу нашу... Потом смотрю вместо избы ты стоишь, нагибаешься и берешь меня на руки.

– Ты бредишь. Сегодня утром я приехал и нашел тебя лежащей на полу. Взял тебя на руки и перенес на постель. Помнишь это?

– Как же ты догадался прийти? Ведь еще чуток и не было бы возврата?

– Не знаю как.

– Сердце тебе подсказало!

– Возможно. Давай-ка, поешь. Будешь кушать?

Мать отрицательно помотала головой. После череды слабых препирательств согласилась. Взяла дрожащими руками чашку с бульоном с накрошенными кусочками хлеба и растолченным картофелем. Сил у неё не хватало, чтобы даже поднести ложку ко рту. Тогда жена взяла чашку и стала кормить с ложки, точно маленького ребенка. Почувствовав вкус свежеприготовленной еды, мать охотнее и даже жадно открывала рот. Вскоре к нашему общему удовольствию чашка опустела. От сытной еды глаза закрылись; вновь пришел благодный сон.

– Езжай в аптеку за памперсами. Встать она не сможет. Придется тебе учиться надевать памперсы, – промолвила Светлана.

– Почему мне учиться? Ты же рядом?!

– Пока рядом, – уточнила жена. – Ты же знаешь, что и у меня родители требуют постоянного ухода.

– Они же не лежачие!

– Ну и что. Кто знает, что будет завтра?

– Вдруг в памперсы она по большому сходит... ну это самое... накакает! Что делать?

– Подмывать.

– Мне?!

– Тебе. Придется отбросить разного рода неловкости. – Жена устало вздохнула. – Звони сестре, брату. Пусть тоже принимают участие.

Ночевать остался в квартире у мамы. Не раздеваясь, улегся на диване со смешанным чувством тревоги и досады. В этой квартире я родился и вырос, и невольные воспоминания теснили грудь. Я смотрел в ночное окно, на блики теней по стенам. Особо памятные дни детства и юности возникали так живо, словно предлагая снова пережить знаменательные мгновения, соотнести прежние мечты и представление о большой взрослой жизни с этой самой большой взрослой жизнью.

Тут я вспомнил об ответственном возрасте. Прочитанные прежде строки возвращались полные нового смысла, проясненного лихорадочным думаньем о грянувшей беде. В самом деле, черта ответственного возраста – это переход либо в безграничное безвременное развитие определившегося Я, получившего некую космическую прописку в виде формирования бессмертной индивидуальной души. Либо начало собственного умирания, опустошения, одряхления, гниения. Иначе говоря, в черте ответственного возраста возникает либо способность генерировать божественный импульс «БОГОПОДОБНОГО ТВОРЕНИЯ», либо доживать на врожденных наследственных рефлексах и приобретенных от влияния современных реалий, пропитанных парализующим страхом потерять, упустить, остаться без крова, денег... И, безусловно, высочайшее напряжение СОВЕСТИ даёт шанс не упустить момент перехода черты ответственного возраста в рассеянном состоянии и суметь совокупностью всех сил (физических, душевных, интеллектуальных) делать поразительные вещи, пронизанные освоенным божественным импульсом.

До сестры и брата я дозвонился лишь вследствие проявленной настойчивости. И та и другой обещали подумать, каким образом организовать уход за матерью. Но сколько они будут думать, и будут ли вообще принимать деятельное участие? Вопрос повисал в воздухе. По-человечьи, они должны были всё бросить и примчатся сюда.

В пятом часу ночи пробудился от прерывающегося голоса матери, призывающего к себе. Я вмиг оказался у постели.

– Что-нибудь надо?

– В туалет.

– Попробуй встать. Я тебя придержу и потихонечку дойдем.

Мать в точности исполнила сказанное мною. А я тихонько радовался, что не придется возиться с памперсами.

– Куда же подевался он? – вдруг спросила мать, укладываясь с моей помощью в постель.

– Кто он?

– Только что здесь в углу стоял. Такой высокий, что головой упирался в потолок, стройный, весь в черных одеждах, с черными кудрями. И как будто без лица. Вот здесь стоял в углу и молча смотрел. Я ему сказала: «Зачем опять пришел, кто послал тебя. Теперь я здесь не одна. Со мною сын». Он скрежетал зубами. Я силилась увидеть его лицо, которое от моего внимания должно было проступить. Он все больше тряс волосами, скрежетал зубами и подступал ко мне... Видимо, я испугалась и позвала тебя.

– От твоего рассказа меня дрожь пробрала. Где ты, говоришь, он стоял? – спросил я.

Мать указала рукой, и я решительно шагнул в скрытый мглой угол комнаты. И тут же вздрогнул от звука, похожего на крик летучей мыши.

– Ты что-нибудь слышала?

– Так он всегда приходит и уходит, – отвечала мать. – Он стоял и слушал нас.

– Твоя квартира захламлена вещами, с которыми связаны самые различные и даже противоположные воспоминания. Я бы все эти не нужные вещи просто взял и вывез на свалку.

– Здесь многие вещи Кати и Андрюши.

– Ну и что?! Я лежал и думал, как быть дальше. Сегодня воскресенье, завтра на работу мне. Как ты тут одна будешь?

– Как-нибудь.

– Будем завтра переезжать к нам в квартиру. Вот что я решил!

– Ты бы сначала у Светланы спросил. Пустит ли? Зачем мне вам мешать? Как-нибудь здесь одна. Буду передвигаться ползком. Ну а за продуктами ходи ты.

Я не воспринимал её возражения и решил вообще никого не слушать: иногда приходится поступать волевым способом, иначе любое намерение утонет в бесконечной говорильне. Ближе к обеду появился дома и твердым тоном сообщил, что на время болезни будет лучшим вариантом, если мать поживет у нас. Видимо, Светлана предполагала такой ход развития и обреченно вздохнула: она работала на полставки и поэтому большую часть времени зимой находилась дома, летом – на даче. Значит, бремя ухода в большей мере ляжет на неё.

Мы подготовили комнату, и втроем – я, жена и сын – поехали за матерью. Взяли её матрац, одежду, коробку с таблетками. Ослабевшая старушка кое-как оделась. Опираясь на наши плечи, доковыляла до машины. Придерживаемая нами, опустилась на сидение и прощальным взором окинула видимую часть дома, где прожила добрые пятьдесят лет, словно предчувствуя: возврата не будет.

Наш дом – обыкновенная девятиэтажка советских времен, построенная тремя годами раньше пресловутой перестройки, провозглашенной самым непопулярным и самым говорливым советским правителем. Дом кирпичный, с удобной планировкой, с мусоропроводом, электроплитой, удачно вписанный в ландшафт берёзовой рощи. Дома на нашей улице располагались как раз с привязкой к гористой местности, без умопомрачающей симметрии сталинских и хрущевских времен.

Дома мать, утомленная сборами и дорогой, залегла спать. А я стал разбираться с лекарствами в коробке. По большей части были либо просрочены, либо с поврежденной упаковкой, так что смело можно было их скопом выбросить, что я и объявил пробудившейся после короткого сна матери.

– Сонные таблетки оставь, да посмотри, есть ли слабительные: пожалуй, неделю не ходила по большому.

– Что за сонные? Как ты их купила?

– Да как! Добралась до аптеки и спросила таблеток, чтобы спать. Тогда у меня сон совсем пропал. Купила сразу упаковок семь. Теперь на ночь обязательно пью таблетки две-три, а то и больше.

Я разыскал потрепанную упаковку снотворных и стал читать аннотацию – мне сразу стало нехорошо...

– От одних этих таблеток загнуться можно! – Я невольно сравнил противопоказания с проявившимися нарушениями у матери. Один к одному.

– Эти таблетки выбрасываю в урну, – сказал я. – В качестве успокоительного будем использовать экстракт пустырника. Кроме того, ты теперь не одна в старой захламленной квартире, и тот, высокий и кудрявый, что скрежетал зубами, сюда не сможет пробраться.

Я ощущал себя домашним доктором, и чтобы не напортачить, стал строго и неукоснительно выполнять схему лечения, выданную невропатологом. Купил автоматический тонометр с функцией памяти для контроля артериального давления. Первое, что пришлось выполнить – это наладить нормальное функционирование организма, то есть диетическое питание, регу-

лярное опорожнение кишечника, физические движения, позитивный эмоциональный настрой и полноценный сон.

Аппетит у матери вскоре появился, и она охотно поела предложенные блюда. Причем, первое время продолжали кормить из ложки. Сразу обозначилась проблема с запорами, как будто толстая кишка напрочь зацементировалась каловым скоплением. Пришлось ставить клизму: через задний проход закачать около литра теплой кипяченной воды. Эта процедура оказалась крайне неприятной. Мать разделась догола, улеглась на простынь, расстеленную на полу ванной комнаты. Улеглась со словами: «Срамота-то какая!» Нас также коробила подобная прочистка кишечника. Однако, возможная интоксикация организма от разложения каловых масс страшнее.

Светлана аккуратно ввела в толстую кишку пластмассовую трубочку. А я держал высоко над головой нечто подобное грелки. По команде жены снял пластмассовый зажим с трубочки, и вода под собственным весом устремилась в зашлакованный кишечник. Вскоре вся вода перетекла в утробу. Надо было подождать немного, но мать заерзала по полу и практически вся вода вытекла на пол. Я бросился остановить растекание жидкости, запрудив и промокнув тряпкой. После чего процедуру пришлось повторить. На этот раз сфинктер удерживался легким усилием пальцем.

Я быстро убрал клизму, с опаской подумывая как суметь усадить на унитаз. И когда наступила эта переломная минута, конечно же, не получилось так, чтобы кишечник бурно исторг разбухшие какашки в предназначенном месте. Пока поднимал мать, пока усаживал – и пол и стены оказались в отвратительных ошметках каловых масс. В то время как мать сидела на унитазе, мы с женой, надев резиновые перчатки, спешно взялись за уборку. Я капитально промыл пол, Светлана – стены, покрытые кафельной плиткой. После чего решено было устроить основательный банный день.

Я, сверх меры напрягая мышцы перебазировал смущенную мать в ванну, где она тут же встала на четвереньки. Светлана взяла гибкий душ и сверху стала поливать благодатной водой. И тут мать словно ожила. С необыкновенным блаженством то и дело повторяла: «Хорошо как, батюшки! Хорошо как!! Забыла, когда так мылась! Какая тут чистота, вода, мыло, пена! Хорошо! Прямо до косточек грязь отмывается. Хорошо как! Дай Бог вам здоровья и долгие лета. Как не знаю благодарить вас?!»

Усадив мать, укутанную махровым халатом, в кресло, тщательно помылись и мы. Потом, как полагается, пили вдвоем чай с травами.

Сознание к матери возвращалось чрезвычайно медленно. Она порой обращалась к Светлане: «Ты кто? Как тебя зовут? Что ты тут делаешь?», чем расстраивала её до слёз. Самостоятельно передвигаться мать не могла: с кровати в кресло, в туалет, за обеденный стол передвигалось с моей помощью, а в отсутствие меня – поддерживаемая Светланой.

Очень трудным делом оказалось наладить правильный сон. У матери установился исключительно свой ритм сна и бодрствования. Она могла пробудиться в два часа ночи и смотреть до нашего пробуждения в окно на огни ночного города и звездную рассыпь неба, а то и устав от неподвижности, вставала и с шумом падала. Естественно, я вскакивал и бежал в её комнату, поднимал и усаживал в кресло. Терпеливо старался внушить, что мне на работу, и недосыпания, становившегося хроническим, у самого голова идет кругом. Мать оправдывалась, что затекли бока и лежать не может. Между тем, она могла в семь утра заснуть и до обеда давать храпака. И вообще, время до обеда было для неё почему-то тяжелым: её словно не было здесь – была сухая придирчивая старуха, досаждавшая колкостями бедной Светлане. После обеда постепенно приходила в себя, становилась доброй, приветливой, мягкой, благодарной. Для меня и Светланы такая перемена была загадкой.

За неделю, что жила у нас больная мать ни сестра, ни Андрюша не соизволили прийти, хотя и звонил им неоднократно и предлагал, чтобы мать жила у всех по очереди: две недели у нас, две недели у сестры, две недели у брата. Мы ведь тоже не двужильные! За неделю хронического недосыпания у жены участились головные боли, я ходил словно зомби. Сестра говорила, что у неё фитнес, йога, тренировки – всё это строго по графику. Андрюша крутился на трех работах. И брат ещё одну обузу – уход за родной матерью, – не входило ни в какие планы.

Потеряв надежду, что остальные так называемые родственники ослабят наше бремя, я купил местную газету. Проглядывая объявления купли-продажи, предложения по услугам вдруг обнаружил, что в нашем доме продается однокомнатная квартира. Тут же позвонил, и оказалось, что квартиру только-только выставили на продажу, и я первый покупатель. Сразу про себя решил, что покупаю. Но для приличия попросил показать квартиру.

На следующий день риэлтор, в меру общительная и приятная женщина, показала квартиру, и сказала что квартиры в наших домах расходятся в лет. Чем объяснить такой парадокс даже не знает. Я незамедлительно заверил, что покупаю без торга и объяснил почему. Больная мать, требует постоянного ухода, но жить вместе означает отсутствие элементарного отдыха. Риэлтер профессионально зацепилась: а квартиру матери будете продавать? Будем. После короткого расспроса попросила показать квартиру, чего мы тут же и сделали. И самое удивительное, что по дороге она успела вызвонить клиента, который мог бы купить эту квартиру. Мы приехали практически одновременно: я, риэлтер, предполагаемый покупатель. И что было еще удивительнее, что покупатель также сказал, что квартира подходит, готов ей купить и внести залог. Не ожидая такого стремительного разворота, я побежал убеждать мать продать квартиру.

Мать не нашла довода не согласиться. Я кинулся собирать деньги на покупку квартиры. Выяснилось, что продажа родительской квартиры затянется, поскольку выстраивалась довольно сложная цепочка купли-продажи, какой-то четвертной обмен. Снова позвонил сестре и брату, пригласил к себе, чтобы решить важный вопрос, сказав, что разговор не телефонный. И также они не пришли, сославшись на крайнюю занятость.

Тогда решил действовать по своему разумению. Кое-какие деньги были, но получить их мог только через три месяца, поэтому пришлось взять кредит, который мне выдали буквально через день. А через две недели стал собственником однокомнатной квартиры. Продажа родительской квартиры намечалась через месяц. Об этом сообщил сестре и брату. Обоих эта новость застала врасплох.

– «Как так, не посоветовавшись с нами, затеял продажу?»

– «Во-первых, звал, но вы не пришли»

– «Ты не сказал, для чего звал!»

– «Значит, когда решается денежный вопрос, вы мигом собираетесь?! Когда, напротив, надо что-то отдавать: деньги, время, внимание, заботу – вы становитесь недосыгаемы...» – я прочитал целую нравоучительную лекцию.

– «Короче, – продолжил я, – деньги от продажи квартиры будут разделены поровну»

Сестра бросила трубку, Андрюша пробубнил невразумительное. Мне стало ясно, что в их планах было взять квартиру чистоганом. Я со своей благотворительностью снес подчистую их задумки. Мне же разбираться кто прав, кто виноват совершенно некогда: на руках немощная мать, жена в стрессовом состоянии, новое приобретение недвижимости, требующее капитального ремонта. Поэтому забыть, что есть на белом свете сестра и брат с непонятными претензиями, представилось лучшим вариантом. Когда их вычеркнул из сердца, не надо отягощать и осквернять себя злом (обида, грозящая перерасти в ненависть, ссуды-пересуды в стиле ток-шоу «Пусть говорят»). Я лишь изумлялся, как деньги подминают под себя людей!

Почему-то мне показалось необходимым сделать ремонт квартиры своими руками, кроме замены сантехники, канализационных и водопроводных труб, а также замены щелястых деревянных оконных блоков на современные пластиковые стеклопакеты.

К нашей общей с женой радости мать явно пошла на поправку: передвигалась по комнате самостоятельно, держась за стенку и опираясь на тросточку. Каждый вечер я раскладывал таблетки в три мензурки, помеченные надписями «утро», «день», «вечер». Мать с похвальным усердием исполняла лечебные процедуры, среди которых прием таблеток приравнивался к некоему священнодействию. Провалы в памяти стали реже и чередовались с отвратительной подозрительностью. Однажды, придя с работы, застал Светлану с воспаленными от слез глазами.

– Что опять? – спросил я нахмурившись.

– Ничего. – Светлана отвернулась. – Иди сам её корми. Она мне второй раз сказала, что я её хочу отравить.

– Когда это было? До полудня?

– Какая мне разница до полудня или после! Я всегда одинаково понимаю... Я уже больше не могу. Понимаешь, не могу! Две недели я сижу с ней как привязанная. Хожу как за малым ребенком, готовлю, чтобы ей понравилось. У меня болит поясница, оттого что приходится поднимать, усаживать, придерживать. Я практически не сплю. Меня трясет, когда я вижу, как она идет пошатываясь по квартире. Я боюсь, что она упадет на стеклянные двери, на зеркала, сметет телевизор – покалечится сама, или убьётся. И твои родственнички тогда уж точно мне житья не дадут. Где её дочь?! Где это «светлый мальчик» Андрюша. Почему дочь усвершенствует себя йогой и фитнесом и носа не показывает у матери?! Это она должна её каждое утро умывать и подмывать! Почему ты взвалил всё на себя и на меня?!

Начиналась истерика, которую увещеванием не остановить. Светлана, конечно же, права. Я взвалил на неё неподъемную ношу. Но не устраивать же мать в дом престарелых?! Именно сейчас ей нужно индивидуальное внимание и человеческая теплота. Я прошел в комнату. Мать сидела как набедокуривший ребенок, искоса поглядывая и пытаюсь унять волнение.

– Что опять произошло? – строго спросил теперь у неё.

– Целый день по телефону разговаривает. О чем-то шепчется, посматривает на меня, – быстро и что называется «в сердцах» ответила мать.

– Если она не может выйти из дома и решить свои проблемы, ей приходится это делать по телефону. Объяснить что-то по телефону гораздо труднее, чем пообщаться с глаза на глаз. А посматривает – потому что беспокоиться за тебя.

– Может быть, мне уехать домой, раз уж всех вас достала?!

– Может быть, и так следует сделать. Ты более-менее передвигаешься. Я буду каждый день ходить к тебе. Может быть, наконец, появиться сестра и Андрюша.

– Нет! Я больной человек. Вы должны за мной ухаживать.

– Это безусловно. Для этого и переселяем тебя поближе к себе. В своей квартире ты будешь сама себе хозяйка. Когда хочешь, встанешь, когда хочешь – ляжешь. Мы обязательно подлечим тебя, чтобы ты самостоятельно передвигалась и обслуживала себя, под нашим постоянным вниманием. Без движений и заботы ты быстро захиреешь. Всего один месяц тебе пожить одной в старой квартире. Я за этот месяц сделаю ремонт.

Итак, мать перевез обратно. Я видел, как ей трудно возвращаться, как она собирается из последних сил, чтобы выстоять и выдержать. К горлу подступал комок, и глаза мои увлажнились. Вернувшись домой хватанул три четверти стакана крепкого алкоголя, и дал воля душившим меня чувствам. Светлана присмирившим голосом тихо сказала: «Ты молодец, что так о матери печешься, но я, да и ты – не железные. Ведь и нам нужен отдых...»

Я ничего не сказал. А на следующий день с удвоенной энергией взялся за ремонт квартиры. В счет очередного отпуска взял десять дней. Чтобы ещё более уплотнить время, стал работать в квартире по четырнадцать часов в сутки.

Первым делом ободрал старую плитку в ванной, пожелтевшие обои, смыл побелку с потолков и стен, все обработал антисептиком. За два дня две ударные наемные бригады поменяли окна, сантехнику и трубы, застеклили лоджию, установили вполне respectable сейф-дверь. Я за это время подобрал и разрезал обои и даже немного отдохнул. Потом работа пошла приятнее: наклейка кафельной плитки, обоев. Квартира преображалась, и это добавляло энергии. С деревянного пола растворителями снял старую краску. Пол предстал, словно в первозданной чистоте. Окраска стен и пола стала завершающим этапом. Квартирка стала загляденье! И только теперь я отважился показать её матери.

Солнечной февральской оттепелью я привез маму в её новое жилище. Она вступила за порог, прошла в комнату, залитую солнечным светом, ахнула.

– Неужели сюда я буду переезжать?!

– Да это твоя квартира. Комната девятнадцать квадратных метров, кухня – семь. По нынешним меркам кухня маловата, но тебе одной пойдет. Электроплита, новая мойка, в угол поставим холодильник. Достаточно удобная ванная комната, совсем не тесная. Коридор вполне просторен, здесь удобно встанут и гардероб и тумба-секретер...

– Я то думала, что смертушка пришла ко мне. На дальний погост собралась переезжать. А тут в такие царские хоромы буду переезжать!

– Ну царские не царские, но жильё будет твое комфортабельное, удобное, и главное – практически с нами. Хоть и не в одной квартире, но в одном доме.

– Не знаю, как благодарить тебя.

– Так ведь я не для похвалы, ни за плату работал, а так сказать по велению сердца. По **НАПРЯЖЕНИЮ СОВЕСТИ**. Я же тоже хочу жить спокойно и правильно. Чтобы ничего не мучило, не саднило, не тревожило. Чтобы только чистая радость вдыхалось вместе с воздухом, – сказал я на одном порыве, удивляясь этому внезапно возникшему радостному импульсу, который подвиг меня именно с горячей сыновней любовью обнять родного человека.

В мартовские праздники мы перевезли мать в её новую квартиру. Надо отдать должное Андриюше: он собрал крепких шустрых ребят, которые славно поработали грузчиком, дружно и весело переместив нехитрый скарб скопившегося имущества. Правда, я два дня упаковывал вещи в специальные мешки и коробки, разобрал крупногабаритную мебель. Мать к тому времени основательно оправилась от ноябрьского кризиса в здоровье. Даже возникала крамольная мысль: зачем затеял переезд? Постепенно сглаживаются недуги, потихоньку она будет коротать век в памятной квартире, где по меткому народному выражению «пуп резали».

Однако, эту искушающую мысль я решительно гнал. Не перспектива ли раз и навсегда покончить с одиночеством и запустением вернула надежду, что жизнь продолжается, несмотря на почтенный возраст в восемьдесят три года?

И вот практически через год после переезда матери могу сказать себе, что всё сделал исключительно правильно.

Каждый день после работы я захожу в её чистую светлую квартиру. И мать уже у порога сияет такой замечательной улыбкой, в которой и безграничная радость, и доброта, и совершенная искренность, что любая душевная усталость, ежедневная утомленность, стресс – проклятье запутанного времени – мгновенно исчезают, словно смываю грязь с себя чистой водой. И вижу, что в восемьдесят четыре года можно ощущать себя счастливым, поддерживать физическую подвижность, сохранять ясную голову и редкую душевность, так нужную всем.

2. Божественное дитя

Илья Сергеевич возвращался из дальней поездки, о которой так долго и трепетно мечтал. Нет, он возвращался не из Турции, Египта, экзотичной и шокирующей Азии, благополучной Европы, где на лазурном берегу наконец-то станет возможным отдаться сладкому безделью, отправив проблемы и проблемки в пучину безграничного моря-океана.

Он возвращался из частицы юности с конкретным географическим названием, выныривал в повседневность из уплывающих в неизвестность дорогих воспоминаний и первых ощущений взрослой жизни. Словно тот географический пункт был местом обретения бесценного опыта, когда ты не дома, не в родительском кругу, но также среди родных и близких. Словно тогда отработывалось умение находить себя в глазах как будто бы чужих, которые неожиданно становятся близкими.

Илья Сергеевич наружностью совсем не выделялся: среднего роста, не худой и не толстый, в обычной одежде. Внимательный умудренный взгляд и спокойные движения. Все, что могло привлечь внимание, тщательно нивелировано, устранено. И вся его жизнь представлялась как хорошо отлаженная машина, где только смятенная воля, выбросит из колеи, да и то не сразу: запас материальной прочности и подушка безопасности в виде востребованных знаний и опыта основательно смягчат удар судьбы, как следствие душевного смятения. Как раз смятения, которое как будто бы наметилось, он и боялся: стоит потерять веру в себя – и дальше покатишься вниз, как по маслу... Есть время предотвратить это скольжение вниз, но мысли путались, словно заблудились в потёмках.

К тому же в этот незапамятный день у него раскалывалась голова, поскольку естественный мир собственных ощущений был вчера и позавчера изрядно смещен в сторону приподнятого настроения (почти идентичный естественному от собственных мыслей, эмоций, предощущений), и смещен ударным возлиянием алкоголя.

Что он не любил, то и случилось: практически сразу, в русле национальной особенности гостеприимства забил родник с чистой сорокоградусной водицей. И самодельная ска-терть-самобранка нагромодила пропасть всевозможных угощений. В довесок жарко истопленная баня, с хлестким и душистым березовым веничком. За таким набором удовольствий проглядывались, словно в тумане, люди и берега, ради чего и приехал.

Однако, с кем намечал встретиться, с тем и встретился. У одних побывал на могилках, что также было очень важно. Это дорогие сердцу бабушка и тетушка с мужем, ушедшим сразу вслед за ней. С другими, как говорится, изрядно пображничал. И теперь, когда приходила трезвость в мысли и чувства, предстояло прийти в себя и упорядочить свежие впечатления, связать их с далекими воспоминаниями. Путешествие во времени как будто начинало помогать установить зыбкую связь с самим собой. Именно потерять эту связь – подобно смерти, это есть начало всех прочих последующих бед.

Прежде всего хотелось основательно выспаться. Ведь сон – еще одна вотчина для отдохновения души. Поэтому Илья Сергеевич взял обратный билет в купейный вагон скорого поезда, где под заветный стук колес можно вволю отоспаться. Убаюкать беспокойство, выстроить мысли в стройный ряд, отыскать и вытащить нечто вроде душевной занозы, что исподволь саднит, доставляет беспокойство и грозит пустить гнойные метастазы во всем теле, во всей субстанции Я, где личность не отделена от сущности.

Вышагивая по узкому коридору пустого вагона, Илья Сергеевич с издали заметил, что в его временном пристанище – четырехместном купе – уже кто-то есть. Он невольно скривил губы, точно проглотил кисло-горькую пилюлю. До отправления поезда двадцать минут, которые придется провести лицом к лицу с каким-нибудь неприятным субъектом, каких сейчас пруд пруди. Он мысленно посетовал, что не прогулялся по вокзалу, дабы убить время.

Провожающих Илья Сергеевич отпустил, так как на противоположный перрон подъехала электричка в нужном обратном направлении. А следующая будет лишь через два часа.

С предощущением неприятного знакомства, он втиснулся в узкую дверь – и точно отпрянул назад. Купе на треть заполнено сумками, саквояжами, в центре которых восседала юная мамаша с годовалым на вид ребеночком.

– Здравствуйте, попутчики. Куда путь держите? – спросил Илья Сергеевич, с надеждой, что попутчиками они будут ненадолго.

– До Екатеринбурга.

– И я туда же, – сказал Илья Сергеевич с тайной досадой, представив как мамыши утишивают капризное дитё и заключив, что выспаться уж точно не придется.

– Вы не волнуйтесь, мы вам не причиним неудобств.

– Разумеется. Неудобства нам будет причинять сам вагон. – Попробовал сострить Илья Сергеевич, по возрасту годящейся в отцы.

Девушка чуть напряглась, соображая: какие неудобства может причинить непосредственно вагон? Шевельнув бровями, улыбнулась.

– Мы колесим почти с месяца после рождения сынули. Привыкшие к тесноте и сложностям. Так, Тема? – Она обернулась к малышу. Тот радостно закивал и расплылся в простодушной улыбке, глядя на которую нельзя не улыбнуться.

У Ильи Сергеевича потеплело в сердце. Он словно уловил волну душевного тепла, исходящую от крохотного человечка, еще не твердо стоящего на тонких ножках. Слово раскрыли дверь в свежий неиспорченный мир.

Тёма, не спуская с большого вежливого дяди искрящихся радостью глаз, что-то сказал на своем детском наречии.

– Рад с вами познакомиться! – перевела симпатичная мама. – А ну-ка Тёма, скажи «Привет!»

– Пилипиит! – звонко сказала дитя, и все троим снова стало весело.

– Привет, – настойчиво поправила девушка-мама. – Скажи привет, как мы говорим.

– Пилипиит, – чуть насуплено повторило дитя.

– Пусть будет пилипиит! – Илья Сергеевич встал на сторону малыша. – Очень мелодичное сочетание звуков. В эту пору идет взаимное обучение. Он все равно скажет когда-нибудь «Привет», но прежде своим «Пилипиит» что-то тоже донесет до вас.

Девушка серьёзно восприняла слова, снова мило призадумалась. Её слова лаской коснулись ушей малыша:

– Что же ты хочешь донести до меня Тёмушка?!

Мамочка, гибкая и стройная, словно метнулась ухватить волну радости: набросилась на сынишку и стала в каком-то неопишемом порыве тискать, мять, целовать. Он, заливаясь смехом, закрывался ручонками, слегка ударяя ими по пухлым губам. А эти губы целовали его пухлые щечки, носик-пуговку, милые глазки, алый смеющийся ротик. Она ничуть не смущалась выказывать восторг, какой-то пик материнского блаженства.

– А папочка где? – спросил наобум Илья Сергеевич, глядя на выражение неистовой любви.

– А папочка у нас военный! Он уехал на сборы на два месяца. Мы – едем к моим родителям на это время. Батальон размещен в небольшом городке под Нижним (Нижний Новгород – прим. автора). На Новый год ездили к его родителям – это под Москвой. Мы с Тёмой задержались там также на два месяца, теперь – к моим едем... «Мы едем, едем, едем в далекие края. Веселая компания...»

– Своего дома, значит, нет? Такого дома, полного домашнего тепла, чтобы никуда не ездить, чтобы всё и все под рукой, – пояснил Илья Сергеевич

– Разве такие бывают дома? Это какой-нибудь замок среди деревенской грязи?.. У нас служебная квартирка. Такая лачуга, что кажется, сколько я не украшай, не обустройвай её, все равно будет тесно и невесело. А так мы катаемся по стране... Нам хорошо! Пока есть, куда ехать, где ждут не дождутся, – откровенничала девушка-мама.

– Должно быть, у вас такая миссия скрашивать будни родным и близким.

– О да! Они нам безумно рады! Так ведь, Тёмушка?!.. Идет коза рогатая за малыши ребятами! – Она смешно стала изображать сердитую козу, наступающую со склоненной головой к баловникам-детишкам.

Тёма весело брыкнулся и, притворно испугавшись, засеменил прочь. Но неотступная «коза» настигла и стала бодать и бодать мнимыми рожками, в качестве которых выступали роскошные длинные волосы.

Илья Сергеевич вдруг представил, как столь шикарными распущенными волосами можно усилить изыск сексуального контакта – и смутился. Благо, что девушка не заметила этой его нескромной фантазии. Она самозабвенно играла с малышом. Надвигалось на него, потрясая волосами, как невиданное чудище, как рассерженная коза. Грубым голосом нагоняла как будто бы настоящего страху.

Дитя с округленными глазами от новизны ощущений старалось все-таки убежать от проказливой козы понарошку. Но она настигала: наступал бурный мануальный контакт – и лохматое чудище оказывалось мягким и пушистым, теплым и хорошим. И малыш снова заливался смехом. И всамделишная счастливая мамочка снова бросалась со страстным иступлением целовать и тискать радостное сокровище.

– Ты чего тетка сумок наставила? – Из коридора послышался донельзя раздраженный грубый мужской голос. – Прямо по ним предлагаешь шагать?

– Попробуй только. Вовек не отмоешься!

– Чо, типа крутая?!

– А ты что, типа козел?!

– Да не типа, а самый настоящий говнюк! – другой женский голос встал на поддержку первого.

– Вас обеих сейчас высадим с поезда. На трое суток закроем за оскорбление личности.

– Тоже мне личность нашлась!

– Ваня, давай бегом за полицейским нарядом. И скажи проводнику, чтобы задержала отправку поезда.

Обладатель грубого мужского голоса заглянул в купе, властно сказал Илье Сергеевичу:

– Вы, мужчина, будете свидетелем. И вы, девушка, тоже. Беззаконие нельзя терпеть.

Он протянул Илье Сергеевичу удостоверение, что является помощником депутата Государственной Думы, весьма известного депутата.

– А тот, кого назвали Ваней, кто побежал за полицией, тоже помощник депутата? – прерзительно поинтересовался Илья Сергеевич.

– Нет, он мой помощник, – ответил помощник депутата.

– А у помощника помощника есть помощник?.. И все, поди, состоят на государственной службе. Получают зарплату и, пожалуй, немалую?

– К чему клоните?

– К тому, что было бы проще помочь представителю народного избранника непосредственно представителям самого народа, хотя бы в малом. – Илья Сергеевич глянул на притихшего Тёму. Тот сразу улыбнулся, и это, как ни странно, добавило решимости.

Илья Сергеевич встал, вышел в коридор, взялся за лямки сумки, спросив у женщин, куда переместить битком набитый баул. Оказалось, что в их купе и надо затащить сумки. Это озадачило. Помощник депутата криво усмехнулся, и хотел было сплюнуть, точно блатной урка.

– Хорошо, что я еду без багажа. Поместим ваш багаж на мое место, – сказал Илья Сергеевич с любезной улыбкой.

– И еще вот это куда-нибудь пристроить. – Дама протянула женский манекен в человеческий рост.

– Как бы не сломать, – произнесла дама помоложе. Обе дамы вполне приятно выглядели, и, казалось, грубые перепалки вели базарные торговки, которые куда-то вмиг исчезли.

– Эту пластмассовую телку положи с собой! – Заржал помощник депутата.

– Да зачем же! У этого доброго мужчины сразу видно есть хорошая женщина, – ответила пожилая дама и обратилась к Илье Сергеевичу: – Давайте положим этот манекен на самую верхнюю полку, прямо над вами, и повернём её одним местом к депутату. Его же верхняя полка напротив?... Кстати, господин помощник депутата, почему так непрестижно путешествуете, проштрафились? Вам бы на лоб синюю мигалку, чтобы и пешеходы дорогу уступали!

– Доприкалываешься, челночница, точно с поезда снимем!

У помощника зазвонил телефон. Глянув на высветившийся номер, он поспешил ответить: «Рад услышать... слушаюсь... выполню точно в срок... Вот это хорошая новость! Наш законопроект прошел! Вау! Теперь себе точно куплю большой джип и деревеньку какую-нибудь! Одобряете?! ... Зачем деревенька? Да чтобы гулять по полной, не оглядываясь», – между тем помощник оглянулся, вышел в коридор, продолжая обсуждать детали какого-то законопроекта.

– Скоро вот так, продадут нас всех. – Дама махнула в сторону помощника депутата. – Сделают безликими рабами, тупыми придатками заводов, машин, особняков, холуями, прислугой.

– А мы не хотим, – с живостью отозвалась молодая мама, тронув взгрустнувшего Тёму. – Эй, малыш, очнись! Козу рогатую легко победил. А вот Карабаса-Барабаса одолеешь? Этакое толстого лохматого злого дядьку, который выстроил огромный дом-замок на народные деньги и от скуки смертной забавляется тем, что ест пироги из соловьиных языков и мучит маленьких детишек, приправляя их слезами баснословно дорогую еду. У него есть корабли и самолеты, заводы и фабрики, но чего-то все равно нет, потому что оно не покупается за людские деньги... Вот смотри какой он Карабас-Барабас. – Девушка собрала в пучок на подбородке длинные волосы, изобразив бороду, оскалила зубы, пощелкала, исказила миловидное лицо злоющей гримасой. Раздувая от злости щеки, двинулась на малыша.

Он во все глаза смотрел на преобразившуюся маму – и вдруг, схватившись за животик, громко и заливчато рассмеялся, да так заразительно, что рассмеялись и мы, я и две дамы-челночницы. Даже помощник депутата заглянул с тревожным удивлением. Минуту постоял, внимая живой мистерии, и с растерянно-удивленной улыбкой сел на краешек сиденья. Мамаша пробовала сделать лицо ещё страшнее – малыш смеялся громче. Он стал топтать ножками и прогонять злого Карабаса со своего жизненного пространства в виде посадочного места в вагоне скорого поезда.

– Ты даже не боишься! – в конце концов воскликнула молодая мама, уставшая гримасничать, – Почему? В чем же твоя сила?

– Какой чудесный мальчик! – Вклинился помощник. – Можно подержать его в руках?

– Пожалуйста! – И девушка-мама протянула живое сокровище помощнику.

У дам-челночниц захолонуло сердце. Илья Сергеевич застыл с немим вопросом: «Да разве можно чужому, да еще такому, верить свой островок радости?»

Между тем, этот невинный хрупкий человечек, это радостное дитя переместилось в цепкие руки помощника, у которого властно-хищное выражение лица, как будто бы напрочь сменилось на теплое и радостное. Помощник ухватил мальчонку, словно это счастливая находка. Он его поднял вверх, разглядывая и так и сяк, обмениваясь с ним смешными и добрыми ужимками, светлыми улыбками, которые с каждым разом становились, словно чище и ясней.

– А можно и нам? – почти в один голос попросили расцветшие дамы. Помощник неохотно передал дальше эту живую человеческую драгоценность.

– Тёма прямо богатырь! – воскликнула пожилая дама, поставив чудесного малыша себе на колени. – Силач! Ты сразил нас всех, понимаешь ли...

– Да, он из тех богатырей, которые побеждают чистым сердцем и добрыми помыслами! – Подхватила её мысль молодая дама, лаская Тёму восхищенным взглядом.

Правильная речь дам-челночниц выказывала в них интеллигентный задел, на который наслаивался и затирал опыт выживания в чрезвычайно негуманной реальности. И томик стихов с поблекшей позолотой обложки, выпавший из сумки пожилой дамы, когда с помощью Ильи Сергеевича перемещали огромный багаж в купе, говорил также, что не по своей прихоти таскают огромные баулы шмоток.

– Когда-то у меня таких детишек была целая группа! Ну, чуть постарше, конечно. – Вырвалось у молодой дамы. – Когда я работала воспитательницей.

– А у меня целый класс! – Добавила пожилая дама.

– Почему были? – спросил Илья Сергеевич

– Так закрыли и садик и школу! Завод загибается и съёживается, городок пустеет! – воскликнула пожилая дама. – Теперь для тех, кого учили, кто как-то сумел обустроиться, покупаем одежду. У нас небольшой магазин на арендованной площади, относительно постоянный круг клиентов. Стараемся быть в курсе последних веяний моды (раньше бы сказала – в курсе последних событий культурной жизни), знакомим с ними наших клиентов с помощью свежих журналов, каталогов и потом, по их предпочтениям, привозим, формируем ассортимент. Доход небольшой, но как-то жить можно. С сетевиками налаживаем контакты на договорной основе.

– Да уж ситуация не из простых! – Илья Сергеевич покачал в задумчивости головой и процитировал: – «В человеке должно быть всё прекрасно: и душа, и тело, и одежда». С души переключились на одежду, получается. Чьи же руки прибирают себе души?

Илья Сергеевич глянул на помощника депутата и поперхнулся: тот не отрываясь в странной задумчивости смотрел на малыша, как будто напряженно пытаясь что-то очень важное вспомнить, от чего давно отошел.

Дамы, одна за другой потискав прелестного малыша, словно припадая, прикасаясь к некоей святыне, повернули голубоглазое чудо к Илье Сергеевичу. Мальчуган было шагнул на колени к Илье Сергеевичу, но так и застыл с поднятой ножкой. Они оба, выдерживая паузу, внимательно смотрели глаза в глаза – и Тёма вдруг смутился. Это было так очевидно и неожиданно, что молодая мамочка ошарашено воскликнула:

– Тёма, ты, оказывается, уже можешь смущаться!? Когда ты всему научился!? И грустить, и радоваться, печалиться и веселиться, и даже смущаться!

Тёма, между тем, принял важный вид, почти такой же с каким помощник депутата зашел в купе. Однако, важность была в другом – в необходимости не дать уйти веселому и доброму настрою. Затем Тёма серьёзно подал Илье Сергеевичу маленькую ручку для рукопожатия. Илья Сергеевич быстро ответил тем же, утопив его крохотную ладошку в своей широкой, сильной и ладной ладони.

Купе взорвалось аплодисментами. Знаменательное рукопожатие стало настоящим хитом социального творчества. Не разжимая рук, они, малыш и мужчина, не могли отвести и глаз друг от друга. У одного за плечами целая жизнь, состоявшая из совершенно разных жизней, когда всякий раз приходилось начинать сначала, но с нового, более высокого рубежа. У второго, еще некрепко стоящего на ногах есть в наличии тоже очень важное, о чем следует напомнить, передать, что потом теряется во взрослой жизни и к чему приходят в глубокой почтенной старости. И это что-то крепло сейчас в их взглядах.

Эмоциональная встряска достигла таких глубин памяти, что недодуманные мысли всплывали готовыми решениями. Священные строки «Царство небесное внутри нас» и голубоглазый

малыш, словно свидетельствовали, что рай начинается на Земле. Только утвердив его здесь, в частной жизни, откроются глаза и на другое. Вспомнился древний миф о Божественном Дитя, посланном исправить мир... Вспомнились утверждения психоаналитиков, что негативная сторона жизни с набором разрушающих эмоций, таких как злость, скука, апатия, раздражительность, самоуничтожение и самовосхваление и т. д. – не являются врожденными, а приобретаются, усваиваются такими вот малышами от взрослых. Таким образом, передается из поколение в поколение негатив, как дурная традиция, принимаемая за неизбежность...

И еще, как вдруг захотелось Илье Сергеевичу внятно втолковать помощнику депутата, что не народ существует для государства, а государство для народа. Чтобы милые интеллигентные женщины продолжали учить чудесных детишек, а счастливые мамы не колесили огромную страну транзитными пассажирами, не имея теплого дома. Чтобы строились заводы и фабрики, и не вымирали города... Да ведь не поймет?! Нужны целые поколения для понимания. И главное – не замутить источник, к которому все равно возвращаются.

Илья Сергеевич с благодарностью кивнул малышу за удивительную ясность, пришедшую в голову, замусоренную современными реалиями, за то святое простодушие, воцарившееся в его сердце, которое отмечает большинство навязанных проблем, и дружески похлопал его по плечу, дескать, спасибо малыш! С тобой-то мне и надо встретиться!

Черная метка

«Нам книги вырыли могилу»

Э. Верхарн

В вечерних сумерках сыпал крупный жемчужно-белый снег. Взъерошенные снежинки величиной с жухлый березовый лист в пору золотого листопада, суматошно проплясав долгий путь с небесных круч, мягко ложились на стылую твердь. Точно неисчислимые вассалы грянувшей зимы торопились выбелить цепенеющий окрест: землю, деревья, высотные дома, фонари, дороги – очертания которых растворялись в снежной кутерьме, и желтые пятна окон мерцали как далекие звезды неопознанных миров.

Два уличных фонаря на автобусной остановке окутаны оранжевым облаком искусственного света, казалось бы, безмятежно разлившимся и уходящим вдаль бесконечной гирляндой желто-белых шаров. На этот крохотный оранжевый островок света вдруг вынырнул длинный грязный автобус с озабоченно рыкающим мотором и встал как вкопанный. Открылись двери, и из темного нутра битком набитого салона выскочил юноша. Одет он в черную дубленку до колен, над поднятым воротником которой возвышалась черная норковая шапка. А из-под шапки выглядывало тонкое усталое лицо присмирившего от каких-то нелегких и тягостных мыслей совсем еще молоденького паренька.

И в тоже время любопытство и надежда, с чем ждут чудес в новогоднюю ночь, временами оживляли грустные глаза. В один из таких моментов, когда между плечами и спинами юноша узрел в заиндевелом окне обшарпанного салона что-то разительно отличающееся от сутолоки хмурых пассажиров, в мгновение решил нарочно выйти из автобуса за несколько остановок до своей. Выйти, чтобы поглядеть на роскошный снегопад в фиолетовой мгле, побыть наедине в самой гуще снега, найти окончание пытавшим его мыслям.

Тогда, еще в автобусе, взглянув на странное смешение как будто бы хаотичного движения тончайших кристаллов воды, вбирающих краски уходящего сумрачного дня, юноша подумал, что не иначе как в этот снегопад произойдет нечто значительное, что никак нельзя упустить эти мгновения. Надо вдоволь нагуляться в торжественном падении снега так, чтобы почувствовать себя, скажем, одиноким деревом, которому выпала злая доля выдержать натиск нашествия снежной армады – не согнуться и не сломаться, в корнях сохраняя жизнь. Сравняться с самим снегом и постигнуть его мертвящее великолепие. Стать безымянной частицей творившегося природного действия.

Подобные редкостные снегопады происходят исключительно накануне чего-то примечательного, важного, таинственного прежде. Это редкая минута откровения и познания одной из граней великой тайны бытия, где любовь, возможно, краеугольный камень. Но какая она, эта любовь, к чему и к кому?

И когда он уже шагал среди бешено кружившихся снежинок, необычная тревога живо будоражила воображение. Верилось, что еще одно мгновение, еще один шаг – и ясность придет во все его дела и мысли. «Хотя, это очень уж наивно. Разве может быть такое, чтобы одно мгновение вызвало к жизни какую-то чудодейственную мысль – и былое, мрачное и мятущееся, прахом разлетелось бы в тартарары? Нет, это невозможно. Слишком много скопилось неприятностей, и слишком большая из них лепится беда. Почему, осторожно оглашая в себе это как будто бы благодатное слово, любовь, во мне оно отзывается ноющей болью?... Как удивительно, – думал юноша. – в такую пору, в такую погоду, когда холод, злой хозяин, озабочен лишь тем, как скорее уничтожить малейшие признаки исчерпавшей себя жизни и этот удивительный снег есть всего лишь результат охлаждения перемещающихся воздушных масс. Но это

же не так! Ах, этот снег! У снега тысячи лиц и названий. Крохотные физиономии снежинок строго индивидуальны. С чего бы вдруг, именно в эту пору я жажду красоты, и спешу искать её следы в обледенелом заснеженном царстве. Это, скорее, какая-то чудная блажь. Не лучше ли подумать о домашнем тепле, о чашке чая, о искусственном свете, о вечерней газете, о простой и милой девушке Тане, недавно поступившей к нам на работу, – поискать вот в этих понятных занятиях удовольствия, а не бежать, сломя голову, за какой-то чистой и возвышенной радостью в жестокий мир, объятый холодом и хаосом. Господи, как я хотел бы забыть эту тревогу и жить привычной канителью: работа, дающая материальные средства, часть из которых пустить благоразумно на сбережения, другую часть ухлопать на все, что может занять и развлечь: книги, музыка, театр, путешествия и пр. и пр.; разрабатывать перспективу создания семьи и подыскивать себе достойную девушку – это хорошо, это понятно. Да вот стоит начать жить по такой схеме как старая подружка хандра погрузит то в сон, то в беспокойство, подтолкнет повить на холодную никчемную луну, ехидно напомнит, что самое главное, самое ценное, подлинное – упущено. Упущено! Почему я тревожусь тем, что не могу понять? Что не дает покоя: неуёмная гордыня? Сомнение в правильности выбора объекта своего внимания? Откуда ощущение, что занимаюсь несусветной чушью и никогда мне не полюбить по-настоящему простую и милую девушку Таню. А я, отрекаясь от неё и собираясь, к тому же, уволиться с работы на механическом заводе, верно, менее всего годен на изобретательство чего-то качественно нового, недостающего. А вдруг его и выдумывать не надо – оно рядом, протереть глаза получше, сердце открыть настежь, пнуть ногой комок снега и невзначай обнаружить в поднявшемся снежном вихре – клад золотых монет! тайный старинный свиток с утерянной истиной! ...

Придирчиво рассматривая, анализируя вехи истории, без особого труда можно сразу отметить, что тысячи лет человечество добивалось того, что называется гармонией, и вся история – история попыток её создания. Где-то щепок нарублено больше, чем построено; где-то крови пролито больше, чем рождено новой. Различные идеи, коллизии, планы, проекты, институты мировоззрений; беспощадные баталии как мировоззренческие, так и реальные с ужасающе смертоносным и разрушительным как оружием, так и сознанием. Зыбкая вера, что якобы есть новая парадигма, контур которой вот-вот обрисуеться. Негативное последствие грубых ошибок, просчётов, неудач собираются в угрожающую силу, готовую не то чтобы потрепать миллиардное население новыми эпидемиями и катастрофами – саму планету превратить в облако пыли. Сколько исполинских умов тонкой вязью изошренной мысли пробовали объяснить вековечную загадку гармонии!

И, между тем, если бы им это сполна удалось, мне не было бы нужды бродить здесь в кромешной тьме. Да что там! В самом деле, правильно мне говорят мои немногочисленные друзья: выбрось этот невнятный туман, эту дурость из головы, живи просто, как мы, довольствуйся уже тем, что есть, мол, каждому сверчку свой шесток. Будет горько – выпей стопку. Приземли мечту. Может быть, я так и сделаю, причем сегодня. Вот приду домой, сожгу все свои записки, томики любимых писателей, зарекусь никогда не думать о том, что лучше не знать. Баста! Работа у меня уже есть, есть и возможность перейти на более респектабельное место. Подыщу какое-нибудь увлечение, и не одно сыщу хобби. Останется изыскать способ, как снова подступиться к Тане. Она будет мой самый близкий человека, который и дополнит, чего мне не хватает. Еще лучше суметь оставить Таню в прошлом – найти другую представительницу женской половины человечества. Не столь важно конкретное имя. Она – женщина! Великое, благодатное создание природы! Она сможет заслонить своим богатым естеством тот дальний свет, что непонятно тревожит и восхищает. Её осторожность, внимательность, чуткость, мягкость, её строгая изобретательность и инстинктивное влечение к дому, теплу, ласке – вот, что мне нужно и что я смогу обрести, поселившись с ней под одной крышей. Я её буду любить и в одеянии нимфы, и кормящей наших детей, и с веником и тряпкой прибирающей наш дом. Как бы только скорее увидиться, встретиться! Я хочу верить, что отчасти она такая же мечта-

тельница, как по большей части и я. Это важно, потому что главное в семье единомыслие и единомушие. Она уже имеет первый опыт реальной жизни, Она жаждет мужчину в постоянное пользование, чтобы утвердиться и раскрыться самой полностью. Я уверен, что она ждет меня. Её щеки пылают от нескромных желаний и, вместе с тем, её девический стыд стоит на страже и как верный пес гонит прочь чуждых временщиков, похотливых самодовольных, снедающих гадкою страстью сорвать и смять цветок, вместо того, чтобы холить и нежить. Моя милая, я чувствую, час нашей встречи настал. Наверняка сейчас по моему тысячекратно повторенному желанию разверзлись врата сокровенных высших сил, и всемогущая главенствующая сила творит телесную форму моего мысленного образа.

Еще мгновение – из снега, ветра и мороза сотвориться самое желанное.

Ещё несколько шагов – я увижу тебя, моя женщина. Как по таинственному зову собираются весной и осенью птицы, так и мы вышли оба погулять в этом фантастическом снегопаде. Мы сразу узнаем друг друга, никогда прежде не видевшись. Мы обнимемся как после долгой-долгой разлуки, расскажем, что было в неуютные годы одиночества, и навсегда соединим наши руки... Чу! Что это? Что за странное движение там, вдали, у поворота? Верю я – это ты! Я бегу!»

Юноша ринулся в снежную кутерьму. Вдруг – о небо! – послышался слабый вскрик и вслед за ним пронесся шум, какой бывает, когда падает человек. «Ага! – воскликнул юноша. – Я не ошибся. Она здесь! Мои позывные услышаны». Юноша живо подбежал к лежавшему неподвижно человеческому телу, предвкушая многорадостную встречу, схватил за обшлага шубы, приподнял, глянул нетерпеливо в лицо и – отпрянул. Увы! То была не она. В его руках была не прекрасная дева, но маленькая ссохшаяся старушка, похожая на восставшую из небытия мумию.

Он со смущением поставил старушку на ноги, на всякий случай извинился. Реликтовая бабулечка пугливо оглядела незнакомого парня и засемила мелкими шажками скорее прочь, охая и слабо причитая. Заспешила наперво к детским санкам, на которых лежал засыпанный снегом большущий мешок, взялась за верёвку, привязанную к передней поперечине своего неказистого железного помощника, и черепашьям ходом поволокла поклажу.

Неудачливый искатель внимательно, ни на минуту не отрывая глаз, наблюдал за старухой. Что-то в её облике поражало. Он вдруг захотел дознаться, что же его потрясло. Когда он поднимал старуху и обратил горящий жадный взор на её лицо – холод прошел по жилам. Жуть! Никогда не приходилось видеть столь обезображенного увяданием лица: казалось, оно давно уже умерло, и бедная бабушка таскает на себе посмертную маску. Кожа была пергаментного оттенка, высохшая и стянутая глубокой сеткой морщин. Закостеневшие морщины рассекали и стягивали синевато-черные губы, так что три кривых зуба выдавались буграми над ними. Шамкающий рот поминутно обнажал остальные редкие гнилостные обломки, за которые зацеплялся не-то язык, не-то сами губы и щеки – голос дребезжал, шипел и потрескивал, как раритетная виниловая пластинка, которую давно пора выбросить. Брови и ресницы, похоже, напроць выпали, что и следа нет. Глаза, как у рыбы, неподвижны, круглы и таинственны.

Должно быть падение старухи, её испуг исказили и сверх обычного обезобразили лицо, которое в дневном свете, пожалуй, не содержало бы такой уж умопомрачительной доли леденящего и омерзительного. Но в эти минуты... «Ну ровно Баба Яга, как и Дед Мороз, спешат с одних зимних праздников на другие!» – подумал он. Это неприятзательное полушутливое сравнение неожиданно тронуло самые глубины, самое основание сегодняшнего настроения юноши и вызвало целую вереницу фантастических образов.

Ведьма! Да это же ведьма! Настоящая ведьма!

– Эй, ты! – окликнул юноша. – Ты кто? Почему шастаешь по такой непогоде?

Старуха оглянулась, что-то глухо буркнула. Юноша слов не разобрал – голос её шипел и скрежетал. «Полно! Разве это благочестивая бабушка? А что, если нет вранья в старинных преданьях. В какой-то неведомый никому час восстают мертвые из гроба, в полнолуние перед Рождеством собираются ведьмы на шабаш. Земля, её ноосфера, так пропитывается злом и отчаянием, что происходит обвал неудач, ссор, конфликтов, катаклизмов. А что, если сама верховная ведьма, сама Смерть пожаловала ко мне. Пришла, чтобы посмеяться надо мной, являя собой знак высшего предначертания, толкующего и внушающего, что все мои желания тщетны, что одна Смерть придет однажды и скажет: «Здравствуй, голубчик! Умаялся, поди-ка, бедняжка? Пора и помирать, дружок». Смерть одна – чего нельзя отрицать, что есть непреложная правда жизни. Видение Смерти – это намек на моё будущее. «...И тот пред кем вся жизнь, расслышал зов могилы. Судьба счастливая дала мне первый день. Судьба жестокая второй мой день послала. И в юности моей не мед я знал, а жало...»¹

*«... Чьи-то вздохи, чьё-то пенье,
чьё-то скорбное моленье.
И тоска, и упоенье, – точно искрится звезда,
Точно светлый дождь струится, —
и деревьям что-то мнится,
То, что людям не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи ночи, это искрятся их очи,
В час глубокой полночи мчатся духи через лес.
Что их мучит, что тревожит? Что, как червь, их тайно
гложет?
Отчего их рой не может петь отрадный гимн небес?
Всё сильнее звучит их пенье, всё слышнее в нём томленье,
Неустанного стремленья неизменная печаль, —
Точно их томит тревога, жажда веры, жажда Бога,
Точно мук у них так много, точно им чего-то жаль...»²*

Если мне и впрямь довелось раньше моего часа узреть Костлявую, сделаю же доброе дело: в обмен на свою жизнь вырву у Костлявой тайну гроба рокового. Удача! Удача! В жизнь входит высший свет!.. однако, это всего лишь очередная чушь, бред, пустая фантазия... и также, однако, истина чаще является, когда разрушен привычный порядок вещей как ломают скорлупу ореха, чтобы добраться до ядра. Что порой вдохновляет и побуждает творить, создать реальное как будто из ничего? Пустота, оказывается, есть квинтэссенция энергии. И то, что не видит и не слышит один – прекрасно видит и слышит другой. Также как разная палитра чувств, развитость и способность улавливать тончайшие движения человеческой души. Бывает, что невидимое и неслышимое оживает и путаешься: это ли голос рождающихся мыслей? это ли голос высших сил? или достигших совершенства человеческих душ? Что, если это все одно целое, единое одной природы и дремлет до поры во вселенских просторах мозга? Войти в такое откровение как добиться nirваны – сложно и дано не каждому. Я помню сеансы спиритизма. Я присутствовал на них. Присутствовал как раз, чтобы найти опровержение в творимом медиумами действии, уличить в подтасовке, в невежестве и тут же разнести в пух темное суеверие. Дело в том, что моя сестра и её подруга могут гадать по блюдечку, легко его оживляют, что никак не получается у других. Промежуток времени между Рождеством и Крещением был самый удобный, результативный для гадания. Не было отбоя от желающих задать

¹ К. Д. Бальмонт. Под северным небом. М., изд. В.В. Пашуканиса, 1917 г.

² К. Д. Бальмонт. Под северным небом. М., изд. В.В. Пашуканиса, 1917 г.

вопрос и узнать судьбу у всезнающих духов. Вопросы писали на листочках и с умоляющим видом всучивали сестренке-медиуму. Так вот, когда в кромешной тьме при слабом отблеске дрожащего пламени свечи, блюдечко начинало вращаться, я ощутил присутствие вызванного духа, и даже без блюдца в голове моей пронёсся ответ на заданный вопрос. И я сверял ответ по написанному блюдечком – ужасался, потому что ответ был один в один с моим уже присутствующим в моей голове. Оказалось, что способностей к медиуму во мне больше, чем у сестры. Пустота, окружающая нас, на поверку есть бушующий океан. Странное чувство восторга и ужаса потрясло меня. Я быстро вышел из комнаты и никогда больше не участвовал в спиритических сеансах... Однако, я снова отвлекся. Где же старуха? Непроста она мне здесь попала. Вдруг да разрешится одна из моих тайных дум».

Юноша догнал старуху и снова ухватился за рукав её шубы.

– Привет, Костлявая! – крикнул ей в ухо с напускным нахальством. Старуха разом вытаращила на него свои рыбы глаза.

– Как дела на том свете, ведьмочка ты распрекрасная? – сказал юноша. – Хватает ли огня на адской сковороде? Ароматен ли дух поджаривающихся человечков? В чем справедливость Всевышнего суда?

– В своем ли ты уме, паря? – изрекла, наконец, разом посуровевшая старуха. – Пьян? Мухоморов наелся? Чего курил?

– В своём, своём уме. Не бойсь, Костлявенькая. Настрой у меня может быть не совсем обычен – соответственно расшалившейся природе... Так здравствуй же, Костлявая!

– Зачем обзываешь? Для чего обидеть хочешь?

– Да нет же, кикимора ты болотная! Ты же ведьма, признайся. А ну признавайся... Дружище, как я рад этой встрече. Дай обниму.

– Обижаешь ты старого человека. – Отстранилась старуха.

– Зачем мне обижать тебя. Напротив, я бы многое отдал, ежели это было правдой. Очень уж ты смахиваешь на воплощение нечистой силы, которую кличут в простонародье – Смерть или Костлявая. Расскажи-ка, сколько жизней отняла, сколько свечей задула? Сколько глаз молили о пощаде, сколько рук цеплялось в надежде выпросить лишнюю минутку жизни, не зная даже, зачем она ему. Скажи, знаешь, зачем мгновения жизни даны? С какими словами переходят в мир иной? Поведай, какие предсмертные тайны ты знаешь. Ну, начинай.

Юноша грозно подступил к старухе. И распростёрся над нею как непоколебимый светлый ангел высшего правосудия. Она попятилась, судорожно глотая воздух. Молодому человеку вдруг стало смешно: страх старухи был столь неподделен, а он сам – отчаянный неисправимый фантазер. Пелена, в которую тщился поверить, в мгновение слетела.

– Прошу извинения. Великодушно простите. Я, кажется, вас напугал. Это было маленькая не совсем уместная шутка. Но, всё-таки, ты разве не ведьма и тебе не тысячу лет?

– Я не ведьма... Я пенсионерка. Бывшая колхозница.

– Почему же другим является нечисть: черти, ведьмы, приведения, и даже владыка темного царства, предлагают сделки, (примеров тому немало) – мне достаются отбросы и остатки, нелепица. Кабы в самом деле ты была из мира теней... Не бойся меня: на твой взгляд я немножко странен – это ерунда, ведь у каждого свои причуды. Как мне хочется встретить живое осязаемое существо – хранителя великих и чудесных тайн. Я бы отдал все, что у меня есть: голову, душу, эту классную дублёнку, невзирая на лютый мороз. О, я многое хочу изведать, объять взглядом пространство времени.

«Во всём мне хочется дойти

До самой сути:

В работе, поисках пути, сердечной смуте..

*До сущности протекших дней,
До их причины.
До оснований, до корней,
До сердцевины.
Всё время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.³*

Юноша перевел дыхание и продолжил:

– Чу, воплотитесь силы потусторонние. Случись так, ты – лучший вариант для воплощения!

– Никакая я не ведьма, и никогда мне ею не быть. Нечего мне на себя напраслину возводить. Я пенсионерка, бывшая колхозница, – твердила уязвлённая старуха.

– Это, всего лишь твое внешнее лицо. Известно, как у любого тела есть лицо и задница, так у души есть внешность и изнанка. Та изнанка, которую многие тщательно скрывают, в отличие от меня. Показывай-ка и ты, что ты скрываешь?

– Ничего, ничего я не скрываю, – быстро проговорила старуха.

Юноша приметил испуг и воодушевился.

– Ты упорствуешь! Напрасно. Ты умопомрачительно стара и точно направила в музей этнографии, чтобы застыть там навечно, среди прочих восковых фигур. Не поверю, чтобы ты не думала о конечной черте, за которой иная жизнь. Призрак в белом саване должен быть твоим частым гостем. В полуночный час он зримее, он уже хлопочет тебе место в своем таинственном мире. Он ведет с тобой переговоры и приоткрывает завесу, эдакую маленькую щелочку, в мир другой по сути, где живут и здравствуют тени умерших. Скажи, старый мудрый человек, доведен ли до твоего сведения один из постулатов вечности, вечности равной для всех? Скажи, что царит за порогом земной жизни: блаженный почтенный покой? Тени умерших создают питательную силу нашего бренного мира? Все миры подвластны тлению, равно особой метаморфозе – и ты, прожив там какую-то новую жизнь, наделенную новым смыслом, либо снова возвращаешься к нам и воплощаешься, реализуешься лучшим образом, либо переходишь в мир еще выше, отдаленнее, противоположнее, совершеннее. А вдруг из наших душ зиждется галактическая праэнергия: вспыхивают звезды и первородная космическая энергия начинает новый путь самопознания и самоусовершенствования на ступень выше. А что, если, умирая, вы присутствуете во всем как воздух, как стихия разнополюсных сил, бесконечно творя и разрушая земную обитель, а мы – куклы, орудия, игрушки в ваших трансформированных руках. Что нас ждет?... Слыхала ли ты об энтропии? Есть энтропия изолированной физической системы, есть энтропия замкнутого сообщества, энтропия социума... Ладно, это слишком мудрено, но ты такая старая, хоть что-то должна знать. Я никогда не смогу поверить, что живем мы семьдесят-девяносто лет, что со смертью ставится жирная точка, тело весело поедается червями и микробами, размывается грунтовыми водами, а душа – это бред поэтов, искателей мистического, искателей неведомого. Я не верю! Законы материального мира этого объяснить не могут. Скажи мне что-нибудь. Почему молчишь? Посвяти меня в тайну, у края которой ты стоишь.

– Ничего я не знаю, паря. Я пенсионерка, бывшая колхозница. Я иду домой. Непонятны мне твои талмуды.

Юноша сразу как-то сник, отступил от старухи на шаг, нахмурился, спросил:

– Пенсионерка говоришь?

Старуха с живостью кивнула.

³ Б. Пастернак

– Чего же ты тут делаешь? Все благоразумные люди, тем более пенсионерки и бывшие колхозницы, сидят по домам, отдыхая, кто – после трудового дня, кто – после трудовой жизни. Смотрят развлекательные передачи, сериалы, ток-шоу. Прихлебывают чай с лимоном и сладкой ванильной булочкой, или что-то около этого, сообразно финансовым возможностям.

– И я иду домой, везу картошку. Глянь, целый мешок на санках.

– Что! – вскричал юноша. – Картошка!? В этом мешке у тебя картошка? Ты занята лишь тем, что везешь какую-то банальную картошку. Бог ты мой! Какая низость и пошлость! Какое убожество! Послушай, старый человек, в твои ли годы последние мгновения жизни тратить, понимать – губить, на какую-то обыденную картошку. Когда же думать о душе? Когда же насыщать жизнь вечным и прекрасным?... Брось немедленно эту дрянную картошку! Освободись от этих дурацких пут. Проклятый быт! Суета сует! «Суета житейская похищает душу человеческую...» Кабы ты знала, бабулечка, что это самый подлый и коварный враг. Под его сладкой приятельской личиной прячется ехидное чудище, похабное грязное вонючее, которое умерщвляет самую главную суть и превращает в тупое животное любого, кто поддался его наркотическим чарам... Старый человек, посмотри на чудный снег, на пленяющие тайной звезды, на искусственный свет рукотворных фонарей – скажи: зачем это? для чего? Зачем я, ты? Просто так, чей-то глупый каприз?

– Я не понимаю тебя, еще раз тебе говорю, – сказала старуха, взяла веревку, привязанную к санкам, напрыглась и поволокла.

Юноша остался один. Было вновь досадно, обидно и горько. Он не высказал и крохотной доли того, что скопилось в душе, все эти ужасные и прекрасные смятения и волнения, предвкушения и предвосхищения. Единственный свидетель его спонтанного откровения оказался ужасно и убийственно чужим. Старуха уходила и сливалась со снегом.

«Я снова обманулся, – вновь обратился в тревожные думы юноша. – Опять неудача. Вторая за вечер. Выходит, я несчастный человек. Мудрые, впрочем, учили не унывать и не отчаиваться. Только вера в победу зиждет энергию, которая верно и неуклонно ведет к желанному счастью. Не беда, что моя далекая еще не познанная подруга не явилась. Не беда, что старуха не оказалась Костлявой. Почему бабулька и тьма-тьмущая подобных ей уверились, что так и надо так и должно быть: запрячься и тянуть вечную лямку обывательских забот и тягот. Она несчастнее меня. Да-да! Хотя бы тем, что, надрываясь, тащит картошку. Ей бы помог кто... Точно, следует немедленно ей помочь. Ура! Я бескорыстно помогу беспомощной слабой старушке и тем самым оправдаю сегодняшний день. Ибо день, прожитый во имя высшей идеи делать добро, благо, сделать хоть шаг в познании и утверждении нового, – есть первейшее условие моей душевной успокоенности, есть маленький кирпичик моего личного счастья. Счастья, когда целиком отдаешь себя, свое. Я хочу отдавать не жалея.

Итак, решено: старушка слаба и беспомощна, не встретить меня – её бы точно занесло снегом, беспощадным холодным снегом. Но я подросел вовремя: я помогу несчастной болезной бабушке, чем спасу этот день, насытив его, облагородив добрым делом. Какая удача! Каждое мгновение посвящать утверждению добра и справедливости. Наставления типа «падающего – толкни,... пусть гибнут слабые и уродливые» не должны стать первыми заповедями нового человеколюбия».

Юноша догнал старушку и участливым потеплевшим голосом сказал:

– Бабушка, давай я тебе помогу, устала ты, да и метель разворачивается, и мороз крепчает.

Он взял из рук старушки веревку, за которую она тянула санки. Старушка искоса пугливо посмотрела на нежданного помощника, который, между тем, мягко её отстранили потянул санки.

– Ого! тяжеловатенько! Ты не бойся, я тебе помогаю, просто так, по доброте сердечной... Где живешь?

– Недалече, сынок. – Подобрела и бабуля. – Прямо до кольца, потом налево в первую улочку, второй дом.

– Вот и прекрасно, нам почти по пути, идем же.

Визгливо хрустел уминаемый ногами и полозьями санок снег. Метель стихала, ветер становился порывистым и слабел с каждым новым порывом. Некоторое время они шли молча, ровно шли поодиночке. Юноша рассеянно спросил:

– Картошки куда тебе столько? Наверно живность какую держишь?

– Что ты! Стара уж, да в городе где скотинку держать.

– Бывает, что в гаражах держат кроликов, а то и свиней. У гаражей сколько будок! И кто-то в них гавкает, воркует, чавкает, пыхтит и хрюкает, стонет и воет. И ты, пожалуй, такую же мини ферму имеешь.

– Куда мне! Ноги еле таскаю.

– А живешь с кем?

– Одна и живу. Комната у меня невеликая есть. Дом у нас не как у всех – гостиничного типа общежитием прозывают. Почитай живут в нем одне старухи как я, да молодые, только что поженившееся. Энти недолго: квартиру заимеют – и поминай, как звали. Своих деток у меня нет. Был мальчонка, как ему два годика минуло – так и помер: время голодное было, война с лютым фашистом шла. Война и мужика моего забрала, погиб он, на третий год войны. Я тепереча соседкам говорю: кабы был у меня жив сын, разве я жила бы тут, хотя и не охаешь шибко дом наш. Неужто он тогда, сыночек мой, кровинушка моя, мне уголка махонького не нашел у себя бы дома. Срамота тем детям, что матерей, корни свои забывают... Не сберегла мальчонку. Когда он помер, вроде и не так жалко было: у всех почти каждый божий день кто-то да помрет то с холоду или голоду, то похоронка придет. Ох, и время тяжкое было, не дай Бог испытать. После войны дом я справила, построила значит. Где-то колхоз помог как солдатке, но боле сама. Дом срубила сама не хуже мужика заправского. Крышу ставить и крыть нанимала работников: куплю водки, самогона нагоню – они и рады пособить. Плохо одной хозяйство вести: тяжело, рук не хватает. Но ничего как-то управлялась. Корову держала, овец, огород был. Не токмо кусок хлеба с маслицем всегда был, денежку про запас откладывала. Копеечка по копейке складывала – и тыщи получились. А под старость сила уходить стала, тут и беда недалече: незамогу я, кто печь затопит, кто по хозяйству стряпать будет, кто воды принесет из колодца, когда ноги у меня, не приведи Господи, откажут, а то ослепею – это и есть горе. Что мне тогда? В постели помирать от голода в холодной избе. Кому я такая старая и никчемная нужна буду, поди и вонь от меня пойдет. Денежки все мои, тыщи мои, с которыми доживать хотела в тепле и заботе, – пропали. Пропали, когда эта проклятая инфуляция началась. Ведь чего только не придумают, чтобы нас простой народ грабить... И налогами нас, крестьян, кукурузник душил. Паспортов не давали, чтобы из деревень не сбежали. Ох, рассказать бы тебе всю нашу жизнь бедовую, ну да ладно... Корову продала за бесценно, потому что невмоготу стало держать её. Козу завела. Так с козой и до смертушки моей дожила бы. А тут вдруг деревеньку нашу нарушать вздумали: места у нас шибко красивые: речка с лугами, рощи березовые, чуть повыше вековые сосновые леса кругом. И новые бары-бояре у нас свою деревеньку учредили с высоченными кирпичными домами за каменными крепостными стенами. Нас, пригоршню старух, кто не успел помереть вовремя, отселили в город. Ох, как мне уезжать не хотелось, воем ревели. Все мне в избе моей знакомо и родно. С козлухой как жалко расставаться было. Начальник или прислужник тех, кто деревеньку нашу ломать придумали, пришел ко мне в избу, уважительный такой и хороший дядечка, поговорил со мной, обсказал, посулил, документ показал на снос избы и еще документ на комнату в городе. На другой день машина прикатила с дюжими ребятами, быстро они погрузили мои пожитки и свезли на новое

место. Скажу честно, комната мне приглянулась: сухо, тепло, места хватает, топить не надо, вода, какая хочешь, из крана течет. Хочешь горячую наливай, хочешь холодную. Телевизор есть, холодильник, плитка электрическая.

– Не жизнь, а малина! Но чего-то тебе не хватает. Может денег?

– Денег, известно, всегда не хватает. Пенсию вроде исправно платят, да мала пенсия, гроши какие-то. Как её получу, пенсию, делаю расчет в тот же день, как дожить до следующей пенсии, сколько в день тратить рубликов будет позволительно. Еще и в заначку положить требуется, хоть самую малость, но положить.

– Хозяйственная ты, бабушка, предусмотрительная. А я было подумал, что спишь целыми днями, с боку на бок переворачиваешься.

– Сплю поболее, сынок, чем раньше. Молодой была – целыми днями робыла, думала, ото-сплюсь на старости. Вот пришла старость – спится да не так. Жить осталось может несколько годков... жалко умирать, хотя и жизнь подлючая чаще. Раньше сила была, так копейки получали и в одежке одной десятками лет ходили, война, разруха, потом вроде как жизнь справилась – опять какая-то инфуляция! Откуда она взялась, кто её придумал? Говорят, чтобы русский народ по миру пустить всё это придумано, чтобы сгнули; так фашисты от евреев освобождали землю... Однако и её пережили, нынче гляди: машин сколько, ровно ходить разучились, через дорогу не перейдешь. Соседка моя шкаф деревянный купила, дак он дороже коровы!.. Скоро уж придем, вот и улочка наша началась.

– И часто картошку возишь? – зачем-то спросил юноша.

– Да где часто, нет не часто, – сказала старуха и, помолчав, лукаво прищурилась, воровато насторожилась, успокоено обмякла и тихо прошамкала:

– Картошечку эту я с базы слямзила, стибрила получается. Мы с Анисьей, соседкой моей, на четвертой овощной базе, на сортировке картошки робим. Я смекнула: на воротах сегодня как раз Дашка стоит, соседка тоже наша, прихвачу с собой мешочек картошки – что мне, грешной, за него будет? Семь бед – один ответ. Зато с картошкой пол зимы буду. Ноне картошка пятьдесят рублём за кило! А водка девяносто рублём! Когда такое было? В войну токмо было такое.

Неожиданная откровенность старухи, её признание в воровстве на грани бахвальства, снова жутким холодом покорило юношу.

– Так значит картошка ворованная! – Заволновался он, распаяя себя. – Ты, старая перечница, ты – божий одуванчик, своровала картошку! Ты, оказывается, гнусная воришка! И меня втянула в это грязное дело. А я, дурак, тащу, стараюсь. Гуманизм. Милосердие. Сострадание... Эх! слова эти не для нас с тобой. Да и вообще для кого эти слова!? У тебя, наверняка, на десяток таких мешков денег хватит. Но ты и в самом деле расчетливая и бережливая, хозяйственная и смекалистая, предпочла просто-напросто стащить, что плохо лежит. Неужели так просто можно нарушить закон? Не мучаясь, не тревожась. Нет и тени переживаний! Знай же, одна из бед в том, что все мы, россияне, живем не по закону, но по понятиям! Мы делаем то, что выгодно в данный момент, но не как должно по закону, по установленному порядку, по правилам, у которых нет исключений! Понимаешь, нет у закона исключений, – с благородным гневом выпалил юноша.

Несколько мгновений он пристально смотрел на старушку – резко повернулся и зашагал в обратную сторону. Старушка побежала за ним, причитая:

– Сынок, соколик, куда ты?! Разворачивайся. Что за напасть такая!

– Картошку я свезу на склад. А тебя следовало бы сдать в полицию. Вот куда!

– Что ты, сынок? Очумел? Да что убудет с мешка, что ли. Пожалей ты меня старую.

– Ты можешь говорить что угодно. Мне все равно, что ты скажешь. Я знаю: главное – справедливость. И никогда не лгать.

– Ну, чего ради ты взялся мне пособить. Шел бы своей дорогой.

– Дорога у всех одна. Идти по ней надо вместе – иначе будет катастрофа!

– Какая корова? Я ничего не знаю. Я-то причём тут. Да за что мне на старости, да и всегда, всегда горе такое. Почему одни несчастья у меня да труд каторжный, всю-то жизнь маюсь. Ты знаешь, что пенсии у меня только-толечки на квартплату и хватило бы, ежели не субсидии. Ихнюю субсидию, чтобы получить – сто раз вспотеть придется, в ножки не одному поклоняться. Все мои сбережения сгорели в одночасье – заграбастал рыжий чуб с уральским пельменем, с кого спрашивать? Малая моя заначка – уйдет сразу, как заболело по-праски. Ты бы посмотрел как в мои годы робили, и не платили ничего. Нас баб на лесоповал гоняли. Окопы рыли в полный рост. Мужика у меня убили, брата в лагерях сгноили, из избы моей выгнали новые бары-бояре, земляшку кормилицу отобрали, чтобы хоромы свои барские построить. Козу милую продать пришлось. Скажи, где твоя справедливость? Эх, что говорить, что говорить...

Тут старушка села на снег и заревела навзрыд как малый ребенок, размазывая сохшими ладонями слезы по лицу, причитая и жалуясь на своё неприкаянное сиротство, на раздавленные каторжным трудом годы жизни, на своё вековечное несчастье, горе и обиду. Слова тонули в горьких всхлипываниях.

Невыносимо острая жалость к плачущей сгорбленной бабушке невольно охватила юношу. Он скорее подошел к ней, взял за руку и попросил:

– Не плачь. Ну, пожалуйста, не плачь. Будь по-твоему: отвезу я картошку тебе. Отвезу, честное слово. Пойдем же. Хрен тут разберёшься с вами со всеми.

Сказав это, юноша несколько пал духом: тогда и он получается вор, соучастник хищения. Каковы бы не были его размеры – это мерзко, гадко, это падение. В чем же честь? «Во имя чего поступить? – мрачно соображал юноша. – Во имя некоей правды, справедливости? Но где она и в чем? Я был убежден: совесть, честь – это важно. Прежде всего совесть! прежде всего честь! Что в совести суть гения человеческого существования, его происхождения и развитие. Отступать от своей главной сути – значит отступать от данного Богом и равнозначно природой предначертанного. О, жизнь! Как могут быть запутаны твои дороги! Какое мучение может быть жить! Боюсь разувериться в главной идее. Иначе останется – тихо умереть, сгнить заживо. Всегда умирают, когда уходит вера, за ней покидают силы. Мне кажется, я близок к этой черте. Дело, безусловно, не в картошке. Но бывает последняя капля, что переполняет чашу. Считается шизой, своею волей навсегда остановить сердце. А не шиза ли жить и знать, что в тебе умерло всечеловеческое я, угасла божественная искра. Зачем пустая надежда, сопровождающаяся до гробовой доски... Что, если здесь существенен и второй момент: часто бывает и так, что для понимания исключительно важного надлежит испытать смертельный ужас, почувствовать дыхание могилы. Если я возьму в руки пистолет и поиграю им, со взведенным курком, у виска – похожу мгновения по шаткой дощечке над пропастью царства Аида. Пойму ли я еще что-нибудь? В тот момент, когда уже готов буду спустить курок – вдруг отложу выстрел, скажем до утра. Утром погляжу: не дрогнет ли рука по-настоящему нажать на курок. Возможно, вместо былой решимости самоустраниться придет некое философское понимание какой-то истины. Я обрету вновь равновесие и перспективу».

– Бабушка, – произнес юноша. – Раз я дал слово, я сделаю, что обещал. Тебя же попрошу сделать одно одолжение. Скажи сначала, не завалился ли где у тебя пистолет?

– Чего, чего? Пистолет!?! ...Откуда у меня и зачем тебе?

– Я, пожалуй, перемещусь в другую реальность: схожу в гости к Богу, или к дьяволу – к кому попаду. Мне многое здесь противно и гадко. Я, как ни прилаживайся, чужой всему. Еще, знаешь ли ты, что когда что-то не сделал, но должен или обязан был сделать, уже падший, уже подлец и вор. И все это копится подобно катящемуся снежному кому. Из мелочей, якобы незначачих, скапливается лавина едкой мути, которая сама отравится и погубит твое

естество. Во времена былые, частично и ныне, делом чести считалось смыть позор несостоявшейся жизни, конкретных её обстоятельств, ставящих человека на колени, с помощью пули, отправленной в собственный висок.

– Эх, сынок! Жизнь тебя еще не таким навозом накормит! – качая головой, с укоризной сказала старушка.

– Замолчи, бабуля. Я не хочу приспособливаться. Да и скоро приспособливаться будет невозможно: мутации не поспеют за изменением окружающего. На вас уже направлен пистолет, собранный из вашего невежества, сиюминутности, кичливости, самообожания, нескончаемых речей, обдурывающих и усыпляющих истину, рвачества, хамства и прочее. Достаточно еще жирной дурасти, которая грузно ляжет на курок – последний выстрел будет неумолим. В какой форме он будет? Всемирный мор от новой чумы, голод, война, глобальный взрыв... Тебе не понять, бабуля, что именно так взыскательно следует жить; не мириться со злом и иже с ним – уничтожать не взирая на лица. Именно так только и можно что-то улучшить реально... Что ты молчишь, бабушка? Еще раз спрашиваю, есть ли у тебя пистолет или нет?

– Есть! – Схитрила старуха.

– Не может быть! – Юноша остановился, посмотрев в упор на невольную свидетельницу его душевной распри. – Откуда?

– От батьки моего остался. Он вишь, в гражданскую Колчака громил, или с Колчаком кого-то громил: запомнотвала. Тогда знаешь было такое: сегодня красные придут, завтра белые... Потом время было смутное, что никак нельзя без оружия: то комиссары прискачут, то бандиты наведаются. Вот он приберег пистолет, аккуратный ладненький пистолетик, в деле проверенный.

– Врешь ты! Не верю.

– Вот те крест! – Она перекрестилась. – Однако, особливо не разбираюсь, пистолет ли то? – (она ещё раз перекрестилась, шевельнув губами) – Думается мне, что пистолет. Придешь и сам увидишь

– Может быть, у тебя и пулемет есть?

– Пулемета не было. А вот винтовка-трехлинейка была. Я её на две машины дров выменяла, совсем недавно, когда ещё в избе жила; охотник выклянчил винтовку. Вобщето был, вспоминается, пулемет – Максимкой отчего-то звали. Как начнет палить: тра-та-та-та – умрешь со страху. Потом начальнички в кожаных тужурках по-доброму пулемет забрали. Остальную мелочевку батяня утаил.

– Ну и ну! Какой системы пистолет?

– Не пойму о чем ты?

– Пистолет – общее название, есть точнее: маузер, браунинг, револьвер, кольт, вальтер, наган...

– А!.. Вон о чем ты! Как будто слыхивала я такие словечки. А вот какая ситсема моего пистоля запомнотвала, прости уж старую. Но ситсема хорошая у пистолетика: самая, что ни на есть убийственная, бьёт прямо в лоб без промаха и осечки.

– Даже так! Самонаводящееся? Тьфу, ты! Шутки в сторону. Значит, договорились: картошку заносу в квартиру тебе, и ты даёшь мне пистолет. Кстати, пули-то есть у тебя?

– Есть! Как же им не быть. Этого добра целая коробка.

– Какой калибр?

– Что, что? Опять я тебя не понимаю.

– Размер какой пули?

– О! Размер подходящий: такую дыру, соколик, в башке сделает, что не зашьешь и не заткнешь, все мозги разом вылетают вон.

– К твоему пистолету эти пули подходят?

– Обижаешь сынок. Естественнo подходят!

– Пуль-то много. Впрочем, много и не надо.

«Жизнь! – воскликнул в душе юноша. – Возможно, скоро придется прощаться,... Возможно и нет. Я всё ещё не знаю. Грустно уходить из этого мира, не изведав любви прекрасной, любимой и любящей женщины, не испытал себя мужем и отцом, не снискав воинской доблести, не возвысив себя храбростью и отвагой, не узнав восторга победы и горечи поражения. Проклятый вечер! Не знаю, способна ли пуля умиротворить, утишить мучения. Подозрительна сама старуха: пистолет с гражданской войны, хранимый для чего то. Невероятно! Да, верно, и заржавел пистоль этот. Столько лет лежал без дела. А ну спрошу».

– Бабуля, пистолет твой скорее на ржавую железяку похож?

– Нет, соколик. Как можно такое допустить. Что, я не понимаю – такую вещь губить разве дозволительно. Отчего ему ржаветь?

– Все ржавеет, повсюду кислород, который окисляет. Смазываешь ли свою огнестрельную реликвию?

– А ты как думал! Смазываю, дружок, обязательно смазываю.

– Чем смазываешь? – Учинил допрос юноша.

– Вот каким маслом машинку швейную смазываю, тем и пистоль мажу.

– Пойдет. В технике, смотрю, смыслишь малость.

– В деревне у нас ходила такая поговорка: я и баба, и мужик, я и лошадь, я и бык!

Старушка повеселела, раздумывая о смешном нечаянном попутчике. «Каким бы был мой умерший сынок? – подумала она. – Без отца бы вырос сиротиною. Ходил бы, мой сердечный, также в сумерках как несмышленный кутенок, выскивая что-то утерянное, выдумывая небывалые... Паренёк этот хороший: добрый, жалостливый, разговорчивый. Зачем он так быстро думает обо всем, так не ровен час глупость отчудить можно, а там и вовсе с дороги сбиться. Сыщу-ка я ему девку умную, простую и честную. Да и искать нечего! Вот месяц назад заехала к нам на этаж дивчина Таня. Из другого города приехала – видно, здесь у нас с работой получше. Вечерами всё дома сидит, в коптир уставившись. Мне очень помогает: в магазин ходит, в бумагах все обстоятельно растолкует. И просто так приветит улыбочкой и словом добрым – тоже сердцу отрада. Сведу я их вместе. Семейей станут жить, чтобы и детки были. Ежели он за общее дело радеет, какую-то правду правильную хочет вызнать – так и здесь семья лучшая опора, не-то один добесится до худого конца или тоска лихая возьмет, затоскует люто. Жизнь вкривь да вкось пойдет. Тут и до большой беды недалеко. Нет, лучше уж плясать от печки. Сначала оженись, обеспечь семью. После уж и думай, для чего еще родился. Домой сейчас придем, скажу ему, что пистолет соседка забрала орехи расколоть, или нет – скажу, что перепрятала, подальше от глаз в сарайке, что в подвале дома, схоронила, а подвал на ночь запирается, ключи у старшего по дому; значит с утра надо приходиться. Дескать, прости старую, потерпи до завтра, попрощайся со всеми ладом, и вечерком ко мне приходи за пистолетиком. Сама я Танюшку приглашу, скажу пособить малость. Пока она хлопчет у меня по хозяйству, паренёк этот придет. С ним обмолвлюсь, не гневись на старую, ну никак не могу пистолет отыскать: не девчонке ли дала, под подолом поискал бы у неё (шутка!). Танюшке баю, паренек что-то вроде краеведа, собирает старые вещи, предметы старины, ценности добронравных времен. Вот умора будет! Сведу их, столкую – пусть хоть будут упираться, а усажу рядышком, и чаем напою ароматным. Скажу, сама я вам хочу что-то рассказать, простое и народное. А там и он зацепится с дивчиной слово за слово, глядишь – прилягутся тесно; окажется она лучше всякого пистолета. Влипнет в неё по уши до конца дней своих и себя прежнего забудет. Столкуются, обязательно столкуются, чует моё сердце, что будет так. У Танечки ох, какое сердце доброе! Сама она шустрая и пригожая! Осиротела недавно: родителей схоронила. И паренек замечательный, нельзя таким пропадать. Мне однажды также помогли в трудную несчастливую минуту, очень помогли не сгинуть и не пропасть. И я помогу. Так-то лучше будет».

Снег всё сыпал и сыпал. Так плавно и безмятежно кружились снежинки, что мягкий нежащий покой проникал и покорял приунывшего юношу. Шаг за шагом, минута за минутой, – и пропадала вся суровость снега и колючесть стихающего ветра. Как будто ширилась ночь, светлела, вспыхивала чудесным светом. И стали понятны и снег и ночь. Вдруг в какое-то неуловимое мгновение согласие внутри и вне себя почувствовал юноша, что-то открылось и упало на дно памяти, как падает проросшее зерно в тучную землю, но чему еще нет слов, и что вскоре вырастет и станет ясной строкой в самостийной судьбе... В чистой, как в первозданной тишине, воскрешалась чудесная музыка в кружеве плывущих и сцепляющихся снежинок – эта удивительная музыка, напоминая забытые звуки клавирина, прогоняла смуту, открывала простую и милую красоту в этом обыкновенном снеге, серебристых небесах с блистающими звездами, в свежем морозном воздухе. Сколько же её прибудет – простой и милой красоты – когда сойдут снега и засияет весеннее солнце!

«Зачем я иду за этой бабушкой? Что за чушь я напридумывал! Разве мало безупречной красоты, что хранит природа, и разнесено по частям, по предметам, по людским поступкам, – думал юноша. – Как сохранить эти осколки прекрасного? Как собрать из них добрый радостный мир, пусть для начала в душе моей и близких моих? Как уберечь оставшееся, сохранить, развить, умножить? Сразу и не ответишь. Видно надлежит ещё многое понять и пережить, чтобы выкристаллизовался внятный ответ. Пожалуй, так приходит мудрость. А пока... Пока я сделаю вот что. Приду домой, беру блокнот и записываю несколько правил для себя, чтобы приземлять мечты-фантазии-желания. Основными пунктами будут:

1. Ложиться спать в одно и то же время, и спать не менее семи часов.
2. Больше физических движений: два раза в неделю встаю на лыжи, покупаю абонемент на теннис. Утром обливание холодной водой.
3. Прежде, чем что-то сделать из желания, основанного на мечте и фантазии, анализирую:
 - как должно быть; что хотелось бы видеть;
 - что есть на самом деле;
 - что можно изменить, приспособить.
4. Любое свое мероприятие планирую с карандашом на листке бумаги. То есть ставлю цель краткосрочную и перспективную. Разбиваю на этапы и определяю, что еще надо, чтобы задуманное осуществилось (развить новую потенцию, изучить и перенять опыт других и т. д.). Результат каждого этапа сверяю с задуманным эталоном – при большом расхождении делаю корректировку.

5. No cigarettes and alcohol.

6.

Что же добавить в шестой пункт?

И только подумал о шестом пункте, как небо озарилось вспышкой, словно разорвалась звезда, словно осколки метеорита ворвались в плотные слои атмосферы огненным дождем. Юноша протянул раскрытые ладони навстречу падающим сгусткам небесного света. Вдруг обе руки обожгло. Он увидел темное пятно на правой ладони. Словно это и был шестой пункт, отменяющий первые пять. Это черная метка послана, чтобы сказать, он умер для реальной жизни. Но это не значит, что он самовольно может лишиться себя жизни. Это значит, создавая свои миры. Не мучайся непохожестью, не подгоняй себя под общие стандарты. Тогда в реальной жизни для счастья будет достаточно глотка свежего воздуха и солнечного лучика – всего этого добра предостаточно. Вслед за этим придет человеческое тепло. Придет неожиданно, от неожиданных людей.

Чудовище, съедающее заживо

Когда-то у него были быстрые поджарые ноги и сильные умелые руки.

Когда-то у него было превосходно сложенное тело.

Когда-то была необременительная и хорошо оплачиваемая работа.

Было!.. Проклятое слово! Непонятное, мерзкое. Сначала мерзкое... Холод. Мрак. Тусклый свет луны на бескрайнем кладбище. Сумрачная одинокая фигура, склонившаяся над свеженасыпанным холмиком, из которого проступают кости прежде умерших. Этим останкам тесно в земле. Они выталкивают друг друга наверх к этой согбенной фигуре. Или кто-то выталкивает. Глухой рык чудовищного зверя слышится снизу... Глухой рык разрывает остатки души.

Когда же случилось страшное? Когда явился этот кошмар? Когда!? Когда он обнаружил, что его одиночество целенаправленно создано, чтобы мурашками ползать по телу и лихорадочным током крови умерщвлять частички своей плоти?

Однажды он взял трубку телефона и услышал искаженный болью родной голос, в котором не утихала любящая поддержка с первых его младенческих шагов. Разменяв пятый десяток, он по-прежнему называл её Мама. Она его любила, обожала и говорила: «Ты можешь всё! Этот мир для тебя! Он твой этот мир. Делай, живи и не сомневайся!» И он делал, и жил, и не сомневался. С ней всегда была ясность.

И вот однажды – холодный пот заструился по телу. В голове впервые молотом застучала кровь, от одной ужасной мысли, что Мама станет трупом. Никто ему больше не скажет: «Ты можешь всё! Этот мир для тебя! Он твой этот мир! Делай, живи и не сомневайся!» Почему вместе с ней уходила уверенность в цельности жизни?

И, может быть, потворствуя столь странному исходу успешной жизни, и предчувствуя смертельный ужас недалекого будущего, последний год он жил по инерции, постепенно теряя приобретённое прежде.

Наспех сколоченный крест Мама должен слиться с тем длинным рядом крестов, уходящим столбовой дорогой в пространство времени из обычного городского кладбища.

На кладбище тесно. Хоронили на тропинках между надгробиями, хоронили друг на друга, тревожа останки похороненных прежде, и забрасывали свежий гроб землёй попеременно с полу истлевшими костями тех, кому давно нет имени на этой земле.

Именно так хоронили мать. Он с содроганием смотрел на череп и кости, которые валились на гроб. Ему показался бессмысленным сам гражданский обряд погребения: пройдёт полвека, и останки матери также повалятся на свежего мертвеца, которым будет он.

Отпевание усопшей по православному обряду оказалось невозможным. Как исполнить продолжение того, что и не было начато? Мама была некрещеная, как и он. У Мама веру в Бога вытравил воинствующий атеизм, у него – приятные мелочи жизни. Тогда мелькнула догадка – вот первопричина воцарившейся жути.

Холод. Мрак. Тусклый свет луны на бескрайнем кладбище. Глухой рык чудовищного зверя слышится снизу, ближе, ближе. Он, оцепеневший у могилы, пробует встать, и глазами, вылезаящими из глазниц, не видит места, куда поставить ставшие ненужными ноги. Ужасная мысль, разрезая голову на части, внушает, что дорога крестов, надгробных памятников, начинавшая путь на этом древнем кладбище, как исток реки Смерти, опоясывает Землю спиралями боли и страдания, как коконом смерти, жути, затягивая оконца, отдушины, сквозь которые вливается не впуская Высший Свет.

И наши поминальные свечи, наши прощальные слова, никак не складывающиеся в молитвы и даже его личная главенствующая свеча, окрасившаяся в цвет его и её крови, не

утишает боль. Ничто не поможет, ничто не связывается нитью, ничто не проникнуто общим духом. Ещё мгновение – и эти разобщённые куски прежде целого скроются занавесом ледяного дождя забвения.

Удары слабеющего сердца стучали кошмар и явственнее различали утробное рычание поднимающегося наверх чудовища. В диком испуге согбенная фигура отпрянула от падающего креста, чьё основание подъял неведомый рычащий гад. Истошный вопль разодрал кладбищенскую тишь, и глаза вырвались из сгнившего заживо тела. В ореоле мрака, скрывшего разложившееся эго, эти глаза заврожено наконец-то узрели восставшего зверя с разинутой оскаленной пастью, с вырывающимся пламенем вместо языка, которое медленно приближалось к зрачкам... «Не верую!» – Неслось впереди пламени. «Не верую!» – обречено отзывалось в человеческих глазницах...

Странно, почему это пламя ничуть не опалило, выросший чуть поодаль могилы, смешной цветок мать-и-мачехи? Что за неистребимая жажда жизни, которая попеременно для него и мать и мачеха? Не успеет земля весной толком обогреться, на первых же проталинах поднимается из тех же глубин земли, из которых лезет чудовище, толстый и мохнатый стебелёк. Первым делом распускается ярко-желтое соцветие. Что за огромная сила, что тянет цветок вверх? Не крохотная ли частица той силы, которой проникнуто всё сущее здесь и всюду, которая идет на смену изначальной материнской любви? Той любви, что в разрывающемся горем и призрачным мимолетным счастьем людском мире, пришел утвердить библейский и реальный Иисус, а до него Свет Высшего Знания доносили для «избранных из званных» и Будда, и Кришна, последователи бхакти-йоги...

«Не верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли...» – ревело и буйствовало чудовище. «Не верую!» – вторило то, что осталось от человека.

Адское пламя приближалась к сдвигающимся друг к другу зрачкам. Им уже ничего не суждено увидеть в мире, сотворенном единым Богом Отцом, Вседержителем и пронизанным Духом Святым, что так поздно понимаем, и что есть все то хорошее и доброе, на чём держится мир.

Девушка из цветочного магазина

От порыва северного ветра и на земле перехватывало дыхание. А здесь, на крыше семиэтажного здания, ветер буйствовал с особым жестоким остервенением. Он неожиданно налетал каждый раз с другой стороны, хлестким ударом норовил свалить с ног, толкал, мотал из стороны в сторону, обжигал никнувшее лицо раскалённым металлом.

Женская фигура со свертком, крепко прижатым к груди, в растерянности топталась на месте. Ветер точно гнул её как одинокую тростину в бескрайнем вымороженном поле – сломал, подхватил, бросил на крышу дома, откуда сквозь холодные снеговые тучи взвивается прямая дорога в небеса.

Плотной слой снега, в котором вязнут ноги, когтями держит обречённое тело и каждый шаг вперёд, к краю крыши, лишал последних сил. Ветер то подталкивал её, то возвращал назад и путь, длиной несколько десятков метров, казался бесконечным. Но упасть и замёрзнуть было слишком просто и, наверное, не было уверенности, что именно так и случится. Поэтому очень надо вперед, каких-то два десятка шагов осталось сделать – и вечность, где не будет этой боли.

Время утрачивало привычный ход и переставало существовать для неё, двадцатишестилетней женщины с годовалым ребёнком в руках, как перестали существовать и все другие меры, с помощью которых делается так называемая идентификация себя и прочего, что окружает.

Вдруг ветер стих, показались яркие звёзды, медленно выплыл из гущи застывших туч огромный бледный диск Луны. Мутный отражённый от снега свет обозначил раскинувшиеся внизу полустертые тьмой городские кварталы с мерцающими и двигающимися огнями. Девушка выпрямилась, оглянулась – край крыши был совсем недалёко. Она прижала крепче ребенка и шагнула решительнее к темной полосе обрыва. Ребёнок шевельнулся, пихнул ножкой в живот почти точно также, когда она его вынашивала. Это свежее ощущение всколыхнуло память...

...Саша мечтала о ребенке, наверное, с тех пор, как перестала играть в куклы. Когда она встречала молодых мамаш с младенцами в колясках или милых карапузиков, начинающих делать первые шаги, – она замирала с восторгом и благоговением. Это было для неё живой сказкой, очевидным волшебством. И в тоже время неразрешимой загадкой: как же самой сделаться мамой настоящего живого младенца? Этот резонный вопрос и задача с неведомым ещё тайным решением, как внезапно сделанное открытие, основательно потрясло маленькую Сашу, и на долгие последующие годы стало одной из самых волнующих запретных тайн.

Мир, природа, животные, растения занимали её ум, воображение куда больше, чем вечные дразги с вредными дворовыми девчонками. Больше всего юную исследовательницу природы привлекали обыкновенные растения. Короткая жизнь растений спрессована как фильм, где за два часа экранного времени свершается человеческая судьба, – так и неисчислимые экземпляры зелёного разнотравья за тёплый сезон года рождались, расцветали, приносили плоды и умирали легко и просто.

Саша в первых лучах тёплого весеннего солнца садила зёрнышко в горшочек с правильно подготовленной землей. Старательно поливала, вглядываясь в питательную почву. Вот появлялись нежные зелёные расточки, утолщённый сочный стебелёк тянулся вверх, выбрасывая всё новые и новые листья, которые как распростертые руки, передавали тепло и свет в тот же стебелёк – средоточие души (равно основы) растения. Когда внешнего тепла собрано достаточно, когда стебелек становился крепким стеблем, его развитие завершалось тугим бутонем, который набухал и наливался ещё быстрее и – непременно! – в яркий солнечный день оболочка бутона лопалась.

Великолепный цветок красоты неопишуемой завораживал Сашу. Она прыгала от счастья! Она не дыша, разглядывала лепесточки снизу и сверху, тычинки и пестик. Разнообразие соцветий в цвете и форме, утонченность и благородство, простота и скромность. Любая черта, любой оттенок, нюанс, любое слово, созданное для обозначения всего того, что может быть названо красотой, элегантностью, изысканностью – применимо и для цветов. Они до краёв заполнили жизнь Саши. Простое любование ими, как ни странно, порождало множество вопросов: отчего так? почему? Зачем так красивы и разнообразны цветы, зачем тычинка, зачем пестик, зачем пчела и шмель?

Саша стала искать ответы в книгах, но, находя ответы на простые вопросы, открывала вопросы сложнее, и вообще, бездна знаний о цветах так поразила Сашу, что она в отроческом возрасте решила поступать в сельскохозяйственную академию на факультет растениеводства. Только так! И поступила!

Годы учёбы прошли в постижении именно теоретических основ ботаники и агрономии. Саша занималась старательно с редкой прилежностью. Вела аккуратно длиннющие конспекты, заучивала их наизусть, сдавала все экзамены исключительно на отлично. На последнем курсе Сашу настойчиво уговаривали остаться в аспирантуре. Наверное, и следовало бы остаться, если бы ни величайшее событие, открывшее для счастья все, что хотела, истолкованное между тем превратно завистливой людской молвой...

Отвлеченная жизнь в научных изысканиях, в кропотливой селекционной работе над созданием новых сортов цветов – ей нравилась. Законы Менделя, рецессивные гены, комплиментарность, эпистаз и полимерия, закономерности Моргана, мутации, инбридинг и аутобридинг – чудесно размышлять, искать, творить! Она призадумывалась остаться на кафедре, не будь поначалу странного чувства, исподволь вносящего смуту в стройный логический ход мысли учёной головы.

Это трепетное ожидание потрясающей реальной любви, (равно цельности развития, что находила у растений) в результате которой она разовьёт, расширит, эмоциональное понимание мира, окружающего, что дается сначала в ощущениях, вслед за которыми и приходят зрелые достойные мысли.

Такая любовь должна быть у каждого. У Саши любовь жила лишь в мечтах и грёзах. В студенческой братии никто побаивались Александру. Девушку высокую статную. Круглолицую мадонну, с густыми русыми волосами. Очень ответственную, нацеленную на постижение Высшего. Такая девушка на развесёлых студенческих вечеринках, как укор творимой глупости.

Как-то случилось, объявлялся подвыпивший наглец, что прельщался аппетитными формами студентки-отличницы, и недвусмысленно лапал, двигая насупившеюся девушку к своей обсиженной кровати. Ух, какая волна отвращения и негодования поднималась в чистом сердце Саши. Она могла одной левой дать такую сочную оплеуху возомнившему склизкому кобельку, что у того надолго пропадало желание заниматься сексом вообще с женским полом. Ей почему-то противно так пошло размениваться на мелкую монету, хотя это было в правилах, так делалось, и боялись другого: не залететь, не подцепить заразу.

Она не то чтобы берегла себя для кого-то – ей на самом деле противно, когда нагло трогают за интимные места по позыву собственной похоти. Для Саши важна дистанция, именно то расстояние, ближе которого приближаться нельзя, иначе в душе поднимается бурлящая волна отвращения ли, неприязни ли, неприятия. Укоротить эту дистанцию может только Любовь. А так – фу! То же самое неприятие душевного чуждого настроения она замечала у цветов.

У цветов подлинно есть разум и душа. Когда однажды она заболела, упала духом из-за череды неурядиц, продолжая ухаживать за цветами, готовыми вот-вот распуститься, – они все

поникли и завяли. Саша была изумлена! Растение чувствовали настроение, им необходим как свет, тепло и вода, так и Любовь, проистекающая невидимым щедрым потоком от хозяйки. Именно любовь была основой, залогом развития. Та любовь, которая наподобие отшлифованного кристалла начинает лучиться прежде незримым светом. Та любовь, на которой зиждется всё сущее, и которой оно пронизано.

Саша печалилась: ей никогда не выйти замуж. Ну, за кого выходить? Студенты-однокурсники красные и потные от ежедневно заливаемого в прокуренные глотки пива. Недавняя производственная практика в городском тепличном комплексе показала, что и там с мужчинами напряг: какие-то небритые экземплярчики, с животами! ссутуленные, со включенными волосами, в грязной неопрятной одежде, со странным блеском злобно-игривых глаз. Первое время Саша дивилась, глядя на них: это и есть сильный мужской пол?! Она – румяная статная красавица, в её одной пышной груди невзрачные мужичонки потеряются, охмелеют вторично от неё да от собственного алкогольного перегара, и выйдут одни слюни да следы похоти, как слизи на капусте. Вонючая пакость прелюбодеяния останется несмываемым гадким пятном.

Ах, как хочется настоящего крепкого парня. Сильного, высокого, с добрыми открытым лицом, с умелыми руками, который обнимет так, что дух захватит, подхватит её на руки, точно пушинку.

Вскоре она уже не дивилась – она уверилась, что так оно и есть: мужчины её окружения измельчали во всех измерениях, их можно использовать, но любить невозможно и немислимо. Любовь здесь, напротив, противопоказана. Саша на производственной практике занялась исключительно работой и склонилась к тому, что истинная любовь может быть только к науке. Она нашла интересную тему – это радикальное усовершенствование технологии выращивания цветов, и в частности герберов. По результатам практики она подготовила обстоятельный отчёт, более похожий на научный трактат, и с неизъяснимым трепетом предъявила его на кафедре Семёну Самойловичу, профессору, доктору наук, который звание и учёную степень получил в далекие советские годы, когда как никогда процветал дух настоящей науки, когда ученые звания не покупались.

Пожилой профессор, высокий, с благородной сединой и величественной осанкой, был для всех студентов непререкаемым авторитетом, высшим существом, живущим по иным законам, в ином измерении, являющийся на лекции, семинары, скорее напомнить, что есть другие ценности в жизни, не только Пиво, Доллар и Секс. Саша тем более воспринимала его как божество. Семён Самойлович обладал даром бесподобного оратора. Он умел увлекать аудиторию, доводил до сведения сухие научные истины также увлекательно и эмоционально, как можно говорить о перипетиях человеческих страстей, об увлекательном путешествии, незабываемом приключении. Наука – его страсть, увлечение, жена и возлюбленная.

За отчёт по практике Семен Самойлович с удовольствием вывел в зачетке каллиграфическим почерком отлично (Саша потом поцеловала это слово и подпись) и вдруг предложил Саше место лаборанта на кафедре. Зарплата не ахти какая, но деньги студенту лишними никогда не бывают, и в перспективе могут оклад повысить, предложить остаться работать на постоянной основе – тогда в аспирантуру дорога заказана.

Саша воодушевилась этой идеей: ей в самом деле лучше заняться наукой, изучением жизни растений. В реальной жизни людей Саше как-то неуютно и скучно. Пропавшим это стремление к комфорту, рейтингу и престижу, к шику и блеску, к разным там норковым шубам, навороченным автомобилям и прочим атрибутам состоявшейся жизни.

Саша с нерастроченной страстью взялась за более тщательное изучение научных трудов по ботанике, улучала любую возможность общения с шефом – Семеном Самойловичем. В её глазах, да и самом деле, он был продолжателем плеяды корифеев научной мысли, хранителем вековых традиций науки. Семён Самойлович, примечая редкое похвальное рвение студентки,

поручал работу сложнее, что не входило в обязанности рядового лаборанта. Саша была только счастлива увеличением нагрузки: появлялась возможность каждый день общаться с обожаемым профессором. Она изучала его также старательно, как и его предмет, его лекции, запоминала и копировала его манеру говорить, думать, общаться.

Влюбилась??? Да не может быть!

Однажды Семен Самойлович попросил её помощи в организации собственного юбилея, который решил устроить у себя на кафедре. В одной из аудиторий сдвинули столы в линию, закрыли их белыми скатертями – получился вполне презентабельный праздничный стол на двадцать персон. В числе приглашённых весь преподавательский состав кафедры, кое-кто из ректората. Застолью надлежало придать чинный тон добротного ресторана, вроде как его выездной сессии. Поэтому сервировка стола, посуда – всё должно быть на достаточно высоком уровне, также как и закуска, напитки.

Закуску заказали в близлежащем ресторане: это были тщательно упакованные в порционные пластмассовые баночки салаты, заливное мясо, трехслойные бутербродики... и другие разные вкусности в небольшом, точно тестовом количестве. В качестве горячительных напитков куплены с десятков бутылок превосходного коньяка и столько же отличного десертного вина. После употребления закусок, вин и коньяка предполагалось чаепитие с большим праздничным тортом, изготовленным по заказу. Был назначен и тамада – Саша. Она с молодым задором, звонким сочным голосом и беспредельным уважением к юбиляру-шефу, вкуче с тщательно составленным и отрепетированным сценарием, с легкостью поведет праздник в подобающем веселом русле.

Так оно и вышло. И настолько хорошо, что гости не расходились довольно долго. Уже начало темнеть, коньяк выпит и торт съеден, отдана дань почтения юбиляру, дифирамбы ему скатились до пьяной болтовни. Саша так же легко как вела, так и закончила праздник под шумные аплодисменты. Гости, наконец, разошлись. Остался опустошённый стол, с перепачканными скатертями, грудой посуды и горой подарков. Остались Саша и Семён Самойлович.

Саша, разумеется, вызвалась помочь убрать подарки в кабинет шефа, прибрать посуду и прочее. Семён Самойлович, взволнованный и поздравлениями, оказанным ему почтением, и сознанием значимости юбилея как некоего итога собственной жизни, с теплотой поблагодарил Сашу за умело проведенный юбилейный вечер, за искренность желания помочь.

Милая девушка, смущаясь и краснея, тихо сказала, что один номер выпал из программы: это танец с юбиляром. Вальс из музыкальных иллюстраций Г.В. Свиридова к повести Пушкина «Метель». «Не вопрос!» – молодежато приосанившись, без промедления был дан ответ расхожей фразой. Заиграла легкая акварельная музыка из созвучия струнных и духовых инструментов, грянули литавры. Седой кавалер галантно положил руку на талию и закружил девушку в стремительном вальсе.

Ах! Это было чудно, великолепно, потрясающе! Этот вальс, эту мелодию Саша запомнила как лучшее мгновение.

Когда неожиданно стихла мелодия вальса, они взглянули друг другу в глаза и глаз оторвать не могли, также как и рук друг от друга. Саша дышала тяжело и сердце бешено колотилось. Она оглянулась назад: за спиной был столик, заваленный подарками. На краешек этого столика она присела, чтобы передохнуть и унять внезапную расслабляющую дрожь в коленках, но волнение было не столько от танца, сколько от другого, и как только ясно осознав, что это – другое, сердце заколотилось еще сильнее. Глаза затуманились.

– Тебе плохо, Сашенька? – спросил профессор по-отечески, тронул рукой её плечо.

– Нет, мне хорошо, но я хочу, чтобы было еще лучше мне и вам.

Она, собравшись с духом, уверенно взяла его руку, поцеловала и положила себе на живот, и прерывисто прошептала, вдруг осмелившись, точно падая в яму:

– Я хочу... я хочу, чтобы вы меня любым образом сделали женщиной, здесь и сейчас. У меня еще никогда не было мужчины. Я девственница. Я хочу, чтобы вы были моим первым мужчиной.

– Боже мой! Это ли не подарок! – с милым простодушием прошептал он, обескураженный неожиданным предложением. – Однако, Сашенька, как это делается, я знаю не больше чем ты, потому что всю жизнь у меня была одна жена, которую я взял с ребенком.

– Ага! Это означает одно: и вам необходим практический опыт! Умоляю вас, давайте подтвердим практикой еще одну известную нам обоим лишь в теории истину.

– Дефлорация – целый ритуал. Здесь строгая цепочка шагов, если вспомнить древние восточные учения. Наспех не получится хорошо.

– Наспех и не надо. Вы давно уже МОЙ в моих мыслях и желаниях. Я вас люблю. Вы всё знаете, и всё сможете, у вас бездна нерастраченных сил, я это чувствую. Вы это тоже хотите – хоть раз, но мысль об этом у вас появлялась, не скрывайте, появлялась. У каждого мужчины должна быть девственная девушка, которую он сделает женщиной.

– Ты, Сашенька, забыла, что отпраздновали сегодня далеко не двадцатилетний юбилей.

– А скажите, Семён Самойлович, двадцатилетие как вы отметили, как провели?

– Никак. Может быть, штудировал монографию.

– Будете ли вы отрицать, что может быть и такое: чего не было в двадцать лет, пришло через пятьдесят? ... Я верю, что мера добра и зла постоянна, вы это говорили, я хорошо помню, и то, что не пришло сегодня – придёт завтра.

Она снова взяла его руку и стала целовать, обхватывая губами пальцы...

Потом, когда свершилась то, что она хотела, и как хотела: хорошо, просто, естественно, словно они были созданы для друг друга, – они оба ощутили упоительную легкость в каждой клеточки тела, как после удачного отдыха, когда приходит долгожданное освобождение от гнетущего груза застарелых проблем и закисших желаний.

Саша проводила Семёна Самойловича до дома, где ждала его не по годам постаревшая жена, и вернулась в студенческое общежитие, повзрослевшая и познавшая ещё одну тайну жизни. В последующие дни Саша никаким образом из-за своей врождённой деликатности не напомнила обожаемому профессору о случившейся близости. Она продолжала оставаться исполнительным, вдумчивым и старательным лаборантом и студентом. Вот только в лице прибавилось улыбок, и голос стал веселее.

В пятницу Семён Самойлович попросил остаться, чтобы разобрать пришедший из типографии раздаточный материал. Они прошли снова в ту аудиторию, где всё так хорошо получилась. Дверь бесшумно закрылась на ключ. Саша удивлённо вскинула глаза, осторожно подошла так близко к шефу, что ощутила лицом его дыхание и, невольно отметив: оно не было дурно пахнущим, затем с удовольствием положила руки ему на плечи и, улыбаясь, спросила: «Вы еще хотите? – И тут же поспешила ответить: – Я согласна!»...

Итак, каждую пятницу, они встречались в этой аудитории и занимались любовью. Разница в возрасте внесла, добавила редчайший и драгоценнейший колорит отношений: нежность и восхищение молодостью, чистотой с одной стороны и чрезвычайная бережность, интуитивная податливость ласкам, дабы возбуждение обоих нарастало легко и плавно – с другой стороны.

Семён Самойлович помолодел после юбилея на немалое удивление коллегам, которые гадали: в чем же дело? Это ли умиротворённая величавость почтенного возраста, этакое величие удавшейся жизни, когда задуманное в молодости реализовано, найдены ответы на вечные вопросы, и оставшиеся дни даны в подарок, чтобы уж больше ничего не делать, но насла-

ждать гармонией мироздания и, что однозначно, собственной удавшейся жизнью. А что, если он проходит курс восстановительного лечения чудодейственными таблетками? Либо... Некоторые стали замечать, что из смешной великанши, лаборантки Саши, пестуется (как проклюнулась бабочка из кокона и сбросила невзрачную оболочку) умудрённая секс-дива, которая вроде бы и пробует скрыть свою сладчайшую сущность, но это выпирает во всём, как выдает беременных живот.

Такой вот получился плод любви: кто просто сразу же зачинает и рождает по физиологическому ритму, другие превращают это в искусство взаимопроникновение двух сущностей мира, и рождают в себе нового совершенного человека.

Между тем, подошло время дипломного проекта, Саша всё время теперь проводила на кафедре: руководителем её проекта был Семен Самойлович. Выбрана хорошая неизбитая тема. Дипломный проект трансформировался в научную работу. Результат должен получиться неординарным.

Прошло три месяца как они стали близки. Одним из любимейших занятий, наряду с тем основным, отточенным контактом тел, для Саши стало благоговейное слушание неиссякаемых рассказов, заметок, наблюдений, живых эссе о науке, о жизни, и людях вообще. Семён Самойлович говорил наедине ещё красивее, ещё увлекательнее. А сказать ему, что понял, узнал, думал, чувствовал за долгую жизнь, было ой как много. Саша слушала любимого учителя уже по всем сторонам жизни, как дети слушают доброго сказочника – с открытым ртом. Она даже не могла понять, что ей больше нравится: изысканная любовь? изысканные удивительные монологи обо всем и вся? Иногда закрадывалась несбыточная мысль, как сделать так, чтобы эта сказка никогда не закончилась. С десяток лет, а то и больше, у любимого человека есть, чтобы оставаться деятельным полноценным мужчиной – этого бы хватило обоим, чтобы сполна насладиться друг другом и родить даже ребеночка. Какое это было бы счастье родить себе и ему ребеночка!

Семен Самойлович поведал с вздохом и о супруге, с которой прожили сорок пять лет. Из года в год у неё обострялись и копились хронические заболевания. Она проходила непрерывное лечение, дома кругом склянки с лекарствами, пилюлями, биологическими добавками. Необходима операция по замене шейки бедра, это стоило приличных денег, которых только-только удалось наскрести. Работу по дому за небольшую плату выполняла соседка.

Саша сразу вызвалась за символическое жалованье наняться домохозяйкой к шефу. Раз в неделю производить уборку квартиры, может быть стирку, может быть приготовить. Это было бы неплохо! Но как с этической стороны? Привёл в дом вторую женщину. А старой жене, с которой прожили практически половину века, сделавшийся разбитой болезнями старухой, прочно подсаженной на таблетки и пилюли, остается смириться. И порадоваться, что жизненной прыти у супруга не поубавилось. С благодарностью за счастливо прожитые годы вручить его доброй девчушке. Вручить даже с небольшим расчётом, что неизбежная старческая немощь супруга будет скрашена и обеспечена уходом и заботой. А почему бы в самом деле не поступить так?

Саша мужественно отвергла опасения: никакой второй женщины, никакого развода и нового супружества. Нет и нет. Со временем она сама будет иметь и хороший дом, и учёную степень, и свою нишу в науке – сейчас она хочет насытить себя первой любовью с исключительным мужчиной, второго такого в её жизни не будет, так же, как всё лучшее даётся и существует в единственном числе. Она это говорила и плакала: ну как же так, ну почему они не могут быть вместе?! Что за правила довлеют? Вопросы остались без ответа, но, верится, пока без ответа.

Так она и стала старательной домработницей, прилежной студенткой, исполнительным и ответственным лаборантом, очарованной и очаровательной девушкой, любящим светлым

существом, для которой каждая близость с выбранным мужчиной – это новый бриллиант в её ауре неотразимости...

Приближалась к завершению дипломная работа и вдруг поползли слухи о предстоящем супружестве Саши и Семёна Самойловича, что прежняя жена будет отвезена в дом престарелых с её же согласия, оттого, что и самому Семёну Самойловичу требуется уход и опека (многозначительное хихиканье) со стороны растущих специалистов. О жене позаботится государство, о муже – лучшие представители онога. Нашлись сердобольные анонимные доброжелатели, которые организовали сбор пожертвований на обустройство комнаты в доме престарелых и создание брошенной жене подушки безопасности в виде открытия счёта в банке. Между тем, Семён Самойлович хотел порадовать Сашу удивительным событием: его незабвенная женушка сократила, пожалуй, вдвое ассортимент фармацевтической продукции. В ортопедическом центре подтвердили, что операция по замене сустава на будет через два месяца; очередь их близиться.

Они даже устроили праздничное чаепитие втроем: Семён Самойлович, Дарья Петровна и Саша. Сели за стол, где был торт, сухое вино и шоколад, и главное – было весёлое настроение, была надежда и вера, что в следующий раз стол накроет Дарья Петровна. Все трое переливали друг из друга возрастающую чистейшую радость, каждый что-то добавляя и улучшая: новый нюанс, новый аккорд, новую улыбку, легкий, заражающий теплотой, смех. Так вот этот вечер и последующие приготовления к операции были извращены слухами, сплетнями и сочтены как приготовление к отправке в дом престарелых.

И когда у Семёна Самойловича представитель профсоюзного актива попросил номер счета супруги в банке, чтобы перечислить пожертвования – он впал в страшное недоумение. По мере того, как ему хладнокровно изъясняли подробности и подоплёку сбора денег, он мрачнел и глубже уходил в себя. Кому первому могла прийти в голову идиотская мысль, что он супругу сдает в дом престарелых как ненужный хлам в утильсырьё?! Именно сама возможность такого предположения, сплетни-пересуды в стенах родного университета, возмутили и раздосадовали.

Состоялись разборки и на высшем уровне, в кабинете ректора: в чем всё-таки дело, что за слухи, что за разговоры – поясни, коллега; неужели заслуженный именитый профессор завёл шашни со студенткой? а про импичмент президента Клинтона помните? а про такую статью... КЗОТ РФ пункт...? Милейший Семён Самойлович, образумьтесь! Вам и работу оставлять нельзя – ну где брать деньги на оплату лечения Дарьи Петровны. Что, если эта Саша Никитина просто-напросто аферистка: ей, что взять у вас, есть! Квартира, имя, положение... Семён Самойлович отмалчивался, сама суть и тон разбирательства невыносимы, улыбка сошла с его лица, быть может, бесповоротно. Если бы незавершённая работа на кафедре и необходимость оплаты операции – он бы ушёл, чтобы никогда не возвратиться.

Почему бесцеремонно лезут в личную жизнь, по какому праву, что за неистребимое страсть перемывать косточки другим на основании каких-то анонимных доносов? Ему хотелось сказать в пустоту ректорского кабинета: «Живите сами полнокровно!!! Живите собственной жизнью вы, сплетники и сплетницы! Что за идиотские пересуды...»

Саша поджидала в лаборатории кафедры, бледная, с воспалёнными от слёз глазами, с отчаянием и холодом в душе. Она прислушивалась каждому звуку в коридоре и наконец услышала знакомые шаги. Дверь отворилась – она бросилась к в объятия. Слезы так и брызнули из глаз, промочили насквозь его белую рубашку.

– Что я сделала плохого? что мы сделали плохого? Неужели любовь – это плохо? Если любовь возникла в этих казённых стенах – она уже незаконна? Ведь всё основывается на домыслах! Нас кто-то видел, кто-то действительно фактологически уличил в прелюбодеянии? (слово-то какое ужасное!). Разве не так? Любовь не может быть аморальна, где бы она не возникла и к

кому бы то не относилась! Почему они вмешиваются в наши дела? Разве ты и я не выполняем полностью должностных обязанностей?

– Умысел, Сашенька. При такой разнице в возрасте и в положениях они предполагают только корыстный обоюдный умысел. Мы все еще живём в советской стране, где для признания вины не надо фактов, но достаточно сложившегося мнения. Новая мораль скроена из старой, с ляпами и наспех. В их понимании я прельстился молоденькой девушкой, ты – моим положением. Однако, зачем тебе моё положение: в аспирантуру ты и так поступишь при желании, знаний у тебя предостаточно. В любовь никто не верит, никому теперь не объяснить, что не только корысть правят миром.

– Не могу понять, что же мы делаем неправильно? – Плакала Саша, не отпуская из объятий Семёна Самойловича.

– Мы всё делаем правильно, Сашенька, – говорил он, поглаживая её по русым волнистым волосам. – ЭТО МИР ВОКРУГ НАС НЕПРАВИЛЬНЫЙ, И НАМ ЕГО НЕ ИСПРАВИТЬ.

– Но почему, почему...

Они нашли друг другу верные слова, что непреступной стеной встали на охрану их хрупких и сильных чувств. Но с этого дня практические любовные отношения не заладились и вскоре прекратились: ровно кучка негодяев-завистников вылила со злорадным смешком ушат грязи, угроз. И теперь каждый раз, когда наступала минута близости, возникал навязчивый страх, что вот придут, уличат, растопчут ради состряпанного корпоративного кодекса чести. Теперь мужская готовность к близости наступала не так лихо и смело, как прежде – требовалось время, которого нет, требовалось очистить мозги, цепенеющие от кошмара сплетен. Поэтому сама Саша однажды взяла под руку милого профессора на тихой улочке как раз в пору шикарного цветения диких яблонь, и тихо сказала, что до защиты дипломного проекта остался месяц, в основном осталась оформительская работа собранного и отредактированного материала, ей надо засесть за эту работу основательно, чтобы защитится на отлично, а после защиты решила ехать работать в город, где проходила практику – так будет лучше: вы сэкономите здоровье, вылечите жену, мне, конечно, очень будет вас не хватать, но что делать (лбом стену не прошибёшь), испытала любовь – испытаю и разлуку. Главное: мы любили! Жизнь не кончается после смерти, и там где-то в незабвенном райском уголку, где-то в центре Вселенной на уютной чудесной планете собираются души тех, кто прошли горнило всяческих испытаний, их души – эталон и залог равновесия добра и зла. Мы там встретимся и будем продолжать любить. Вы только помните обо мне всегда, чтобы ниточки наших душ не порвались. Семён Самойлович мягко смотрел добрыми умными внимательными увлажнившимися глазами и ничего не говорил. Из глаз его катились слезы.

Она убеждала себя и не верила словам.

Она держала себя в руках, но лицо было мокрое от слёз.

Она приводила разные доводы, но прорывались слова, которые крепко держала в себе: «Я люблю тебя, слышишь, люблю! И не хочу разлуки!»

Он всё понимал, её милый, милый профессор и целовал её руки, как она ему целовала в первый раз, и словно говорил ей: «Прости за нечаянную, ворвавшуюся любовь, но любовь в этом мире обречена на боль и страдание. Прости, что не сумели сразу отринуть её. Это было не в наших силах. Мы оба жили, чтобы только состоялась эта незабываемая наша весна. Но родная моя, Сашенька, люди безжалостны и завистливы. Им не понять то, что было и есть у нас – и за это они нас будут гнать, травить, тихонько и нистойчиво гадить».

Кто знает, не будь той искусно устроенной мнимыми доброжелателями травли, мир был бы богаче на двух любящих людей.

...Выстрадавшая первая любовь удивительным способом воплотилась в яркие образы самых счастливых мгновений, которые всплывали и проносились при взгляде в себя, в свой мир, построенный на детской мечте и на самых значимых воспоминаниях, так же как проносятся плотным потоком кучевые облака, из которых то всплывает очертания залитого светом города, то брызжет яркий свет, то сгущается мрак и зловещий ветер пригоршнями бросает в лицо снег и обволакивает усиливающимся холодом одинокую женскую фигуру с прижатым младенцем к груди...

...Александра, выпускница университета, по прибытию на место работы, в агропромышленный комплекс Аурико, сразу была назначена техническим руководителем тепличного цветководческого хозяйства, иначе – главным агрономом. В оранжерее выращивались цветы, которыми из года в год отвоевывали рынок. Объём продаж рос медленно; для увеличения прибыли требовалось как снижение затрат на производство, так и расширение ассортимента: освоение новых сортов. Тут как раз нужен специалист с глубокими знаниями и типологии цветочных растений, и агротехники, каковым и стала Александра.

Коммерческое руководство предприятия не могло не заметить, что с приходом нового агронома, цветов с плантаций стало сниматься несколько меньше, но объём продаж несколько увеличился за счёт того, что снизился объём нереализованного товара. Все цветы, поставляемые на прилавки, были одинаково крепкие, крупные, сочной окраски, как ухоженные детки у заботливой и умелой мамы.

Постепенно Александра освоила выращивание ряда редких капризных цветов, которые стали логотипом оранжереи, распродавались на ура, отправлялись спецзаказом корпоративным клиентам. Причём, получалось это только в филиале, где заведовала Александра. Под её обстоятельным руководством росли и расцветали экзотические растения. Почему так? – было непонятно владельцу оранжереи. Ему, чья задача заключалась в извлечении прибыли, хотелось, чтобы каждый филиал его агрономического бизнеса, каждый цветовод обладал такими же способностями и показателями.

Когда-то на его цветочном предприятии был учреждён и внедрён модный институт наставничества, опробованы методики коучинга. Но как передать тот опыт, в основе которого особенные черты человеческого характера, которые по современным понятиям считаются ненормальностью, пережитком, отсталостью, например: целомудрие, душевная чистота, исключительная добросовестность, подлинное радение за вверенную работу, а не лихорадочный поиск сиюминутной выгоды.

Владельцу оранжереи трудно даже представить, что цветочные растения, точно локаторы, распознают как просто плохое настроение работницы, так и грязные флюиды злобного человека, приблизившегося на недопустимо близкое расстояние к ним – это и отражается на жалком товарном виде. Основа мастерства – это редкий душевный настрой, который не поддаётся наладке извне, это искусство, это талант.

Александра вскоре стала непререкаемым авторитетом в оранжерее. И к тому же мал помалу она, не в силах противостоять природному влечению, взялась за селекционную работу и приближалась к созданию нескольких новых сортов роз. Владельцем были подняты цены на необычные селекционные цветы – однако цветы стали еще более продаваемые. Это парадокс, как парадоксом была и сама Александра. От клиентов нет отбоя. Товар, элитарные цветы, пока не могли получить в количестве, удовлетворяющим спрос, поэтому стали работать только на заказ. Некоторые клиенты были настолько требовательные и неуступчивые, что Александре приходилось самой обслуживать их. Так она познакомилась с Игорем.

Несмотря на то, что всё своё время Александра проводила с цветами, оставалась допоздна в оранжерее, ссылаясь на исследовательскую работу, что так и было, сердце её не захлопнулось, не фильтровало ощущения и чувства. Сердце терпеливо ожидало повторения любви. Образ милого профессора прочно слился с воспоминаниями о студенческой поре, что составило некую незыблемую основу собственного жизненного опыта, фундамент непотопляемости.

Когда её настойчиво стал вызывать один и тот же клиент, озадаченная Александра находила в себе терпение спокойно отвечать на многочисленные придирки по качеству продукции. Она старалась с легкой улыбкой, доходчиво и внятно объяснять въедливому молодому человеку на, казалось бы, изначально сугубо личные вопросы его проблемы.

А проблема состояла в том, что молодой человек ухаживал за дочкой новоявленного финансово-промышленного навороши. Эта была модная и капризная цаца, скушающая принцесса Анжела, которую трудно или невозможно ничем ни удивить, ни взволновать.

По странным законам любви, а быть может по неким практическим расчётам, амбициозному менеджеру, как растению влага, стало крайне важно влюбить в себя богатую и красивую цыпочку. Одним из донжуанских приёмов стало дарение редких необычных цветов, какие и в Европе не найдёшь. Он сделал заказ на полгода, и расписал по дням какие цветы и в каком количестве ему должны быть предоставлены. И после чего он напрямую обращался к Александре, когда что-то в вынесенных цветах ему не нравилось. Александра с необыкновенным спокойствием, от одного тона которого, плавного и велеречивого, пропадали флюиды нервозности, растолковывала те или иные особенности цветов, как цветы могут управлять настроением человека.

Она уже знала, что звать его Игорь, что он всего лишь системный администратор одной из консалтинговых компаний, каких пруд пруди, что его внешний шик: новенький автомобильчик, тщательно отглаженный костюм и белейшая рубашка, аккуратная физиономия со следами немалых умственных усилий – это бутафория, иллюзия преуспевающего предпринимателя. На самом деле Игорь тоже из какой-то тьму-таракани, из какого-то небольшого городка, из неполной семьи, и образование полувысшее экономическое, получено на последние деньги. Стартовый капитал, чтобы развернуться, взяться за настоящее дело, прыгнуть в первую городскую шеренгу игроков делового мира, взять, разумеется, неоткуда. Время захвата и передела собственности некогда огромной страны давно прошло. Анжела, принцесса гламура, единственная дочь местного топливно-энергетического короля, была последним шансом стать серьёзным обеспеченным господином.

Игорь как коробейник рассыпал свежие достоинства, которых растеряны молодцами круга Анжелы. Это и неуёмная горячность и живой цепкий ум, легкость общения, креативность. Недоставало знания особых манер, что отличает от современного простолюдина и барина. Важно, что Игорь оказался отменным любовником: неутомимым, неистощимым, изобретательным – это хороший козырем в её кругу золотой молодёжи. Между тем, развить отношения дальше бойфренда как-то не получалось. Он ухаживал по всем писанным и неписанным законам любовной науки, но само это слово – любовь – не произносимо в их кругу, утратило первоначальный смысл. Любовь, как понимал Игорь, есть состояние зависимости счастливого настроения его избранницы от него.

Однако, если с пеленок дитя не жили и холили, оберегали от контактов несовершенного мира, то ни о какой эмоциональной развитости не могло быть и речи, равно и способности к большой страсти. Просто однажды попробовав по совету подруги натуральный секс с энергичным мальчиком, девушка-мажор тут же записала это в разряд отборных развлечений. Замужество представлялось Анжеле языческим обрядом. Зачем оно ей?

Игорь интуитивно понимал, что зацепив избранницу на сексе, можно подсадить её как на иглу в этом интимном увлечении, превзойти и затмить всё и вся. Но холёная красавица на первых порах даже не могла испытать полноценный оргазм, ей было приятно – и не более того. Лишь после месяца едва ли не ежедневных интимных встреч, когда она отправлялась к нему также как на занятия фитнесом или теннисом, Игорю, наконец, удалось вызвать отчетливую вспышку эйфории после получаса внимательных ритмичных проникновений. Уже в следующую встречу эта вспышка вышла ярче, сильнее и продолжительней. Теперь достигнув устойчивого результата на чувственном уровне, он взялся в подсознание Анжелы закрепить себя как единственно верный способ испытывать постоянно образцовый оргазм, становившейся необходимым как глоток воздуха. Образ именно романтического любовника, а не похотливого самца с большими яйцами, он создавал, в том числе, и преподнесением редких цветов.

Анжелу цветы удивляли: с виду скромные букетики, поставленные в вазу с водой, они начинали расти, вытягиваться и глубже раскрывать соцветия в полной необычной красе. Анжела весело принимала и цветы, и наслаждалась интимной близостью, и ходила с Игорем по элитарным клубам – большего ей и не надо. Чтобы позлить ли, озадачить ли бестолковую избранницу высшего сословия, Игорь решил поухаживать за другой. И в качестве другой, конечно, очень подходила Александра.

Развитым мужским чутьём он предполагал, что Александра еще получше всякой будет в постели, но главное не это – несмотря на скромные материальные условия жизни она исполнена природного достоинства. Как будто она живет в Рублевке и папа у неё мультимиллионер. Её речь нетороплива, слова выговаривались очень внятно, движения плавны и грациозны, взгляд тонко очерченных голубых глаз внимателен и благосклонен. А уж женскими прелестями Бог не обидел: это и высокая грудь, и аппетитный развал бедёр, и нежная гладкая кожа (он все разглядел).

Как-то прекрасным весенним деньком букет из нежно-розовых гербер, вынесенных лично Александрой придирчивому, клиенту был тут же переадресован ей.

– Как же ваша девушка? – Удивилась Саша, сделав шаг назад.

– Моя девушка, совсем не моя, она – папина и мамина. Ей никогда не повзрослеть, она – пустышка. Знаете, есть такие безделушки с яркой обложкой, сорвёшь которую – внутри пусто, или набор деталюшек-зачатков, для самостоятельной сборки, эдакий киндер-сюрприз, который и соберёшь, наконец, в одно целое – не поймешь для чего и нужен потом.

– Что же вы так плохо о своей девушке. Стоит ли торопиться с оценкой? – проговорила Саша с укоризной.

– Бывает, что и медлить нельзя. Она из богатой семьи, и ей моя оценка – до одного места. Я дарю эти цветы вам в знак благодарности за ваше умение создавать такую красоту. Разве вы можете мне отказать в этом желании? Вы вообще удивительная девушка. Таких как вы, возможно, остались единицы. Вас надо беречь. Знаете, я счел бы за честь, хотя бы иногда провожать вас с работы домой: я видел, вы ходите одна. Почему так поздно у вас заканчивается работа? В это время можно наткнуться на отморозка, на психа с отклонениями. Меня совсем не затруднит подвезти вас домой. Соглашайтесь, прошу вас.

– Как я понимаю, вы оставляете свою девушку и беретесь за меня?

– Отчего бы и нет, вдруг да получится: у вас же есть некоторый интерес ко мне. Вы всегда обстоятельно мне говорите про цветы, не в пример другим. У меня интереса ещё больше. Обещаю, как только интерес этот исчезнет, докучать подобными предложениями не буду. Добиваться внимания, которое утрачено, интерес, который пропал, разбираться, выяснять, искать тропки, что связывали – не в моих правилах.

Что же, Александра позволила провожать себя – действительно, отчего бы и нет? – и принимала приглашения, проводить редкие свободные вечера в кафе, где тусовались элитные детки. Анжела паялилась на них.

О себе Саша рассказала без утайки, без украшательства и стеснения. Умолчала лишь о первой светлой любви, коснулась этого слегка, в общих чертах: была большая любовь, но обстоятельства жизни разлучили.

Они встречались месяц, и затем также неожиданно Игорь предложил после вечера в кафе ехать к нему домой. Понятно для чего. Александра мысленно представила как это может произойти – и отвращение не почувствовала. Что ж, она поехала, ведь третий год одна. И осталась на ночь. Все произошло также просто, естественно, грамотно. Принцесса Анжела в мгновение стерлась в памяти Игоря.

Разговоров о любви, никаких признаний, никакого намёка на это слово-понятие – не прозвучало, но Александра поставила одно условие верности: она должна быть у него одна, делить ни с кем другим постель ни он, ни она не должны. Так был заключен гражданский брак. У Игоря была собственная однокомнатная квартира в старом доме, куда и поселились. Незаметно пролетел год совместной жизни. Поводов для расставания не возникло. Они даже не ссорились. Не пропадал интерес друг другу, причём к таким, какие есть.

Обосновав надежный прочный тыл: спокойную уравновешенную Александру, Игорь неожиданно быстро пошел вверх по служебной лестнице, точно с Александрой он обрёл некую житейскую мудрость, что ему как раз и недоставало. Он взял за правило верить Александре свои дела, касающиеся организации эффективной работы подчинённых ему людей. Она внимательно выслушивала и ненавязчиво объявляла, что по этому поводу думает. Её лаконичный ответ всегда был чистым сгустком здравого смысла.

На корпоративные вечеринки они ходили вместе. Александра окуналась в другой мир, в незнакомый мир людей, чья задача выгодно перепродать оригинальный продукт, потеснить конкурентов, увеличить объёмы продаж, и находила для себя много любопытного, также как открывают незнакомые страны, нравы и обычаи. Всё же, мир растений ближе, понятнее, роднее – это как обетованная земля души, страждущей гармонии, которой уже миллионы лет. Так что она ни чем иным не прельщалась.

Сослуживцы Игоря находили спутницу своего руководителя приятным и очаровательным троглодитом, очень ценным редким экземпляром исчезающей культуры прошлого, но при этом внешне она выглядела вполне достойно и презентабельно: рослая, полногрудая, с щедрой линией бедер. Она казалась увеличенной копией всех модных девиц отдела Игоря, эдакая древняя богиня плодородия. И непонятно кто исчезает? Кто выражается? К тому же, Игорь убедился, что с Александрой он смотрится очень эффектно, и что она стала настоящим другом. Он сможет добиться всего сам, с поддержкой Александры, добиться того, что он мог бы поиметь, войдя в семью Анжелы. Пусть это будет гораздо медленнее.

Он сделал предложение Александре соединить жизни вместе, скрепить это официальным брачным договором и пожелал, зная как сильно этого хочет Александра, родить ребёнка. РЕБЕНКА! Когда-то все равно придётся стать отцом, и как раз Александра идеально подходит в качестве матери его ребёнка. У НЕЁ БУДЕТ РЕБЁНОК! У Саши имена давно готовы: если сын – Илья, дочка – Настя.

Так всё и произошло, сначала как по писанному: они поженились, отыграли свадьбу, отгуляли медовый месяц. Саша зачала, легко выносила плод и родила сына.

Уже при первом взгляде на младенца Игорь с затаённым страхом заметил: что-то не так. Какой-то не такой ребенок. Александра молчала и плакала и, наконец, сказала, сынишка их серьезно болен, у него подозревают органическое поражение центральной нервной системы.

Это означает, что по мере его развития либо будут развиваться отклонения, такие как паралич, атрофия нервов, слабоумие, либо диагноз не подтвердится, и они смогут вырастить ребенка с некоторыми отклонениями, но дееспособного, годного к самостоятельной жизни.

Игорь был потрясён. Как! Они оба совершенно здоровые люди, медицинские карточки у обоих чистые! Они соблюдали все установленные правила, как родить здорового ребенка. Ни капли спиртного, никаких лекарств не принимали, никаких стрессов. Игорь даже бросил курить, чтобы не отравлять табачным дымом беременную жену. И что получилось?!

Александра глухим чужим голосом поясняла, что некоторые болезни могут возникнуть на генетическом уровне, то есть, кто-то из наших родственников имел те или иные отклонения в начальной форме; и вот в нашем ребенке это сложилось, наслоилось в большее, что кардинально исказило правильную наследственную информацию. Так рождаются дети, чья участь – страдать за дальних родственников. Нести чей-то крест. А нам – принять это как должное.

Игорь после сурового раздумья заявил, что ребенка следует сдать в соответствующее учреждение. Следует незамедлительно отказаться от ребёнка, затем провериться самим в генетическом центре: смогут ли они иметь здоровых детей? Слабоумный инвалид разрушит личные планы у обоих.

«Мы большую часть времени будем восстанавливать здоровье малыша по крупицам, если оно еще и восстановится. То, что у других детей приходит само собой – здесь затратим уйму труда, времени, денег. Ради чего? Чтобы исправить ошибку природы, огрехи наших далёких и близких предков – нет, я сомневаюсь. Напротив, я более уверен, что мы здоровы. Это результат плохой экологии, попустительства, разгильдяйства соответствующих государственных структур, которые обязаны надзирать за тем, чтобы воздух, вода и продукты не были отравлены промходами и прочим дерьмом. Так что бремя расходов на содержание подобных детей должно нести государство, пусть анализируют, ищут причины, методы лечения, способы социальной адаптации», – жестким тоном заключил Игорь.

Александра помертвела.

Нет, никому не отдаст маленького больного сына, если он родился, живет со страданием (его же постоянно терзает боль!) – значит так предопределено, и нам должно принять это испытание, облегчить ему жизнь, и суметь вырастить...

– Зачем?! – Недоумевал Игорь. – Он даже не сможет ухаживать как следует за тобой, когда ты станешь старая, больная и дряхлая.

– А вот это мы еще посмотрим.

– Ну как хочешь! Я уйду. Я тебе уставаю свою месячную зарплату. Думаю, за это время ты сделаешь правильный вывод и выбор. Или я, или он.

Александра осталась одна в квартире с изувеченным непонятной болезнью ребёнком, который, однако, изо всех силёнок недоразвитых конечностей тянулся к полной материнской груди и сосал с наслаждением теплое и вкусное молоко. Через два месяца, когда заканчивались деньги, у Илюши началась странная рвота, после чего он запрокидывал голову назад и тяжело дышал. На фоне легкой простуды подскочила температура, случились судороги.

Илюшу с мамой срочно госпитализировали. Лечили целый месяц, еще на десять дней оставили для обследования и уточнения диагноза. Окончательных диагнозов определили два и третий под вопросом – все как один неизлечимы. Выписали из больницы, поставили на учёт к двум врачам-специалистам, рекомендовали незамедлительно оформить инвалидность ребенку, чтобы хоть какие-то деньги на лечение иметь.

Процедура установления очевидной инвалидности оказалась изматывающей бегом по кабинетам поликлиники: снова сдать кучу анализов, снова обойти несколько врачей, далее – врачебные экспертные комиссии.

Тут пришла телеграмма, что умерла мама – Александра кусала губы до крови: она даже не сможет выехать на похороны, потому что оставить Илюшу не на кого. Темной ночью она плакала и просила прощения у матери. Горячие слезы капали на Илюшу, он проснулся и своими не сложившимися ручонками размазывал их по щёчкам, было сам всплакнул, но быстро притих, с удивлением разглядывая исходящую в тихом плаче маму, потом прижался и обнял её как мог... Только-только пришло успокоение, основанное на том, что там в тайном вечном мире, маме будет хорошо, как пришло новое известие.

Пришло срочное послание от Дарьи Петровны. Буквы выстроились в страшный ряд: Семён Самойлович при смерти, жить ему осталось считанные дни. И снова Александра не имела возможности выехать и проститься с дорогим и любимым человеком, её Учителем. Вскоре пришло второе послание, что скончался. Александра разыскала икону Николая чудотворца, подаренную мамой, поставила её на стол, упала на колени и, верно, целую вечность, простояла в святом молитвенном экстазе, прося, моля и плача: прими, Господи, души усопших рабов Твоих Татьяна (мамы) и Семена (любимого учителя) в руки Свои.

Заболел Илюша: вновь началась рвота, повторились судороги, он снова стал лежать, запрокинув головку назад. Их госпитализировали, сразу отправили на компьютерный томограф. И диагностировали, что в головном мозге имеются существенные уплотнения, возможно, и скорее всего – это опухоль.

Александра согласилась лишь на консервативное лечение, направленное на снижение внутричерепного давления, после чего пройти повторное обследование...

Грянула настоящая суровая зима. Сутками валил хлопьями снег, поднималась метель, гоняя и уплотняя тонны снега. Как страшное знамение вырвался из полярных широт лютый холод, остановил игривость зимушки-красавицы и показал ледяной оскал мертвого царства. Вслед пришел и окреп другой ветер: плотный и бесконечный, который разносил и доставлял арктический холод в каждый дом, каждую квартиру, вонзаясь в каждого человечка железными когтями бесцеремонной лапы, вытягивающей последнее тепло.

Александра с ужасом смотрела, как понижается в квартире температура, и ничего она сделать не сможет. У коммунальщиков пошла авария за аварией. Периодические отключения электричества, тепла, воды. Ещё день-два – и лопнут батареи отопления. Илюша капризничал. И вдруг шалая мысль закралась в смятенную бедами Сашину голову – это никогда не закончится: этот холод, пурга, нескончаемые беды. У Илюши точно опухоль мозга. До гробовой доски будет вечная мука у неё, у него.

Она решила остановить расширяющийся поток беды: она поднимется на крышу дома, прижмёт к груди Илюшу и сделает шаг, что приведёт их в вечность, потому что третьей смерти она не выдержит. Ушла мама, ушел Семен Самойлович, собрался уйти Илюша. Как будто есть так называемый муж, от которого уже с полгода никаких вестей. Там в вечности она встретит любимых. Илюша несомненно будет Ангелом и отмолит её грех самоубийства. Великая загадочная вечная жизнь совсем рядом – стоит лишь сделать последний шаг, и полет в вечность высвободит лишние килограммы брэнного тела. Однажды она видела как взмывает в космос ракета, поочередно отбрасывая сгорающие части своего тела...

Она прижала крепче ребенка, шагнула решительнее к темной полосе обрыва. Ребёнок шевельнулся и пихнул ножкой в живот почти точно также, когда она его вынашивала. Александра встала на парапет крыши, Илюша примолк. Вдруг хлынули слёзы, и туман застил глаза. Она нагнулась и поцеловала милого сыночка, которому не суждено вырасти большим и пройти собственный жизненный путь. За короткие полгода он хлебнул страдания на целую взрослую жизнь. «Прости меня» – шепнула она и шагнула вперед...

Огромная пасть лязгнула над ухом, схватила за воротник. «Ага, – сквозь безмерную нечеловеческую боль подумала Саша, – это гадкая гиена тащит меня в ад». Раздирал душу надрывный детский плач. В беспамятстве от сильнейшей никогда прежде не случавшейся боли и от страха, что такую же боль, быть может, испытывает Илюша, Саша закричала, чтобы не трогали младенца. Она не могла открыть глаза, лишь чувствовала невыносимую боль, которая разрассталась, как ровно голое тело швырнули на эшафот и секли не кнутом, но кромсали стопудовой гирей. Саша судорожно вздохнула, чтобы больше не дышать.

...Белый свет резал глаза, окружала странная вязкая тишина. Какое-то время Саша не могла сообразить: где она, что с ней. Всплыло видение белого света, в котором могучая человекоподобная глыба, крепкий старик с белейшими ниспадающими волосами и пронизательными добрыми глазами строго встречает каждого. Ему достаточно мгновения, чтобы определить существо прибывшего в его вечные непоколебимые покои: станет ли оробевший проситель частицей его великой силы или полетит вниз в адское пламя. Саша знала, что за себя просить нечего, но где Илюша? как матушка её? умиротворен ли Семён? Она осмелилась и тихо спросила: «Младенец Илья, где? Спаси, Господи, его душу!»

– Жив твой сыночек, – шепелявый голос прогнусавил у самого уха также неожиданно, как та лязгнувшая пасть.

Саша вздрогнула и раскрыла глаза, привстала, чтобы рассмотреть где она. Больничная палата на две койки. Белые стены и белый потолок. Рядом на стуле сидела толстая санитарка неопределяемого возраста.

– Я жива?

– Жива-жива! Меня хорошо видишь? А уж я-то живее всех живых!

– Но я шагнула вниз с крыши семиэтажного дома.

– Чего вам, дурам, жить не хочется? Которые уже сутки к тебе приставлена ухаживать, горшки за тобой выношу, так что писать-какать захочется – кликай меня. Шагнула вниз – эх!.. Ты, знаешь ли, милая, что правая нога у тебя стала короче на четыре сантиметра. Бедро у тебя в двух местах сломано, и тазовая кость деформирована похоже, но тебе врачи об этом подробнее скажут... Чего тебя, мужик бросил?

– Было такое. – Кивнула Саша.

– Пошли его к чёрту ладанному! Мужики – они в большей части еще какие сволочи! Не надо их жалеть. На алименты подай, пусть платит исправно, и довольна с него. У меня вон, пьёт мужик, и пьёт четвёртый десяток. Все нервы вымотать видно хочет, но я терплю. Выгнать его некуда. Знала бы ты какво жить с вечно пьяной мордой, да в придачу измывается по пьяному делу. А ты видишь, какая я! – и задвинуть могу, скрутить в бараний рог. Дак он, паразит, за нож хватается.

– У меня ребёнок больной: опухоль мозга поставлена под вопросом. Пока я ребёнка выхаживала, мама умерла, и ещё один дорогой человек умер.

– Ну, то что ребёнок больной – это плохо. Про опухоль надо ещё раз проверить, потому что есть врачи, которые сразу ставят смачный диагноз неизлечимой болезни. Так спроси меньше. Им чего? Свою задницу прикрыть. Я вон прихожу к врачу, так меня сначала спрашивают, сколько мне лет, а уж потом, что болит. А скажешь семьдесят лет, говорят, что же хотите, уже и мозги иссохли, и прочее в негодность пришло.

– В любом случае он будет смешным инвалидом. Сможет ли сам ходить?

– А ты верь, что сможет! Все – разные. Жизнь каждому для чего-то даётся. Не бывает людей второго сорта.

– Муж мой, бывший, говорит, что бывают, очень даже бывают. Одни, что и могут – велосипед себе купить, другие – самолёт. Мой Илюша на инвалидную коляску себе сам не зарабатывает.

– Ты думаешь – это главное: на чем задницу свою перевозить? Мало ты еще пожила, чтобы узнать, что главное. Тут словами не скажешь, в книжке вычитать – пустое! Поймёшь сама, пока что живи и терпи, не покушайся на то, что дано не тобой.

– Как же!? Выходит моя судьба – это терпеть, смиряться с тем, что от меня уходит лучшее в обычном понимании. Любовь поблазнила, мелькнула вспышкой – и ушла. Мечтала, что буду заниматься наукой – занимаюсь увеличением прибыли хозяину, выращивая любимые цветы. Думаю, ладно наука, любовь – это блажь, буду жить проще. Вышла замуж, чтобы создать обычную семью, чтобы родить – семьи нет, ребенок вышел не на радость, а на горе. Думала, что все последние дни буду жить с мамой – не смогла приехать даже на похороны; так же и с другим человеком: надеялась, будем вместе, но не знали как. Какие законы я преступила? За что несу наказание? Есть ли край горю? Конец, предел?

– Ты поживи! Узнаешь.

– Как у вас просто: поживи, вытерпи... Как выдержать горе-горькое, бесконечное и бескрайнее. Просвет хоть на секундочку должен быть! Любая живая жизнь возникает в лучшие мгновения, и я считала, что мы дальше это мгновение увеличиваем, из года в год, увеличиваем счастье, радость, но не напротив, собирать и копить неудачи и потери. Вот была моя вера.

– Правильная вера. Остается тебе запомнить, что счастье придёт к тебе в самом неожиданном виде, совсем не такое, какое ждала. Чтобы это произошло, взвалить поудобнее на себя придётся тяжкую ношу, оторвать её от земли и суметь выпрямиться, не взирая ни на какие обстоятельства. Попробуй: терять-то тебе теперь нечего.

– Как нечего? А сын! Где он? Мне хотя бы краешком глаза посмотреть, что жив он. Вы не скрываете от меня ничего? Он, правда, жив?

– В реанимации лежит.

Из глаз Александры брызнули слезы. Как там он один, под присмотром такой же санитарки, её маленький, её крошечный комочек нескладной жизни? Ему несладко. Он лишен главного лекарства – он лишен её. Когда его донимали непонятные боли он хилыми ручонками прижимался к ней. Она поглаживала теплой ласковой рукой непропорционально большую головку, и он успокаивался и засыпал, прижимаясь еще крепче к ней. Тогда им обоим становилось хорошо. Она думала, ну и пусть её ребёнок не похож на других, он – особенный. Даже никак не свыкнувшись с мыслью, что для других он несчастный уродец, помыслов остановить хрупкую жизнь никогда не было.

Если бы не этот ужасный предварительный диагноз, что все отклонения объясняются прогрессирующей опухолью мозга, и время для успешной операции упущено, что теперь по существу остаётся смиренно ждать конца. Даже если так, почему она поднялась на крышу?

Ужас объял Александру. Из каких соображений она самочинно решила прекратить его и свои страдания? Получилось наоборот – страданий, боли стало больше. У неё множественный перелом бедра. Аппаратом Илизарова выправляют ногу. Два месяца будут выправлять, потом в кость вживят протез – итого три месяца продлится её лечение, если не будет осложнений. Что с Илюшей сделалось после падения, она толком и не знает.

Семиэтажный дом, на крышу которого поднялась Александра, стоял на пригорке, на выровненной площадке. Одна сторона дома примыкала к уклону, вторая – к откосу. В каком-то беспамятстве Александра подошла к стороне, смотревшейся на пригорок. Отсюда дом оказался на два этажа ниже. Она оттолкнулась от крыши и полетела, словно на чьих то крыльях, по плавной дуге вниз, вытянутыми ногами встретила землю, покатила кубарем, и увязла в сугробе. Возможно, начатое дело довершил бы двадцатиградусный мороз, если бы не случай-

ный прохожий, выгуливающий собаку. Услышав детский плач, пёс ринулся на эти звуки и быстро обнаружил место, откуда они исходили, отрыл скорчившуюся фигуру и лаем подозвал хозяина. Тут же вызвана скорая помощь, которая сработала, на удивление, очень быстро и слаженно. Оставалось одно непонятным: как Саша отклонилась на три метра от вертикального падения и попала на пригорок, который вполовину уменьшил высоту падения. Санитарка баба Маша однозначно сказала, что это души умерших любимых отвели беду, подхватив и смягчив падение.

Саше хотелось одного: скорее увидеть Илюшу. Для этого, во-первых, нужно было самой выздороветь. Но ждать три-четыре месяца – немыслимо. Она умолила врача отпустить её поглядеться. Баба Маша, её сиделка-санитарка, взялась сопроводить.

Так ранним воскресным утром по пустынной улице в больничном городке медленно со скрипом и скрежетом колёс передвигались две бесформенные фигуры: баба Маша толкала инвалидную коляску, а в коляске сидела, закутанная в байковые одеяла, Саша. В приёмной детского отделения Саша пересела в другую коляску, и баба Маша уже покатила её по больничным коридорам. У дверей реанимационной палаты Саша молча крепко сжала руку сопровождающей, чтобы она чуточку повременила, не въезжала в палату, и дала Саше справиться с захлестнувшим волнением: сынок должен увидеть её спокойной, с ясной улыбкой в лице.

Баба Маша, между тем, особо не церемонясь, вкатила коляску в палату. Илюша лежал в детской кровати с перилами, лежал на спине без подушки.

Трубочки и проводки опутывали его маленькое тельце. На шум, произведённый вошедшими, Илюша раскрыл глаза, увидел Сашу и внятно сказал: «Мама!»

Саша, сдерживая слёзы, бросилась гладить теплыми ласковыми руками изувеченную свою кровинушку, что-то говоря ему бессвязное, но милое и дорогое. Со страхом она поняла, как дорог он ей, и в какой близости от кошмарной смерти они стояли. Как это было бы ужасно увидеть их обоих мертвых в разных гробах, ведь смерть или исход, что тогда замыслила Саша, окончательно разлучит их: тела будут лежать врозь, души потеряются в бескрайнем мире теней. Илюша безусловно стал бы Ангелом, она – продолжала бы мучения в другом измерении, и наверняка те мучения ужаснее, в полном одиночестве неприкаянной души.

Лицо Илюши стало осмысленным, лучившимся ангельской радостью. Он тянулся ручонками к ней, но мешали провода и трубочки, мешала боль, принуждающая его лежать неподвижно. Саша не могла подвинуться ближе – мешала инвалидная коляска и сломанная нога в стальном браслете аппарата Илизарова. Зашёл врач, молодой интеллигентный мужчина, сразу быстро подошел к ним и мягко прекратил болезненные для обоих движения навстречу друг другу.

– Скажите, мальчик, ...Илюша, будет жить?

– С нашей стороны сделано всё возможное, – сказал врач. – Сходите в церковь и помолитесь.

– Как! Вы, врач, мне такое говорите? Нужны какие-то радикальные методы лечения...

– Сходим, – молвила баба Маша. – Прямо сегодня и сходим на вечернюю службу.

Саша редко бывала в церкви, но крестик нательный носила, по большей части, потому что это был подарок мамы. Поддерживаемая бабой Машей, она на костылях поднялась на высокое крыльцо и с внезапным трепетом вступила в лоно церкви. Раздавался мерный звук цепей кадила – молодой священник обходил храм, курился фимиам и тонкий девический голос читал молитву.

– Вовремя пришли, – шепнула баба Маша. – Давай-ка тут встанем у скамеечки, тебе не выдержать долго стоя.

– Нет я буду стоять – сказала Саша.

И простояла долгие полтора часа в благоговейном волнении. Она бесконечно осеняла себя крестным знаменем и просила, чтобы хворь и немощь покинула Илюшу. Когда открылись царские врата алтаря, прихожане волной встали на колени, и святой Дух прошелестел над склонёнными головами. Саша также рухнула на колени, не чувствуя боли, и явственно ощутила сошествие Духа святого. В эту минуту она продолжала молитву особенно горячо, чтобы хворь отступила от младенца Ильи и перешла к ней. Была неизъяснимая радость, даже катившиеся слёзы были странно сладки и как будто уносили с собой прежние муки и сомнения...

На следующий день Саша утром, как только пробудилась, поковыляла к телефону и справилась о здоровье Илюши. Ей бодро ответили, что состояние улучшилось: дышит самостоятельно, температуры нет, кушает. Пораженная этими словами, Саша много-много раз поцеловала нательный крестик, снова прошептав горячую молитву. «Это чудо!» – восторженно молвила она бабе Маше и благодарила её за помощь, благоговейно благодарила Господа, что услышал молитву.

День ото дня Илюше становилось лучше: он уверенно пошёл на поправку. Хворь, действительно, отступила от него. Он хорошо питался, проявлял живой интерес к окружающему. Вскоре был готов к выписке, но забрать его оказалось некому: Саше до выписки еще месяца полтора, а вот папаша точно сгинул, никого интереса сыну-инвалиду не проявлял. Он не отступился от своих слов, что уродам не место в этой жизни. Пришлось выписать и Сашу, а уж как она управлялась одна, на костылях с домашним хозяйством и ребенком – она и сама не знала как получалось. Ходить учились вместе: Илюша и Саша.

Так же вместе стали учились по-новому понимать такую вот неожиданную жизнь.

Эпилог

Илья, несмотря на то, что из года в год активно развивался по какому-то своему особому закону, при первом же взгляде всё же вызывал смешанное чувство тревоги и жалости. Почему рождаются дети-инвалиды у здоровых родителей? Каково будет тянуть эту ляжку отчуждения, мамочке, брошенной один на один с неизлечимым недугом родного дитя: недугом несоответствия принятым эталонам красоты, успеха и достоинства?

Там, за окном больничной палаты, за окном тесной однокомнатной квартирki, куда поселились Саша и Илюша, будет шумная кичливая жизнь, бесконечно реализуемый проект личного самоутверждения, проект тысячи и тысячи наполеончиков, которым зудит стать одним с именем собственным с большой буквы, с самой большой, какой ещё не было. А здесь, в четырёх стенах, с большим окном в переменчивое небо будет жить долго-долго маленький Илюша, который научится ходить, говорить, читать и писать, различать предметы окружающего мира, составлять особенные суждения, верить и надеяться, что неведомое благо утишит боль, с которой родился, и уже точно знать, что никогда он не станет обычным человеческим отпрыском с вековыми желаниями и извечными проблемами.

В дикой природе, в суровой и беспощадной борьбе за выживание, с подобными отклонениями обречены на быструю смерть. На 99 процентов природа высших обезьян схожа с человеком и всего один процент высшего, человеческого в человеке. Он, Илюша, будет жить, пока этот процент не скатится к нулю. Ему даже необходимо жить, чтобы в человекообразном существе прибавилось человечности.

На благотворительный вечер некоммерческого товарищества «Благовест» съезжались гости. К парадному входу в здание, прибывали одним за одним разномастные автомобили. Особняком стояли два туристических автобуса. Гостей радушно встречали и провожали в зал. Само здание производило жалкое впечатление: точно большая и дружная семья облюбовала просторный заброшенный дом с целью остановить его разрушение и приспособить для благих намерений, но хроническая нехватка денег не дает этого сделать профессионально, и приходится самим братья за строительные инструменты, на ходу приобретая навык работы.

Всего лишь год назад в тихом тенистом уголке городской окраины, казалось бы с незапамятных времён, простаивало и ветшало двухэтажное кирпичное здание, в котором когда-то был муниципальный детский сад. Инициативная группа родителей и социальных педагогов сумела доказать городской администрации в необходимости обустроить в пустующем доме центр профессиональной подготовки и адаптации людей с ограниченными возможностями. Тогда и было организовано некоммерческое товарищество «Благовест», оформлена аренда здания за символическую плату. Дальше – выживайте, как можете: денег в городской казне нет и не будет. Вечерами и в выходные дни весь работоспособный состав товарищества выметали мусор из дома, выставляли пришедшую в негодность мебель, потом на собранные в складчину деньги сами же члены товарищества сделали маломальский косметический ремонт нескольких помещений и началось главное – организация и обустройство столярных и швейных мастерских. А в отремонтированных комнатах уже действовал самодеятельный театр. Взрослые и дети, отмеченные различными физическими недугами, пробовали себя в театральном искусстве под управлением профессиональных педагогов.

Когда подготовили несколько спектаклей, решились дать первый концерт с целью: заявить о себе как о людях полных человеческого достоинства, и собрать денег в виде благо-

творительных взносов на развитие товарищества. Прежде они дебютировали в коротких номерах на нескольких фестивалях самодеятельного творчества. Публика принимала радушно и ребята научились держаться на сцене свободно, естественно.

Главный зачинщик «Благоговест» Светлана Евгеньевна – обаятельная женщина среднего возраста, коммуникабельная, интеллигентная. Её не сломить никакими превратностями неблагоприятной судьбы. Малолетняя дочь Светланы Евгеньевны, милостивая девочка Даша, в автомобильной аварии получила сильнейшее сотрясение мозга, покалечила один глаз. В результате сотрясения развился ряд параличей наподобие детского церебрального паралича (ДЦП), методы лечения те же, что и при ДЦП. Позднее безжизненный глаз из эстетических соображений заменили протезом. Началось упорное многолетнее лечение, направленное на восстановление утраченного здоровья.

Верными и неоценимыми помощницами Светланы Евгеньевны стали Галина Викторовна и Александра. Галина Викторовна одна воспитывала сына с врождённым церебральным параличом. Несмотря на пугающее название врожденного недуга и в результате несгибаемой веры в выздоровление её сын Андрей стал вполне сносно ходить, вдобавок вытянулся выше мамы, начал раздаваться вширь – богатырь! Он окончил школу, ему предстояло определиться, какие профессиональные курсы сможет закончить, чтобы выполнять полезную работу и зарабатывать на жизнь. Александра вместе с Илюшей почти всё свободное от основной работы время проводила в «Благоговесте», стала невольным организатором труда добровольных бригад людей причастных к товариществу.

Когда зал заполнился гостями Светлана Евгеньевна в сопровождении Галины Викторовны и Александры поднялась на сцену, чтобы поприветствовать и представить гостей друг другу. С первыми её взволнованными словами установилась атмосфера необычной душевной теплоты. Добрейшее трио хозяек, сияя тихой радостью, словно приглашали всех на солнечный островок благодушия, чистых помыслов, искренности и светлой любви.

Светлана Евгеньевна отметила присутствие в зале представителей администрации: двух строгих дам из отдела социальной защиты. Дамы встали и сказали несколько приветственных слов. В таком же процедурном ключе поднимались под приветственные аплодисменты представители бизнеса: директора городских акционерных обществ. Был и депутат городской думы, немало приложивший сил для материального и законодательного обеспечения товарищества; звёзды шоу-бизнеса... Последними представлены гости из Швеции, имевшие собственные успешные проекты социальной адаптации людей с отклонениями в здоровье. Это были спортивного вида две пожилые женщины остановившегося возраста и такой же молодежавый мужчина с белоснежными волосами. С помощью переводчицы они достаточно долго говорили, из чего становилось ясно, что товарищество – их русские друзья – будут использовать опыт шведской системы социальной адаптации подобных людей.

Начался концерт В первой части выступали гости. Вел концерт известный в писательских кругах поэт. Он прекрасно читал собственные стихи, создавая искусным декларирующим изначальное поэтическое настроение, как раз и ставшее причиной этих стихов. Изящная темноокая женщина, супруга поэта, глубоким сочным голосом пела русские романсы. Поэт рассказывал истории написания знаменитых романсов, истории их первых исполнителей. Скорее это был профессионально исполненный вечер русского романса.

Вторая часть – выступление самих членов товарищества.

Они гурьбой поднялись на сцену: кто-то хромой, кто-то безногий, кто-то с безмятежным даунским лицом, кто-то несоразмерно полный, кто-то худой; семенил низкорослый крепыш с мудрым лицом – повзрослевший Илья, с ним шествовала прекрасная девушка Даша, тут же симпатичные глухонемые девчушки и вечно улыбающийся великан Андрей.

Светлана Евгеньевна взяла гитару, наиграла мелодию песни искусным перебором и ударила по струнам, обыгрывая ту же мелодию аккордами. Запела чистым звонким голосом. Ребята дружно подхватили.

Они спели несколько необычных мужественных песен собственного сочинения. Гости слушали с редким вниманием, не дыша и не двигаясь, словно окаменев, перед новой доселе неизвестной истиной. У большинства, если не у всех, из сидевших в зале, увлажнились глаза, а стильные девушки из сборной команды шоу-бизнеса вовсю уливались слезами.

Светлана Евгеньевна спустилась со сцены. Звуковые операторы – изувеченные воины-интернационалисты на самодельном микшерском пульте включили фонограмму. Зал наполнила строгая щемящая мелодия. Без каких либо изысков, ложных красот и пафоса она соединила всех, кто мог слушать, умел чувствовать и привела в движение актёров: так называемых людей с ограниченными физическими возможностями, – но с неограниченными духовными и душевными. Мимикой тел, с плотно сжатыми ртами и с широко открытыми глазами, вздымая руки вверх, вниз, в стороны, вслед движениям души, они словно искали единства с желаемым и действительным, словно рвались и сбрасывали клеймо навязываемого порока, устанавливали свою гармоничную истину. На мгновение, когда стихала мелодия и приглушённо нарастала другая – в это мгновение, они вдруг собранные все вместе, (они – для некоторых напоминавших ожившие экспонаты кунсткамеры), становились немым укором или предостережением всем сидевшим в зале, облеченным властью и деньгами, творящих законы и беззаконие. И, может быть, безгласно молили, зывали об одном: о Ш Е Д Р О М Д А Р Е М И Л О С Е Р Д И Я Д Р У Г К Д Р У Г У, неизмеримого никакими денежными купюрами, и что оно и есть большущая часть из самого главного в скоротечной человеческой жизни.

Прозрение слепых

Пятилетняя Яна сидела в кроватке и твердила:

– Не хочу слушать эту сказку. Нам её в садике читают. Хочу другую.

– Скажи, какую другую? – Мама захлопнула книгу и внимательно посмотрела на дочку.

– Ну ту, ту... помнишь? Такая книжка... такая вся обкусанная была у тебя.

– Наверное, не обкусанная, а истрёпанная. – Поправила мама, и Яна согласилась. – О чём же мы читали в той книге? Напомни, будь добра.

– Про страшного хана.

– Ой! И тебя на страшилки потянуло? Папа у нас ужастики любит...

– Да нет, нет. Там про другое. У хана на голове был маленький рог. Он скрывал от всех рог. Всегда ходил в круглой шапочке: тю-бе-тей-ке, а по ночам к нему приходил парикмахер: брил голову, лицо и отпиливал рог. Он один знал, про рог хана и никому не говорил. Хан не разрешал. Однажды парикмахера не стало – он пропал. Хан стал злой-презлой. Ему даже некогда было спать, потому что некуда было деть злость... А дальше мы не дочитали. Мне было так страшно, и слушать не хотела. Сейчас хочу узнать, что дальше случилось с ханом. Неужели он захотел выколоть всем глаза, чтобы никто больше не увидел настоящей правды? Он ослепил больших и маленьких.

– Помню эту книжку. Её мне читали, когда я была такая же маленькая. Зеленая обложка, цветные вклейки, удивительные сказки. Но, доченька, с переездом на новую квартиру многие вещи перемешались и нужно время, чтобы снова всё разложить по местам, навести везде порядок. Завтра вставать нам рано.

– Давай, совсем не будем ложиться, и не надо будет вставать рано. Будем прибираться и найдём книгу.

– Без сна не получится день. Он будет похож на скомканный листок бумаги, на котором что-то пробовали рисовать, писать и потом просто выбросили в урну. Всему должно быть дано свое время.

Мама ласково погладила дочку по светлым распущенным на ночь волосам и заговорщицким тоном сказала:

– А что, если я дорасскажу ту сказку. Ведь сказки не только в книгах. Они могут жить в твоей памяти, в тебе самой, могут быть совсем рядом.

– В телевизоре? Давай включим!

– И не только там. Там такие же пересказы сказочного, как сейчас говорим мы. А не хочешь ли ты узнать, где живут живые сказочные герои, которые вовсе и не сказочные... Ты посмотри в окно. Видишь, какая чудесная ночь приходит к нам и укутывает звёздным одеялом.

– Наш дом укутывает? – Усомнилась дочка. – А звездочки как шарики? Нет не шарики – дырки. Одеяло дырявое! И сквозь дырки видно солнце.

– Нет звездочки не дырки! – Улыбнулась мама. – Это шарики, наполненные светом, смотри они движутся, а дырки не движутся. Слушай же сказку...

В далёкие годы, которым и счёта нет, жил всемогущий хан аккурат посреди земли русской. Была у хана одна страшная тайна (нечто такое, что выделяет его из обычных людей), про которую знал всего один человек – его парикмахер. Под страхом смерти ему было велено никому не разглашать этот ужасный секрет. Долгие годы бедный парикмахер брил, стриг хана и спиливал рог. И вот однажды пропал. Рассвирепел хан. Неужели недруги узнают, что на голове владыки великого ханства растёт рог?

И послал хан несметные полки непобедимых воинов завоёвывать все страны и земли. Прошло ещё невесть, сколько лет, и хан завладел всеми землями, что были вокруг его ханства, и

как будто убиты все недруги, кто бы мог над ним надсмеяться, кто мог узреть что-то иное в этой жизни. Но хан не находил покоя.

Какое-то последнее завершающее действие следовало сделать, о чём никто не знал.

Хан выстроил дворец из чистого золота и украсил его драгоценными камнями. И засиял дворец точно солнце. Но опять же не находил в нем покоя хан, и готов был отдать дворец за пропавшего парикмахера и за сладкий, последующий за косметической церемонией, сон.

Теми еженощными процедурами умелого брадобрея всеильный владыка забывал о своём противном роге и крепко-крепко засыпал, что-то возвращалось к нему далекое, прежде близкое и родное, – теперь же ходил днями и ночами по бесчисленным комнатам дворца, как страшное привидение, и убеждался, что ничего не радует ханские глаза. В этом ли суть владычества, что всё у него из золота, и все падают перед ним на колени? Как-то раз под утро он вскочил на коня и поскакал по своей земле, не зная зачем и не зная куда.

Скачет хан по лесам и долам, стонет под ним земля, и каждый, заметивший его подает ниц. А хан только плеткой с размаха хлещет по спинам поданных и топчет копытами коня, кто не сумел убраться с дороги. У колодца верный конь встал, повинувшись малейшему движению воли могучего седока.

Видит хан, у колодца сидит девочка в порванном платье, с распущенными волосами. В руках её дутар – струнный инструмент грушевидной формы, рядом най – камышовая флейта и гусли. Девочка тихо играла на дутаре.

Исказилось яростью лицо властелина всех земель: как посмела девчонка не упасть на колени. Знал он, что любое неповиновение и непочтение искоренять следует сразу, в зачатке, не давая разрастись. Поднял плеть и со всего размаху хлестанул по бедной маленькой девочке, но верный конь вдруг брыкнулся – плеть не сбила ни волосинки, а лишь просвистела над ухом.

Поднял снова плеть обременённый земным могуществом хан. Вскинула девочка глаза, откуда шли звуки. И увидел хан, что девочка слепая. В глазницах её зияла тоже пустота, что была в его сердце и глазах.

Опустил он могучие руки, и ушей его коснулась знакомая мелодия, которую в детстве играла мама – неизъяснимой теплотой вдруг омылось жестокое сердце.

Слушал хан, слушал, потом схватил девочку, как щенка за шкуру, и вместе с инструментами усадил на коня. Поднялась столбом пыль – поскакал хан во дворец. Там он велел найдёныша умыть, накормить, напоить и переодеть в богатые одежды.

Когда наступила ночь, привели к хану девочку.

– Кто научил тебя музыке?

– Бабушка. После, когда она ушла от меня далёко-далёко, туда, где мама и папа, я сама училась: шла, где слышались голоса, садилась и играла. Добрые люди давали мне кусочек хлеба, и я была сыта им по горло... Я даже не знаю, как выглядят все ваши вкусности – есть совсем другой прекрасный мир.

– У меня будет по-другому. Будешь играть у моего ложа, а услышишь, как пришел ко мне сон, здесь внизу можешь прикорнуть. Но как заворочаюсь – играй тут же. Будет у тебя получаться – будешь жить в моем дворце в целости и сытости. Никто тебя не посмеет обидеть. Не сумеешь призвать ко мне сон, унять непонятную душевную смуту – голова с плеч долой! Значит, и ты окажешься в рядах тьмы моих бездарных поданных.

Взяла девочка в руки дутар, обратила невидящие глаза в окно, словно подставляя лицо невидимому веянию, тронула струны. И негромкие звуки волнами закружились вокруг ханского ложа. В этих звуках слышались мягкие перекаты бегущей воды, переливчатые трели

жаворонков, тихий шелест листвы и далёкие бабушкины мелодии. Пальцы её легко бегали по струнам, а в голове плыли легкие и светлые мысли.

Долго ли, коротко ли играла юная кудесница – вздрогнула от раскатистого громового храпа. Хан уснул! Она спасена! Сон, дивный сон усмирил могучего владыку – теплая ладошка мамы, слегка касаясь светло-русых волос дочки Яны, стала гладить-поглаживать. – Сладкий-сладкий, дивный-дивный сон, мой пушистый сон, ласкается, как кошечка, и пушистая-пушистая кошечка также мурлычет-мурлычет от самого сладкого-сладкого удовольствия спать-спать в мягкой постельке. Спи, доченька, спи ...

Личико Яны просветлело, глаза закрылись, чуть нахмуренные брови дрогнули и расслабились – дочка уснула. И уснула, словно открыла глаза в другой комнате: увидела девочку, играющую на дутаре; увидела окно, в которое смотрела слепая девочка.

Вдруг окно засияло нежным бирюзовым светом, и поплыли хрустальные шарики, похожие на небывалые разновеликие жемчужины, поднявшиеся со дна моря-океана. Или это звездочки, наполненные чудесным светом? Среди хрустально-жемчужных шаров плыла светло-русая девочка в белоснежном одеянии до пят и с мантией юного мага. Именно её тонких рук и легкого дуновения были послушны сверкающие перламутром шарики.

Яне так хотелось протянуть руки и взять себе один волшебный шар, так захотелось поиграть с девочкой шарами, но как слепая девочка увидит её... Яна увидела, как направившейся к ней шар вдруг повернул и коснулся головы девочки, играющей у ложа хана. Девочка вздрогнула и замерла – лучащийся звездным светом шар скатился на лицо, мгновение задержался на одном глазу, затем перекатился на другой. Девочка тихо вскрикнула. И обеими руками схватилась за глаза, словно их обожгли. Пальцами потерла глаза и отняла ладони от лица – и увидела... увидела окно, изливающее нежно-бирюзовый свет, увидела плывущие хрустальные шарики и светло-русую девочку в белоснежном одеянии до пят в мантии юного мага, машущую ей рукой.

Она прозрела! Она больше не слепая! Вот этот необычный видимый мир, который раньше лишь слышала! Но он другой: эту девочку в мантии видела, без сомнения, и раньше, но не видела окна, шаров, и не видела владыку земного мира...

Яна сладко потянулась, удивляясь увиденному, и подумала, что утром обязательно расскажет маме про дивный сон...

Бирюзовый свет окна покрылся тонкой паутинкой первых солнечных лучей. Девочка в длинном платье до пят из тончайшего шелка нежно-розового оттенка, оставив дутар, подошла к сплетению солнечных лучей и протянула руки в окно. Тотчас же на раскрытые ладони сели крохотные пичужки, каждая своего неповторимого цвета. Они были так малы и так легки, что когда их слетелось множество, девочка не ощущала их веса.

Она делала плавные пассы руками – и порхающая стайка казалась переменчивым облачком, пронизанным лучащимся цветом, расписанным в необычные сочные узоры, которые непрерывно менялись – и девочку забавляла эта игра. Она улыбалась и золотые волосы, обрамляющие смуглое лицо, от дуновений сотен крылышек развивались, как веет флаг на рее корабля. Птиц всё прибывало и прибывало. Ветерок, поднимаемый крылышками милых пичужек, кружил вокруг девочки и словно хотел подхватить её, полувоздушную и хрупкую, и унести с собой, вслед за другой в мантии мага. Без сомнения, для этого слетаются чудесные птички...

Вдруг оглушительный гром человеческого голоса раздался за спиной. Девочка обернулась и опустила руки. Порхающее облачко взметнулось из окна в небесную высь. Из глубины комнаты вставал обладатель страшного голоса, перед которым трепетали даже листья на дереве и трава в поле. Мощное тело лучшего из воинов с рельефными мускулами, с широченными

плечами и руками, способными поднять коня, с могучей жилистой шеей, никогда не склонившей страшной и странной головы без единого волоса, с жесткими глазами, пылающими беспощадным пламенем.

Вот он каков повелитель воинов и народов всех земель! Он грозен, он ужасен, он готов взорваться яростью, которая у него безгранична и неистоцима.

– Ты видишь? – сурово спросил великий хан. – Я подобрал тебя слепой нищенкой, собирающей милостыню игрой на дутаре. Твоя музыка всколыхнула память о мудрой женщине, родившей меня, и также искусно любившей играть на дутаре. Я взял тебя, чтобы твоя музыка принесла мне краткий покой – и ты справилась: ты вернула мне сон. Что означает твоё прозрение?

– Я и раньше видела: видела свой мир и свои звуки. Этой ночью пелена спала с моих глаз, и я могу видеть и ваш мир. Что видят все другие люди пришло как странное дополнение к моему миру, – тихо сказала девочка без тени страха. – В середине ночи, когда ты уже уснул, в раскрытом окне поплыли хрустальные шары. Я знаю этот звук! Один шар коснулся моих глаз. Как будто поднесли огонь. Я вскрикнула и открыла глаза и увидела в этом окне среди хрустальных шаров юную фею в волшебном балахоне до пят. Она улыбалась мне, уплывая дальше. Зачем она это сделала? Как будто она была печальна и чем-то огорчена. Почему она исчезла так быстро? У неё беда! Это точно!

– Никто не может видеть меня без золотой короны владычества. Никто не может войти в мои покои, где я снимаю корону, чтобы только сон равнял меня с неисчислимым множеством моих воинов, поданных, рабов. Иначе смерть тому, кто смог это узреть... Иначе будет вырван язык, иначе будут выколоты глаза. Выбирай!

– Я выбираю жизнь с языком и глазами, – едва заметно улыбнулась девочка. – Если суждено умереть, то пусть по велению властелина дня – могучего хана, которому нет равных на земле под светом дневного солнца.

– Разве есть другой властелин? властелин ночи?

– Есть, великий хан. Иначе ты не страшился бы ночи и мог спокойно спать. Даже твоя, верная из верных, стража у дверей стережёт лишь твоё беспокойство. Я родилась в темноте вашего мира и жила в темноте, точно так меня для чего-то оберегали. Я сразу стала видеть другими глазами и увидела многое. Мне хватало слуха, кожи, рук и ног, чтобы не заплутать в вашем мире. И теперь открылись глаза... Мне бы хотелось хоть чуточку посмотреть на ваш мир повнимательней, усладив и обогатив себя зримым содержанием другого, для вас – чудесного, мира. Кое-что тебе сказать то самое существенное, что могли выговорить уста твоих мудрецов.

– Гм! Со мной ещё никто не говорил, как ты. Убить тебя – значит лишиться себя удовольствия слушать твою музыку и твои слова, в которых я слышу больше мудрости, чем в словах придворных мудрецов... Тебя ничего не пугает, глядя на меня. Посмотри на мою голову. Видишь ли то, чего нет у тебя?

– Твою голову венчает рог. У меня и вправду такого нет. Но я никогда не видела воинов и слуг твоих. Возможно рог у всех?

– Не у всех. Только у меня.

– Ты великий воин! Ты – лучший из лучших. У тебя явно есть то, что у других неявно и в зачатке.

– Как раз этого, – он тронул рог, – не хотел бы иметь и в зачатке.

– Ты знаешь, хан, все наши беды и уродства исходят от властелина ночи. Этот владыка темного царства рассылает невидимых слуг, которые калечат и вызывают неизлечимые болезни, портят суть воинов и подданных твоих. Его сила крепнет час от часу. А наше уродство и слабость растёт.

– Ты сказала наше?

– Наши предки слушали одну музыку. И эта музыка позволила тебе услышать меня, а мне увидеть твой мир. Ты и я – часть одной истины. Ты завоевал видимый мир, но ты бессилён перед миром невидимым, который все твои победы превратит в прах. Я могу показать тебе то, что и во сне не приходит ко всем, а лишь к избранным... Смотри, о великий Темирхан.

Девочка вытянула руку. Хрустальный шар тотчас же оказался в раскрытой ладони. Это был тот самый хрустальный шар, что добавил ей зрения. Она качнула ладонь в легком круговом движении. И шар закрутился на невидимой оси, плавно ускоряясь и увеличиваясь в размерах.

Не успел хан удивиться, как шар стал выше девочки и соскочил с её рук, встав прямо посередине между ними. С каждым витком шар делался всё больше и больше – вот он коснулся и девочки и хана, вот он облачил их с головы до ног новыми одеяниями, которые вдруг разом слетели, и в мгновение лоскутки собрались вокруг девочки и хана в новый сияющий мягким светом шар. Необычный свет был густой, как утренний туман, и прозрачен, как вода в роднике.

Хан повёл головой слева направо – отовсюду изливался этот странный никогда невиданный свет. Он сделал шаг вперед. Зыбкая оболочка света двинулась за ним. Тогда ханские глаза сомкнулись на посветлевшей девочке: эта оболочка света представилась её продолжением.

– Смотри! – сказала девочка, подняв правую руку. – Вот твои бескрайние степи и леса, где нет тебе равных. Вот неисчислимое множество твоих поданных, что день и ночь работают, чтобы увеличить твоё богатство. Вот твои доблестные воины, что скачут вдоль и поперек по твоей земле, выискивая притаившихся врагов.

Хан водил изумлёнными глазами за указующим перстом – и видел! Видел цветущие степи, зелёные дубравы, спины слуг и рабов, несущуюся подобно урагану грозную воинскую рать.

– А вот здесь, где высятся гряды гор, подпирая небо, здесь в окружение скал и есть неприступное царство властелина тьмы. Здесь небеса уходят в пропасть, клокочущую огнём, и отсюда выйдут воины, которых ещё никто не одолел.

– Чем же они сильны? Разве есть кони быстрее моих? Есть клинки острее и твёрже моих? И кто может сравняться с числом моих воинов?

– Его сила в другом. Он посылает мор на твоих коней, он поворачивает твои же клинки против тебя, он пробивает защиту воинов, переплавляя храбрость и верность в страх и предательство, он сеет болезни, уродства и скорбь. Его первые воины – это глашатаи другой правды, которая разрушает твою. Они отнимают сон. Они хотят убить чудесную девочку в балахоне до пят, которая сказочным действием вливает в нас добро и красоту – всё то, что не дает нам превратиться в зверей-чудовищ, верных слуг властелина Тьмы... Ибо убив великий дух, что движет всеми нами, мы станем невольниками духа властелина Тьмы. Вслед за победой первых, выйдет второй дивизион – эти-то и будут рубить, испепелять оставшихся хранителей тебя и веры. Нас осталось мало...

– Я уничтожу его! – вскричал хан.

– Никто этого сделать не смог. Ты всегда воевал в открытом поле. Здесь будет другая война, если решишься...

– Ты говоришь мне: решиться?! Я ищу, как ввязаться в бой!

– Тогда слушай дальше... В предгорьях царства тьмы с младенческих лет поселился схимник. С рождения у него не было ног, но было доброе сердце и умная голова. Домом ему служила пещера, а еду приносили птицы, те самые которые ты мог видеть со мной у окна. Он безумно любил птиц, и птицы любили его. Сначала он хотел забраться выше скал, чтобы научиться летать. Если не суждено ходить, значит – будет летать. Он задумал сделать себе два крыла, как у птиц. И вот, делая крылья и размышляя о способности летать, он наткнулся на черный след невиданной беды и вдруг уразумел, что живет совершенно рядом с неведомым и

оберегаемым царством Тьмы. И когда наступала ночь, видел всё то, что творится там. И он стал описывать, в чём сокрыта сила Тьмы, но не закончил, потому что понял и другое: оставаясь в стороне, и он и его книга-летопись станут просто достоянием властелина Тьмы.

Строчка за строчкой, страница за страницей будет расти и пухнуть книга, одновременно таять и дряхлеть он. Потом огонь и тлен уничтожат его, впишут новые кровавые строки в летопись укрепляющегося Зла. И так будет вечно, пока Тьма не покроет Свет. Не будет птиц, не будет зеленых листочков, небесную голубизну застит кровавое пламя беды. В отчаянии он сбросил недоделанные крылья вниз, в пропасть, и вспышка бирюзового света вызвала в нем видение. Нет, вспышка разорвала пелену другого мира, который обосновался вокруг царства Тьмы, словно выставив невидимый заслон воинам властелина Тьмы.

С приходом следующей ночи он собрался сбросить в пропасть и то, чем делал крылья, и было поволокло это к краю, но звуки которые возникли, когда эти железные пилочки, каменные скребки ударились об камни, о деревья, шорох и шуршание песка – закончились тем же озарением, что и вчера. Он снова увидел заслон добрых духов у самого края растущих демонов Зла. И увидел отображение себя в этом заслоне и то, что он должен сделать...

Тогда он этими же инструментами: железными пилочками, каменными скребками, крупным песком для шлифовки, стал делать свои новые крылья. Но уже для полета души по тому самому невесомому воздуху, в котором парили птицы и духи, так вдруг и неожиданно давшие знать о себе.

Он что-то начинал делать – не получалось. Он сбрасывал пустозвонные поделки в пропасть. Снова делал, и снова сбрасывал. И однажды, уже изможденный заблуждением, догадками и отчаянием, он увидел сон. Где воочию узрел, каковы должны быть эти два новых крыла. Они должны быть в виде круга с деревянным ободом, который натягивает толстую кожу горного оленя; внутри обода есть поперечина, куда крепятся железные подвески и разноцветные ленты... Первое крыло – будет его. С ним ему жить, с ним сможет лететь по воздуху, как птицы и как духи – это будет его новые ноги, это будет его конь, который поднимет в небеса и унесёт к светлым духам от тлена и огня. Унесет, как только он сделает второе крыло.

Схимник сделал первое крыло точно по образу приснившегося, а совсем недавно – сделал и второе крыло. И птицы сказали мне, что этой ночью он совершит прощальный обряд с землей. Он уйдет на первом крыле к духам. И следующим же днём я должна отправиться за вторым крылом. Он выбрал меня для второго крыла. И та волшебная девочка, вернувшая мне зрение, чтобы быстрее двигаться в вашем мире, также выбрала меня быть её помощницей в видимом мире, оставаясь зрячей в её мире. Её жизнь в опасности: те сказки, что навеивала она ребятишкам, помещая в их сердечки и головки ростки доброго и прекрасного, демоны зла посчитали чрезвычайно вредными. Зло пошло в наступление по всем направлениям и решило поправить человеческую жизнь с первых её шагов, и даже с первых минут, когда встречаются Он и Она...

Я должна продолжить и сделать третье крыло, которое либо откроет мне тайны невидимого мира и даст мне силу, заключенную в высшем знании, либо... Что суждено мне, я узнаю, взяв в руки второе крыло.

– Не желаю отпускать тебя одну. Ты становишься моей главной драгоценностью. Похоже, лишь ты сможешь отделить порочное от доброго наследия предков, избавить меня от клейма нечистого.

– Тебе и не надо отпускать меня. Мы поскачем вместе. Повелитель Тьмы силами своих духов поработил гордое племя горного народа, дал им часть неземной силы и теперь горы в их власти. Но власть эта – часть силы повелителя Тьмы. Это будет твой первый бой. И ты будешь сражаться не с ними. Ты померяешься своим человеческим духом с силами нижнего царства. Силой твоего духа пронизаны все твои воины. Этот дух победы вы закалили, возвысили и

сделали правилом жизни, что приблизило тебя к силе бессмертных духов. Проиграть этот бой – значит положить конец твоему владычеству над миром степей, долин и лесов. У тебя есть право выбора.

На твою жизнь хватит отвоёванного мира.

Твой дворец великолепен.

Собери себе жен – и наслаждайся.

Убей меня, убей других, убей всех, кто возмущает твоё спокойствие.

Ограничь себя в желаниях – и ты будешь счастлив.

Стоит поверить, что невозможно каждый день что-то делать новое – придёт покой.

Можно будет переливать из дня в день одну и ту же воду из одного кувшина в другой кувшин, удовлетворяясь и тем, что каждый раз форма у воды чуть-чуть иная, по форме кувшина. В этом одном искать новизну, забаву, развлечение.

– Моя голова не такая как у всех, на неё и тубетейку не подберёшь, мои глаза видят лишь то, что внутри кувшина. Я собрал золото в дворец, чтобы не растащили монолит в россыпь. Без военных побед моё войско ослабнет. Мы рождены воевать и умирать в бою!

– Ты можешь погибнуть в страшных муках не от отравленной стрелы, но сгореть в бездне клочущего пламени Зла.

– Я мог погибнуть в каждом своём бою. Однако жив! Для чего я завоевал этот мир? Я хочу установить один порядок, одни правила жизни, собрать всех в один кулак. Собрать всех в один народ, у которого должен быть один повелитель, одни законы, одна правда.

– Этот повелитель не должен быть тираном! Через него в человеческую жизнь должно приходить Небесная Мудрость, основанная на высшем знании, на человеколюбии. Боль и скорбь растревожила духов. Дерево жизни покачнулось. У трех великих царств сместились и наслоились границы. Вот в чём ещё причина. Мы не можем жить вместе с духами, не изменив себя. Но сила что-то изменить в нашем мире только в тебе и во мне...

Покажи мне воинов, свою армию.

Я хочу проскакать на белом коне по степи быстрее ветра и даже быстрее тебя.

Я хочу увидеть наш мир в дневном свете яркого солнца.

Я знаю, наш мир прекрасен. Наши реки прозрачны, светлы, глубоки. Из них собираются озера, которые как наши глаза смотрят в небо, и светлые духи купаются в них. Наши степи в зелёном убранстве шелковых трав, в драгоценной россыпи цветов. Ветер веет там прохладой и зноём.

– Пусть будет так. Отныне ты моя дочь, которую мне дали духи. Имя твоё Ариунцецег.

– Ты мудр по-своему, Темирхан. В тебе бескрайняя сила наших степей. Нелегко будет повелителю Тьмы справиться с нами.

Они вышли сначала из шара, потом из дворца. Могучий хан в расшитом золотом плаще, юная дочь в таком же золотом одеянии. Сотни глашатаев вострубили о пробуждении владыки и начале нового дня.

Подвели двух лучших коней: гнедого – для хана, и ослепительно белого – для его дочери. Они вскочили на коней и с гиком понеслись по пьянящему простору родных степей. Держись владыка Тьмы! Пришел ли час рокового боя? Станет ли последней битва сплоченной реальной армии во главе с бесстрашным богатырем и его дочери, чуткой предвестнице будущего? Вечная ли эта борьба Зла и Добра, Тьмы и Света?..

Наутро пятилетняя Яна протерла глазки и сказала с забавной серьёзностью:

– Мама, звездочки совсем не дырки и не шарики-светлячки – это воины. Они сражаются за нас, чтобы мы были добрыми. Мне такое приснилось!!! Такое-такое! А тебе снятся сны?

– К сожалению, реже и реже. Забот много, о которых не бывает сказочных снов. Но сказки все ещё люблю! – Мама с легкой грустинкой улыбнулась, поглаживая по светло-русой головке свою волшебную маленькую фею в ночной сорочке до пят:

– Доброе утро, доченька. Новый день начался! Пусть он будет добрым для тебя и меня, и для всех!

Легенда о состоявшейся жизни

*Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.*

К.Д. Бальмонт

1. Особенный поселенец

В тридевятиом царстве-государстве в тридевятые годы жили-были не тужили розовые поросята с голубыми глазами. И был среди них поросёнок самый розовый и с самыми голубыми глазами по имени Хавроня. Никто не играл так забавно, как Хавроня, никто не выдумывал таких беспечных, таких бесшабашных проделок, какие проделывал он – розово-голубое существо с неказистым щетинистым рыльцем.

Стоило солнцу пробудиться и освежить огненным румянцем бледное небо, как тут же с весёлым похрюкиванием и повизгиванием выбегал на вольные луга удалой Хавроня. Задрал башку, вытаращив любопытные глазенки, он, дрыгнув всем телом, взвизгнув необычайно звонко и задорно, давал стрекача по медвяным травам, сколь было сил в неуклюжих лапах.

Большие прелестные бабочки, причудницы небесного света, которые имели обыкновение после легкого завтрака капелькой нектара, позабыв обо всем на свете, в сладком упоении порхать, кружиться в аромате распускающихся цветов, слегка бранили не совсем приличного Хавроню. Ну, зачем он как угорелый носится среди тех же цветов? Как будто его вовсе не смущает лик прекрасных созданий, хотя сам увалень и восторженно-дик.

Хавроня бегал до тех пор, пока не утихал в нем порыв, что очаровал его, полусонного, утром и увлек навстречу чудесным неожиданностям. Вдруг появлялось утомление и легкая резь в животике: Хавроня был чрезвычайно прожорлив. Голод всякий раз заставлял возвращаться назад, к братьям и сёстрам – потому-то, может быть, он никак не мог добраться до главного места, где, верилось, сокрыта обитель самой важной сути, иначе почему столь прекрасно кругом и столь молчаливо.

Возвращаясь в родное селение, которое он с закрытыми глазами узнавал по своеобразной вони, гвалту, клубам пыли, Хавроня с удивлением отмечал, как непонятная грусть овладевала им: меркло и тускнело в глазах, уши не различали отдельных звуков, кожа немела. Одно лишь ожидание вкусной еды, какую он непременно найдет в доме, слегка утишала и чуть радовало. И то была сермяжная правда, что в царстве этом, поедание пищи: разжевывание, переваривание и опорожнение – было первой заботой и главным развлечением.

Придя домой, Хавроня тотчас же ел, ел и снова ел и вряд ли бы наелся, но живот опускался вниз до земли, и сытый поросенок уже не шел – плыл как корабль на воздушной подушке. Хавроня валился на бок, придиричиво оглядывал братьев и сестер.

Прелюбопытная картина являлась его затуманенному взору. Одни сородичи чуть поодаль не жились в луже приятной жижи. Один брат, сунув рыло поглубже в эту жижу, пропускал сквозь её толщу тот воздух, что был в легких, другие лениво толпились кругом, несколько захваченные зрелищем, подбадривали, и, если бульканье получалось особенно потешным,

весело и живо хлопали. Сам герой был страшно доволен содеянным, польщен аплодисментами. В другом месте поросята дерзновенно соревновались одним махом кашлянуть, свистнуть, пукнуть и встать на голову. «Забавники!» – бурчал Хавроня, морщился и, поскучав еще немного, снова убегал на вольные луга. «Почему совсем нет подобия здесь, на земле, тому великому совершенству, что в небесах» – думал он.

Так день за днём шли годы, вырослел Хавроня, мужал, толстел. Уже и резвости поубавилось и пора бы поумнеть, а он каждый божий день уходил и уходил к безмолвным друзьям: цветам и травам, стрекозам и бабочкам. Не пропускал великолепия красок вечерней зари. Бывало, молил у вешнего цветка открыть загадку дивной и редкой красоты, воплощенной в хрупком соцветии.

И так однажды, бредя в печальной задумчивости, вдруг замер, ослепленный вспышкой фантастического цвета. Клубы голубого дыма с красными, желтыми, зелеными, синими прожилками, взвиваясь выше гор, размётывая снопы искр, обнажили загадочные видения: череда призраков дней минувших и дней грядущих заполнила воздух, странным образом переместившись из огненного жерла. Один из призраков в королевской мантии, седой и юный, грозный и нежный, уронил мановением властной длани один из тысячи тысяч бриллиантов своей короны. Земля содрогнулась – во мраке исчез хвост кометы призраков.

Место, куда упал бриллиант, обуглилось, пламя уходило внутрь земли, оставляя спекшуюся трубку с дымящейся воронкой. Хавроня спешно приник к ней башкой, силясь разузнать: куда же запропастился бриллиант. Куда же делся редкостный подарок судьбы? Крутился, высматривая, так и эдак... Напрасно! Утомившись, Хавроня уподобился стражу загадочной воронки: присел, обмяк, задремал.

Толи сон был, толи явь, а увидел он как величественный блеск бриллианта, с которым по красоте ничто несравнимо на свете, вдруг пропал и сам кристалл начал терять устойчивую форму чистейшего, прозрачайшего камня. Чудесная метаморфоза вылилась в рождение живого растения. Пробиваясь сквозь грунт и, пробившись, оно явило солнцу пламенный цветок.

Здесь Хавроня был ослеплен: цветок брызнул нездешним светом и выжег, ворвавшись в тело через изумлённые глаза все смутные думы и неясные мечты, оставив навечно отблеск своего пламени и способность видеть только подобие этого пламени, другое – мертво и чуждо. Волшебное превращение пронзило Хавроню сладкою болью. Он вскрикнул подобно струне под искусной рукой мудрого настройщика. Звук, что невольно исторгли уста, коснулся ушей. В мгновение уразумел, что с ним произошло что-то небывалое, что избавляет от скопившихся тревог и странной тягости чуть выше живота.

Новая сладкая боль, между тем, торопит с продолжением. Новая страсть испытать её снова и снова полонила Хавроню. И хотя эта боль сладка, но настолько сильна, что повторить её снова казалось невероятным. Она лишала бедного поросенка немалого пласта памяти: пока разыгрывалась боль, он как будто бы растворялся в ней. Когда же Хавроня очнулся, воспоминанием остался звук: у!ю! – бубую! Без умения повторить пережитое.

Хавроня тихонько побрел домой, стараясь понять: откуда это и что это – у! ю! – бубую! Что таится в этом звуке, какой радостный мир он обозначает и заключает в себе. Скажет тихо: «У!Ю! – бубую!» – прислушается. Крикнет всё горло: «У!Ю! – бубую!» – прислушается.

Шел он час, шел он два часа; голову увенчал холодный пот, а непонятное у! ю! – бубую! оставалось непонятным. Он громоподобно выкрикивал: «У!Ю! – бубую!» С робкой надеждой ожидал: не отзовется ли кто, не услышит ли он долгожданного ответа. Вот он уже на своей кривой улочке. Вновь рыльце сомкнулось в брезгливой гримасе.

Он, печальный и усталый, отворил ворота осточертевшей хижины и было шагнул в её мрачный покой, как вдруг увидел неподалёку свою соседку, молодую поросюшку Хрюню. Эта была очень забавная особа. У неё размер живота равнялся бидону с похлёбкой, а сердце обросло таким слоем жира, что кроме собственного стука оно ничего более не слышало. В хитрющих глазёнках Хрюни с самого рождения свербел один вопрос: «А ты чем меня накормишь?» Кроме как покушать Хрюне безумно нравилось, когда чужеродное копьевидное тело вторгалось в её внутренности и делало там фурор.

Хрюня сидела на ступеньках крыльца дома и, обхватив лапками бедную головушку, едва заметно вздрагивала. Хавроня подошел, осторожно спросил:

– Что с тобой, Хрюня?

Она подняла голову, слабо улыбнулась, из глаз у неё выкатились две довольно крупные слезинки, судорожно всхлипнула и сказала:

– Ой! Я несчастная, несчастная! Ну ничего-то ладом не получается, хоть в затвор садись. Хотела-то немножко, думаю: дай побалуюсь, всем можно, а мне нельзя, что ли... И обьелась как последняя дура.

– Э, нашла, о чем горевать! Что же мне тогда делать с моим несчастьем! Не плачь, Хрюня: все пройдет и будет хорошо.

Он дотронулся до её рыльца и бережно вытер слезы. Хрюня выпрямилась, взглянула доверчиво. Глазёнки просияли благодарным блеском. Хавроня продолжая касаться её рыльца, вдруг ощутил её тепло и неожиданно выкрикнул: «У!Ю! – бубую!»

Дикая радость вмиг захватила Хавроню. Он заскакал точно ретивый конь на привязи, завопил, да так, что Хрюня со страху залезла под лавку. Хавроня исполнив подобие танца шамана, разом обмяк, утихомирился. Взгляд прояснился и пал на Хрюню. Они оба стали глядеть друг на друга, ничего не понимая и будто впервые встретились. Через мгновение вновь великое волнение нашло на Хавроню. Он задрожал и засверкал вновь обезумевшими глазами, исторг прерывающимся гортанным голосом: «Люблю! Люблю! Я люблю!» Вот что мне не хватает!

– Что это? – Опамятовался он.

– Ты орал как сумасшедший на каком-то иностранном языке.

– Как?!

– Сначала: У! ууу! У!Ю! – бубую! У!Ю! – лубую! Улю-блю-блю!.. Потом как-то переставил и соединил звуки в один звук, это на разный лад ещё кричал, потом спокойно и внятно вдруг произнес: «Люблю...Люблю. Вот что не хватает».

– Люблю. Люблю, – задумчиво повторял Хавроня, пробуя как звучит это слово и снова вскричал словно ужаленный: – Хрюня! Это я тетя люблю! Люблю – слово красивое и мелодичное, и обозначает оно какое-то новое радостное чувство. Люблю – это наше с тобой сочинение.

Хавроня с веселым гиком исполнил диковинный танец, прыгнул на Хрюню и принялся тискать её, обнимать, целовать. Хрюня перепугалась не на шутку, замахала лапками, отбиваясь и отбрыкиваясь от неожиданного кавалера.

– Кыш, нахал! Кыш! Кыш! – смущаясь, лепетала Хрюня. – Фу, как не стыдно! Ай, как не стыдно!

Однако слово, оглашенное соседом, заинтересовало, также как и его редкая взволнованность. Почесав брюхо, сказала:

– Правда твоя, Хавроня, всё это необычно, но мне это ничего не напоминает.

Хавроня сбивчиво, сильно волнуясь, взялся объяснять о неведомой силе, посетившей его, о драгоценном камне, о пламенном цветке, о великом волнении, после которого осталось воспоминанием: «У!Ю! – бубую!», и как частица того же волнения пришла, когда он коснулся её.

– Врешь ты всё! – оборвала Хрюня, зевнув во всю глотку. – Ты известный хвастун и фантазер. Сходи и принеси мне тот цветок. Может быть, и я переживу сходное с тем, о чём баешь, и будем тогда радоваться вместе. А лучше тащи драгоценный камень. Да поищи получше: может быть, он там не один. Вот тогда заживем с твоим новым словом в обнимку.

– Как же найду! Все великое приходит одиножды. Разве мало моего рассказа.

– Мало! Тащи камень или цветок! И я допущу тебя к себя: целуй и тискай, сколько сможешь и хочешь.

– Эх, ты! Скоро сама себе перестанешь верить. – Обиделся Хавроня, потопал восвояси, поискать тот самый цветок.

Идет лесом, идет полем, день идет и ночь идет. Зашел невесть куда. Глядит по сторонам и видит алый всплеск, радуга сомкнулась в шар, багровый вихрь кружит и веет над блистающим оттенками шаром. Страшно стало Хавроне. Крадучись и пугливо озираясь, пробрался поближе. Осмотрелся уже смелее и увидел, что он в расщелине у подножия горной гряды, которая поминутно меняла лик, точно каменные истуканы – огромные, хмурые, грозные стражи – менялись рядами, выказывая так всю силу и мощь доблестной рати, стоящей на страже трепетно колыхающегося красного шатра. Шаг за шагом Хавроня подошел ближе, уразумев, что он скорее гость, чем жертва.

– Эй, кто там в тереме живет? Отзовись и покажись! – набравшись духу, выкрикнул Хавроня.

Молчание было ответом.

– Эй, ну что ты в самом деле, покажись же!

Молчание главенствовало во всём. Громко-громко и много-много раз возмущал царственное безмолвие Хавроня. Умаявшись, он впервые горько заплакал, чему крайне удивился, и, недоуменно растирая горячие капельки влаги, стекающие по рыльцу, пробовал их на вкус. Солёные!

И тут-то вдруг всё, что было кругом: и гряда оживающих и каменеющих истуканов и зыбкий шатёр пришло в великое движение. Чей-то повелительный глас громоподобно воззвал троекратно. Разлилась чёрная темень. Вспыхнула молния. Снова посветлело. И свет невыразимо чудесен. Шатёр медленно стал раскрываться, как раскрывается цветок, согретый солнечными лучами. Хавроня зажмурил глаза, впечатленный видением. Когда же разом их открыл, увидел, что шатер опустившимися лепестками тюльпана обнажил тщательно сберегаемое таинство. Оказавшимся большим и мохнатым... Сначала Хавроня не поверил глазам, ударил себя копытом по голове, присел, подавленный увиденным: в чашке раскрытого цветка стояла самая обычная корова.

Корова важно посмотрела на потрясенного поросенка и по-матерински, тепло и радостно, замычала. Хавроня присел еще ниже, глаза раскрыл еще шире.

– Бедная коровка, как ты туда забралась? Кто полонил тебя? Кто посадил туда? За что и для чего? Побегай болезная оттуда! – вскричал Хавроня.

– Я волшебная корова! – с важностью молвила она.

– Да брось ты молоть чепуху! Уж прямо и волшебная. Не белены ли объелась? – сказал Хавроня. Подойдя вплотную, ласково погладил по удлинённой пучеглазой головушке.

– Я волшебная корова! – тем же непоколебимым тоном ответствовала она.

– Зачем ты говоришь неправду?

– Я прощаю тебе твоё невежество. – Она топнула ногой, тут же из каменной гряды вышел грозный страж.

На доспехах его Хавроня со страхом прочитал, что это супер-кибер, – безжалостная машина уничтожения, созданная великой королевой Вегой, которая и повелевает им. Хавроня не замедлил поднять лапы вверх: он сдаётся на милость великой и благой силы.

– Я помогу тебе! – велеречивым тоном объявила волшебная корова. – Мне известна твоя печаль и твоё несчастье. Возьми ведро. Вымя моё выдаст тебе микстуру. Её выпьешь ты и твоя Хрюня. После этого твоя Хрюня будет думать также как и ты, и перед вами встанет вопрос такой большой величины, что решать его по силам только вам обоим вместе, соединившись в одно целое.

– Она просила цветов.

– А я тебе дам напиток из этого цветка. Я каждое утро прогуливаюсь по горным долинам, где и растут эти дивные цветы. Растут для меня. Я их попросту ем. Вечерами из меня выдаивают целебнейший напиток, иначе микстуру. Это животворящая эссенция.

– Ого! Значит, кто-то есть главней тебя?

– Есть, но это великая тайна. Тебе её не дано уразуметь... К делу: бери микстуры и спеши к Хрюне. Помни, что тебе надлежит развеять её недоверие. Простой совет таков: сделай Хрюне приятность, и повторяй до тех пор, пока это не войдет в неё в привычку. Потом приостанови действие приятности и дай ей поскучать, чтобы радость и огорчение она отныне находила только в тебе. Всему началом послужит моя микстура.

Едва Хавроня дотронулся до розового соска волшебной коровы, ведро мигом наполнилось чудодейственным снадобьем. Изрядно поблагодарив волшебницу, он пустился в обратный путь. «Что за микстура?» – размышлял Хавроня. Любопытство росло, и он, не утерпев, лизнул чуточку. Как только капелька чудесной жидкости оказалась внутри, в голову ворвался страшной силы вихрь, в глазах его окружающее стало терять привычные очертания: поплыло, закрутилось и исчезло. Белая пелена возникла перед ним, через мгновение белизна также исчезла, окружающее возникло в привычных очертаниях, но ничто уже более не смущало взор холодностью и отчужденностью. Сам Хавроня сделался беспечен и весел. Лапы стали казаться крыльшками. Он полетел к больной подруге.

Мелькают поля, луга и рощи, вот крыши родного селения. Вот хижина Хрюни. Он рванулся в дверь – заперто! Крылья снова стали лапами, которыми он и принялся барабанить по дощатой двери. Вот дверь отворила мама Хрюни, дородная, тертая жизнью Хрюня большая.

– Хрюня маленькая дома? – спросил потускневший поросёнок с ведром в лапе.

– Она больна. Вчера у нас были гости. Мы угощались горохом. Знаешь ли как аппетитен и вкусен горох в эту пору! Я думать забыла о Хрюне; она забыла, что как бы не был хорош горох, кушать надо зная меру. Не представляю, на что рассчитывала Хрюня, что её взбаламутило (может быть весна на дворе?!), набила себя им по самые уши, да еще выпила много сладкой воды. Ночью вода и горох свершили пакостное дело: горох разбух, разбухла и Хрюня. Ей это ново – она ещё никогда не страдала, не мучилась, ведь она еще не знает как малы наши возможности, как могут быть велики наши желания и как коротка наша жизнь. Вчера впервые приняв, испытав страдание, она не справилась и тяжело заболела. Ей все видится гадким и мерзким. Не знаю, как она переживет отвращение к тому что может быть как радостью, так и горем, к тому, что из чего состоит наша жизнь, трижды проклятая и трижды прекрасная наша жизнь, как сможет не потерять веру и надежду в хорошее и доброе. Это моя вина. Я её посадила за стол к большим и взрослым, не научив правильно кушать. И самое главное, не научила правильно переносить постыдную боль от пищи, которую не по силам нам переварить, но наша гордость ли, ненасытность ли все же заставляет хватать её безрассудно, после чего, кто из нас начинает мучиться вечным расстройством пищеварения, кто делается калеккой. Вот какая у нас беда милый друг Хавроня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.